

ВВИА

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

24¹₂₀₂₅

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE

ВЫПУСК: 24¹₂₀₂₅

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Периодическое рецензируемое научное издание «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (ВВИА) — одно из ведущих в области изучения истории и теории архитектуры. Статьи представляют результаты новейших исследований, они охватывают все эпохи развития архитектуры, нацелены на уточнение спорных вопросов ее истории, на изучение основ архитектурного творчества, выявление генезиса и взаимосвязей архитектурных форм и явлений, на определение взаимодействий региональных традиций. Также обсуждается проблематика историографии архитектурного и градостроительного развития, синтеза искусств в архитектуре, сохранения историко-архитектурного наследия, архитектурной археологии, консервации и реставрации памятников архитектуры. Основано в 1961 г. Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ). С 2016 г. издается дважды в год. С 2023 г. издается на базе Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ).

ISSN 1997-0935 (Print)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-70991 от 07.09.2017 г.

Периодичность: 2 номера в год

Учредитель и Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (НИУ МГСУ), 129337, Москва, Ярославское ш., д. 26

Сайт: www.mgsu.ru

Тел./факс: (903) 519-23-68

E-mail: wiazhurnal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://wia.elpub.ru/jour>

Типография: Типография Издательства МИСИ – МГСУ, 129337, Москва, Ярославское ш., д. 26, корп. 8.
Тел.: (499) 183-91-44, 183-67-92, 183-91-90

Подписано в печать: 30.06.2025.

Подписан в свет: 30.06.2025.

Формат: 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,14. Тираж: 300 экз. Заказ № 286

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор и составитель: А.Ю. Казарян

Оригинал-макет и дизайн обложки: Е.В. Стамбровская

Выпускающий редактор: А.Р. Табекова

Редактор: Л.Б. Корзухина

Корректор: О.В. Ермихина

Дизайн и верстка: Ю.З. Алеяникова

Индексируется в РИНЦ, Журнал включен в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE

"Questions of the History of World Architecture" (VIA) is a peer-reviewed Open Access academic periodical, one of the leading journals in the field of the history and theory of architecture. Its articles represent the most recent work in the field: they cover all eras in the development of world architecture and town-planning, with a focus on vexed questions of history, architectural creativity, the origins of architectural forms, as well as on the interactions between regional traditions. The problems of historiography of architectural and urban development, synthesis of arts in architecture, preservation of historical-architectural heritage, architectural archeology, conservation and restoration of architectural monuments are also discussed. Founded by the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning in 1961. Since 2016, it has been published twice a year. The periodical has been published since 1961 by the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG). It is published twice annually since 2016. Since 2023, it has been published on the basis of the Moscow State University of Civil Engineering, National Research University (MGSU).

ISSN 1997-0935 (Print)

Publication Frequency: issued 2 times per year

Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU), 26 Yaroslavl'skoe shosse, Moscow, Russian Federation, 129337

Website: www.mgsu.ru

E-mail: wiazhurnal@yandex.ru

Website journal: <https://wia.elpub.ru/jour>

Printing House: Printing house of the Publishing house MISI – MGSU building 8, 26 Yaroslavl'skoe shosse, Moscow, Russian Federation, 129337

Signed for printing: 30.06.2025.

EDITORIAL TEAM OF ISSUES

Editor-in-chief and compiler: A.Yu. Kazaryan

Original layout and cover design: E.V. Stambrovskaya

Executive editor: A.R. Tabekova

Editor: L.B. Korzukhina

Corrector: O.V. Ermikhina

Layout: Y.Z. Aleynikova

"Questions of the History of World Architecture" is included in the List of periodical scientific and technical publication, recommended by Higher Attestation Commission of the Russian Federation for publishing aspirants' works for candidate and doctoral degree (K2).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Армен Юрьевич Казарян, доктор искусствоведения, академик Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), почетный член Российской академии художеств (РАХ), иностранный член Национальной академии наук Армении, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ) (Россия).

Заместитель главного редактора Ольга Владимировна Баева, доктор искусствоведения, доцент, советник РААСН, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ) (Россия).

Эскандер Муслимович Байтенов, доктор архитектуры, Казахская головная архитектурно-строительная академия, Алматы (Казахстан).

Патрисия Блессинг, Ph. D. по искусству и археологии, профессор, Принстонский университет (США); **Игорь Андреевич Бондаренко**, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, НИУ МГСУ (Россия).

Паоло Витти, Ph. D. по истории архитектуры, профессор, Университет Норт Дам, Римские глобальные ворота; член Правления организации Европа Ностра (Италия).

Анна Геннадиевна Вяземцева, кандидат искусствоведения, Ph. D. по истории искусства, Музей Вольфзо-нианы, Фонда культуры Палаццо Дукале, Генуя (Италия).

Ван Гуйсян, Ph. D. по архитектуре, профессор, Университет Цинхуа (Китай).

Патрик Донабедян, абилитированный доктор, заслуженный профессор арменоведения и истории искусства, Экс-Марсельский университет и Лаборатория средневековой и современной археологии Средиземноморья (LA3M, г. Экс-ан-Прованс) (Франция).

Жан-Пьер Кайе, Dr. по археологии, профессор, Парижский университет Нантера (Франция).

Мануэль Антонио Кастинейрас Гонсалес, Dr., профессор, Автономный университет Барселоны (Испания).

Юлия Гавриилловна Клименко, доктор архитектуры, профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института (Государственная академия) (Россия).

Нина Анатольевна Коновалова, кандидат искусствоведения, советник РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Министра России» НИИТИАГ (Россия).

Евгений Иванович Кононенко, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия).

Юлия Леонидовна Косенкова, доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, НИУ МГСУ (Россия).

Джон Макнилл, действительный член Общества антикваров и Королевского исторического общества, Британская археологическая ассоциация (Великобритания).

Ежи Малиновский, Dr. по истории искусства, профессор, Польский институт истории мирового искусства (Польша).

Ставрос Мамалуκος, Ph. D. по искусству и археологии, ассистент профессора, Университет Патр (Греция).

Кристина Маранчи, Ph. D. по истории искусства, профессор, Центр средневековых восточных исследований Гарвардского университета (США).

Армен Сергеевич Сардаров, доктор архитектуры, профессор, Белорусский национальный технический университет (Беларусь).

Владимир Валентинович Седов, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАН, Институт археологии РАН (Россия).

Юлия Валентиновна Тарабарина, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия).

Светлана Валерьевна Тарханова, кандидат искусствоведения, Департамент национальных сокровищ Управления древностей Израиля (Израиль);

Вольф Тегенхоф, Dr. по истории архитектуры, профессор, Центральный институт истории искусства (Германия).

Лиоба Теис, Dr. по истории искусства, профессор, Институт истории искусства (Австрия).

Ануш Ашотовна Тер-Минасян, кандидат архитектуры, Национальный музей-институт архитектуры (Армения).

Мария де лос Анхелес Утреро Агудо, Ph. D. по истории искусства, профессор, Школа арабских исследований — CSIC (Испания).

Людмила Георгиевна Хрушкова, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет (Россия).

Владимир Михайлович Чекарёв, доктор искусствоведения, НИУ МГСУ (Россия).

Дмитрий Олегович Швидковский, доктор искусствоведения, профессор, академик РААСН и РАХ, МАРХИ и РААСН (Россия).

Марианна Юрьевна Шевченко, доктор архитектуры, МАРХИ (Россия).

Шариф Мухаммадович Шукуров, доктор искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Россия).

Алексей Серафимович Щенков, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, МАРХИ (Россия).

EDITORIAL BOARD

Managing editor Armen Kazaryan, Dr., Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN) academician, honorary member of the Russian Academy of Arts, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, Moscow State University of Civil Engineering, National Research University (MGSU) (Russia).

Deputy of managing editor Olga Baeva, Dr., adviser of RAASN, Moscow State University of Civil Engineering, National Research University (MGSU) (Russia).

Eskander Baitenov, Doctor of Architecture, Kazakh Leading Academy of Architecture & Civil Engineering (Kazakhstan).

Patricia Blessing, Ph. D., Assistant Professor, Princeton University (USA).

Igor Bondarenko, Dr., Prof., RAASN academician, MGSU (Russia).

Paolo Vitti, Prof. Ph. D. in history of architecture, University of Notre Dame, Rome Global Gateways (Italy).

Anna Vyazemtseva, Ph. D., Wolfsoniana – Palazzo Ducale Fondazione per la Cultura, Genova (Italy).

Wang Guixiang, Prof. Ph. D., Tsinghua University (China).

Patrick Donabédian, Habil. doctor, Professor Emeritus of Armenian Studies and History of Art, Aix-Marseille University and Laboratoire d'archéologie médiévale et moderne en Méditerranée (LA3M — Laboratory of medieval archaeology, Aix-en-Provence) (France).

Jean-Pierre Caillet, Prof. Dr., Université Paris Nanterre (France).

Manuel Antonio Castineiras Gonzalez, Prof. Dr., Universitat Autònoma de Barcelona (Spain).

Julia Kliimenko, Dr., Moscow Architectural Institute, State Academy (MARKHI) (Russia).

Nina Konovalova, Ph. D., adviser of RAASN, NIITIAG (Russia).

Eugeniy Kononenko, Dr., State Institute for Art Studies (Russia).

Julia Kosenkova, Dr., corresponding member of RAASN, MGSU (Russia).

John McNeill, Fellow of the Society of Antiquaries — and Fellow of the Royal Historical Society, — British Archaeological Association (Great Britain).

Jerzy Malinowski, Prof. Dr., Polish Institute of World Art Studies (Poland).

Stavros Mamaloukos, Assoc. Prof., Ph. D. in art and archaeology, University of Patras (Greece).

Christina Maranci, Prof. Ph. D. in Art History, The Center for Middle Eastern Studies Harvard University (USA).

Armen Sardarov, Prof. Dr. in architecture, Belarusian National Technical University (Belarus).

Vladimir Sedov, Prof. Dr., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology of RAS (Russia).

Julia Tarabarina, Ph. D., State Institute for Art Studies (Russia).

Svetlana Tarkhanova, Ph. D., National Treasures Department of the Israel Antiquities Authority (IAA) (Israel);

Wolf Tegenhoff, Prof. Dr., Zentralinstituts für Kunstgeschichte (Germany).

Lioba Theis, Prof. Dr., Institut für Kunstgeschichte (Austria).

Anoush Ter-Minasyan, PhD in architecture, National Museum-Institute of Architecture (Armenia).

Maria de los Angeles Utrero Agudo, Prof. Ph. D., Escuela de Estudios Árabes-CSIC (Spain).

Liudmila Khrushkova, Dr., Prof., Moscow State University (Russia).

Vladimir Chekmarev, Dr., MGSU (Russia).

Dmitriy Shvidkovskiy, Dr., Prof., Russian Academy of Arts and RAASN academician, MARKHI and RAASN (Russia).

Marianna Shevchenko, Dr., MARKHI (Russia).

Sharif Shukurov, Dr., Institute for Oriental Studies of RAS (Russia).

Aleksey Shenkov, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, MARKHI (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Теоретические вопросы изучения истории архитектуры *Theoretical questions of the history of architecture*

- И.А. Бондаренко.** Традиционная субординация архитектурных пространств (к вопросу о размежевании «священного» и «мирского»)
I.A. Bondarenko. *Traditional Subordination of Architectural Spaces (on the Demarcation of the “Sacred” and the “Secular”)* **8**

Архитектура Древнего мира и Средних веков *Ancient and Medieval Architecture*

- Р.В. Стоянов.** Изучение коринфского ордера в общественной архитектуре Парiona периода ранней Римской империи
R.V. Stoyanov. *Study of the Corinthian Order in the Public Architecture of Parion During the Early Roman Empire* **18**
- J.-P. Caillet.** A Major Monument — Far Too Often Underestimated — and Its Complex Issues: Saint Sophia of Sofia (Bulgaria)
Ж.-П. Кайе. Значительный памятник, часто недооцениваемый, и его сложные проблемы: Святая София в Софии (Болгария) **31**
- А.Ю. Казарян.** Особый тип капителей с пальметтами Анийского собора и других памятников столичной школы армянского зодчества
A.Yu. Kazaryan. *A Special Type of Capitals with Palmettes of the Ani Cathedral and Other Monuments of the Metropolitan School of Armenian Architecture* **40**
- Н.А. Коновалова.** Пагоды Японии: функция и символ
N.A. Konovalova. *Pagodas of Japan: Function and Symbol* **54**
- К.С. Носов.** Военное зодчество миланских герцогов Сфорца и русские кремли в итальянском стиле
K.S. Nossov. *Military Architecture of the Milanese Sforza Dukes and Russian Italian-Style Kremlins* **69**

Архитектура Нового и Новейшего времени *Architecture of Modern History*

- И.Е. Кушелев.** Восстановление редкого картографического источника по застройке Орла в XVIII веке как основа для апробации генеалого-топографического метода реконструкции позднесредневекового города
I.E. Kushelev. *Restoration of the Rare Cartographic Source for the Development of Oryol in the XVIII Century as a Basis for Appropriation of the Genealogical-Topographical Method of Reconstruction of the Late Medieval City* **86**

О.В. Баева, А.С. Шесторкина. Архитектура Дома Дудековых в Панагюриште как отражение социокультурных изменений в эпоху болгарского Возрождения O.V. Baeva, A.S. Shestorkina. <i>The Architecture of the Dudeks' House in Panagyurishte as a Reflection of Sociocultural Changes During the Bulgarian National Revival</i>	101
М.П. Терентьева. Типология терракотовых храмов Бенгалии на материале средневекового города Кална M.P. Terenteva. <i>Typology of Terracotta Temples of Bengal, Based on the Medieval City of Kalna</i>	113
О.В. Рыжко, Н.В. Карушкина. Замысел и проект дворца Дюльбер. Творческий тандем заказчика и архитектора O.V. Ryzhko, N.V. Karushkina. <i>The Concept and Design of the Dulber Palace. A Creative Tandem of the Customer and the Architect</i>	124
 Вопросы сохранения архитектурного наследия <i>Issues of Architectural Heritage Preservation</i> 	
Т.В. Иванцык. Вопрос реставрации главного дома усадьбы Ивановское-Безобразово. По материалам историко-архитектурных и натурных исследований T.V. Ivantsyk. <i>The Question of Restoration of the Main House of the Ivanovskoye-Bezobrazovo Estate, Based on the Materials of Historical-Architectural and Field Studies</i>	136
С.В. Краус, Д.В. Тихонова. Обзор круговых депо Николаевской железной дороги. Перспективы сохранения и приспособления S.V. Kraus, D.V. Tikhonova. <i>An Overview of the Circular Depots of the Nikolaev Railway. Prospects for Conservation and Adaptation</i>	146
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ <i>About the authors</i>	164
АВТОРАМ СТАТЕЙ <i>To the authors of articles</i>	170

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ

*Theoretical questions
of the history of architecture*

И.А. Бондаренко

ТРАДИЦИОННАЯ СУБОРДИНАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ (К ВОПРОСУ О РАЗМЕЖЕВАНИИ «СВЯЩЕННОГО» И «МИРСКОГО»)¹

Выявляются истоки устойчивых традиций выделения архитектурными средствами пространств разной степени значимости. Разбирается вопрос о противопоставлении, размежевании и установлении контактов в определенных точках между зонами священными, мирскими и inferнальными. Уделяется внимание архитектурно-пространственным приемам обозначения связи земли с небом. Для анализа структуры произведений архитектуры и градостроительства привлекаются архаические модели мироздания.

Ключевые слова: архитектура, градостроительство, пространство, священное, мирское, структура, субординация

I.A. Bondarenko

TRADITIONAL SUBORDINATION OF ARCHITECTURAL SPACES (ON THE DEMARCATION OF THE “SACRED” AND THE “SECULAR”)

The origins of enduring traditions in distinguishing spaces of varying significance through architectural means are identified. The issue of opposition, demarcation, and establishing connections at certain points between sacred, secular, and infernal zones is examined. Attention is given to architectural and spatial techniques for marking the connection between earth and sky. Archaic models of the universe are employed to analyze the structure of architectural and urban planning works.

Keywords: architecture, urban planning, space, sacred, secular, structure, subordination

Наука Нового времени воспитала в людях отношение к окружающему пространству как огромной трехмерной емкости, бесстрастно вмещающей в себя все многообразие предметного мира. Правда, уже давно стала общим достоянием теория относительности А. Эйнштейна, допускающая искривление пространства – времени под воздействием силы гравитации. Известно и о существовании неевклидовой геометрии, о пространствах с большим числом измерений, однако их трудно себе вообразить даже математикам, занимающимся такого рода высокими материями.

Архитекторы лишь интересуются современной наукой — в меру сил и возможностей. Иногда это приводит к рождению в их произведениях неких художественных метафор на тему пространственной «нелинейности», «сингулярности», «бифуркаций», «аттракторов» и т.п. (весьма вольных и не всегда корректных с естественно-научной точки зрения). Но в большинстве своем архитектурная и градостроительная практика сегодня исходит из простого и привычного рационализма, сопряженного с унификацией, стандартизацией, типизацией, что в конечном счете ведет к вульгаризации профессии.

¹ Исследование проведено в Филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ по Плану фундаментальных исследований РААСН и Минстроя России на 2025 год. Тема № 1.1.6.1.

И все же положение дел не так печально, как иногда кажется, ибо современное творчество опирается на исторический опыт и стойкие традиции, уходящие своими корнями в глубочайшую древность. Вникание в суть этих традиций делает очевидным существование представлений о принципиальной разнокачественности пространственных локусов, осваивавшихся и организовывавшихся так или иначе человеком на протяжении веков (Топоров 2010: 421–433).

Среди многочисленных трудов, касающихся данного вопроса, выделяется небольшая, но основополагающая книга М. Элиаде «Сакральное и профанное», в русском переводе — «Священное и мирское». Она начинается с утверждения: «Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. ... есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные» (Элиаде 1994: 22).

Надо признать, что и сегодня люди воспринимают пространства очень по-разному. И отнюдь не только с религиозной точки зрения. Архитекторы находят всевозможные средства отделения пространств главных, парадных от вспомогательных, периферийных или вовсе принадлежащих дикой природе. Поэтому есть смысл и потребность в рассуждениях о свойствах пространства с гуманитарных, интуитивно-художественных, эмоциональных позиций, оставляя в стороне строгие физико-математические абстракции, тем более что и в некоторых из них появляются выводы, «которые ближе к мифопоэтической концепции пространства, чем к усредненному и шаблонизированному «бытовому» образу пространства» (Топоров 2010: 430).

Особое внимание М. Элиаде обратил на традиционное значение дверей и порогов, которые «непосредственно и конкретно указывают на разрыв в пространстве», являясь «символами и средствами перехода». Попадая в священное здание, человек отрешается

от внешнего профанного мира. Мало того, в таком здании «должна существовать какая-то «дверь» наверх, по которой боги могли бы спускаться на Землю, а человек мог бы символически подниматься на Небо» (Элиаде 1994: 25). Развивая эту мысль, М. Элиаде постарался обосновать тезис о концентрации сакральной значимости в центре мирового пространства и моделирующего его здания (Элиаде 1994: 31–37). «Вселенная берет начало в своем Центре, она простирается от центральной точки, как от «пупа» (Элиаде 1994: 35).

В данной статье ставится задача продвинуться вперед в осмыслении и уточнении фундаментальных идей М. Элиаде о существовании традиционных взглядов на пространственную среду и ее архитектурную организованность.

Прежде всего возникает вопрос относительно правомерности принципиальной дефиниции пространств на священные и мирские. В языческие времена господствовала пантеистическая картина мира, согласно которой буквально все природные и рукотворные объекты считались одушевленными, населенными многообразными духами, которых надо опасаться и задабривать. Из этого следует, что пространство обыденной жизни не было отрезано напрочь от сферы сакрального. Другое дело, что ощущение сакральности проявлялось в разных формах и степенях полноты. Есть основание полагать, что люди издревле признавали существование субординации незримых сил природы. А обществу была присуща субординация родовая — патриархальная и матриархальная.

Таким образом, нельзя считать священное и мирское диалектической парой антагонистических противоположностей. Между первым и вторым всегда выстраивались переходные звенья, каждое из которых имело свою, большую или меньшую значимость. В одном направлении степень сакраментальности пространств нарастала, в другом — убывала, но не исчезала вовсе. Города имели предградья, посадки, обжитые окрестности, «тянувшие» к ним, да еще и получавшие дополнительные очаги святости в виде храмов и монастырей. Дома окружались дворами, а те находились на тер-

риториях поселений, которые тоже освящались и оберегались от сил зла.

Следовательно, точнее будет сказать, что двери и пороги отделяли и связывали пространства не священные и мирские, а обладавшие большей или меньшей сакрализованностью. В самом деле, территория внутри городских стен была гораздо более защищенной и благодатной, нежели вовне. Зона вблизи храма овеивалась источаемой им священной аурой. Паперти и притворы предвещали попадание в пространство наоса. Но и там молящиеся оказывались лишь в преддверии самого таинственного пространства, заключенного в алтаре. Нельзя не вспомнить в этой связи библейское свидетельство о том, как царь Соломон устроил «в задней стороне храма, в двадцати локтях от края ... давил для Святого Святых» (3 Царств, 6.16).

На примере христианской церкви отчетливо видно, что наиболее священное пространство сосредотачивалось не в центре — наосе, а в алтаре, выдвинутом к востоку. Направление на восток почиталось особо с незапамятных времен, что надо признать естественным для людей, ежесуточно приветствовавших восхождение дневного светила, разгоняющего ночную тьму и дарующего радость жизни. Христианские священнослужители требовали от пастырей отказаться от поклонения Солнцу, но при этом именовали Иисуса Христа «Солнцем Правды».

Античные языческие храмы ориентировались чаще всего наоборот — входами на восток. Но именно с этой стороны перед ними ставились священные алтари. Изваяние бога помещалось в глубину целлы. Его озаряли первые лучи восходящего Солнца. Что это значит? Олимпийские боги являли себя, выходя на свет из вечернего сумрака. Объяснением тому служит отождествление основных из них с планетами, сияющими на ночном небе. Главное ночное светило — Луна (греческая титанида Селена) — считалась движущейся навстречу Солнцу, несмотря на то, что ее захватывает общее вращение неба с востока на запад. Дело в том, что она зримо перемещается по кольцу эклиптики против часовой стрелки (если смотреть со стороны Северного полюса) с опережением Солнца. Планеты движут-

ся в том же потоке, только с разными скоростями. Сложилось представление, будто Солнце рождается на Востоке, а Луна на Западе — в виде тонкого поначалу серпа. А в конце каждого месяца стареющая Луна погибает, растворяясь в лучах восходящего Солнца (Афанасьев 1994: 189, 190).

Внимание к такой общеизвестной небесной механике помогает обосновать мысль о сакрализации в прошлом не только восточной, но и западной стороны горизонта.

Северное и южное направления тоже были священны. Полуденному Солнцу противопоставлялась полная Луна как «Царица ночи». На протяжении веков едва ли не повсеместно воспроизводилась традиция ориентации жилища передом на дневную, солнечную сторону. Русские крестьяне поддерживали эту традицию вплоть до XX в., несмотря на требования властей ставить дома по красным линиям улиц лицом к лицу при любой ориентации по сторонам света. Они опасались делать даже окна с северной стороны, откуда угрожают явиться силы мрака (Байбурин 1993: 163). До наших дней сохранились деревни с рядами домов, поставленных в «затылок» друг к другу ради того, чтобы смотреть на Солнце.

Древнейшие однокамерные жилища, как и храмы типа мегаронов, спереди имели дверь. В русских избах после крещения дверь чаще всего стали располагать с противоположной стороны, поскольку перед был отведен для красного угла с божницей. И все же вход в жилище по-прежнему старались организовывать с юга, юго-востока или юго-запада — от главных ворот двора к красному крыльцу, примыкающему к боковой стене избы и приводящему в сени, пристроенные к ней сзади (Бондаренко 2023).

Так в христианском жилище наиболее священным стало пространство, обращенное на солнечную сторону, тогда как в жилище более древнем самое почетное место располагалось в глубине, у северной или северо-западной стены.

Согласно именно этой исконной и универсальной традиции, императоры Китая направляли продольные оси своих грандиозных дворцово-парковых

ансамблей с севера на юг. Значимость пространств в них шаг за шагом повышалась по пути от входа к замыкавшему перспективу тронному залу. Созданию данного эффекта способствовал выбор участка на склоне с южной экспозицией. «Сын неба» занимал возвышенное место на вздымающейся к северу поверхности земли, оказываясь под сенью приполярных созвездий, которые, по древним воззрениям, отмечали на небе область стабильности и бессмертия (*Крапп* 2000: 443).

Из трактата Аристотеля «Метеорологика» явствует, что европейские античные философы тоже связывали север с верхней частью земли, а юг с нижней (*Аристотель* 1981: 477). Для индусов хозяином юга был бог смерти Яма (*Тюлина* 2010: 18–25). Удивительно, но русское слово яма, означающее углубление, буквально воспроизводит это самое имя. Путь с юга на север подобен восхождению в гору, от низшего к высшему. Хотя, никак нельзя сказать, что низ лишен сакральности — ведь здесь простирается досточтимая «мать сыра земля», а под ней — «инфернальный» мир мертвых — преисподняя, Тартар, царство Аида, Ямы и других богов или демонов.

Согласно древним китайским воззрениям, закрепившимся в известном учении фэн-шуй, стражами сторон света являются зеленый дракон (на востоке), красная птица (на юге), белый тигр (на западе) и черная черепаха (на севере). Судя по всему, в данном случае имеются в виду не северное и южное направления, а полуночное и полуденное. Если так, то центральная точка обозначает «ось мира», черепаха — темную оборотную сторону земли, а птица — «красно солнышко», парящее над стороной обитаемой. Сидя на возвышении, император взирает на широкий ниспадающий дол и на озаряющее его яркое дневное светило. Величественная фигура обращена спиной к области мрака и защищает от нее этот прекрасный цветущий мир.

Возвращаясь к скромным традиционным жилищам, нельзя не напомнить о том, что домашний очаг было принято размещать вблизи двери. Для древних греков божественной хозяйкой

здесь была Гестия, для римлян — Веста. По имени последней входная зона до сих пор именуется вестибюлем. В иерархии внутренних пространств и жилых, и общественных зданий этой зоне отводилась ступень низшая. Об этом свидетельствует рекомендация Витрувия строить алтари Весте, как и Матери Земле, низкими, в отличие от алтарей богам, пребывающим высоко в небесах (*Витрувий* 2003: 76). При всем том очаг почитался и оберегался всегда с чрезвычайным усердием. Его надо было содержать в чистоте, при нем запрещалось сквернословить, ибо от его исправного горения впрямую зависела жизнь общины (*Турцевич* 2016: 11–14).

Нельзя обойти вниманием древнейшие жилища типа юрт и шалашей, где очаг устраивался посередине. Над ним в кровле оставлялось специальное отверстие для удаления дыма и мистической связи с небом. В строении господствовала вертикальная ось симметрии. Все вроде бы так, как написал М. Элиаде о священном центре.

Совместные трапезы вокруг очага объединяли родственников и гостей. Однако надо заметить, что места по кругу не уравнивали людей, а ранжировали их по старшинству. Младшие сидели у входа, а старшие в глубине. У казахов до сих пор существует традиция при встрече гостя предлагать ему «проходить выше», как будто пол в доме имеет наклон².

Разрастание жилища приводило к возникновению заметной асимметрии, ибо хозяину — «большаку» подобало занимать пространство большее, нежели человеку «среднему», а тем более «мизинному». Может быть, поэтому в русской избе печь стали задвигать в угол при входе. Красный угол нередко называли большим. Значит, печной считался малым. Исследования древнеримского атриумно-перистильного дома показывают, что и в нем пространство у очага, где в ранний период собирались за трапезой все домохозяцы, в последующем уступило свое значение обширным внутренним апартаментам (*Турцевич* 2016: 16).

Насколько позволительно говорить об умалении или нарастании степеней сакральности места в зависимости

² Информация об этом любезно предоставлена Э.М. Байтоновым.

от старшинства его владельца? Коль скоро заслуги и возраст человека делают его почтенным, такая зависимость представляется оправданной. Вспоминаются святые старцы, древние священные деревья, реликвии, удостоенные бессмертия. В то же время святыми становились и юные избранники божии. Римские жрицы очага — весталки — должны были всегда оставаться девственно молодыми. Обращает на себя внимание обычай хоронить под порогом дома умершего некрещеным ребенка (Топорков 1995: 318, 319). Этот обычай подтверждает, что данное место принадлежало самым младшим членам семьи. Но и оно было священно, как священна целомудренность райских созданий.

На самом деле можно констатировать, что все углы и все стороны, все стены и проемы здания, двора, города, посада наделялись изначально не только физической, но и мистической защитной функцией. Любые ограждения — и высокие, и низкие, и капитальные, и временные — обязательно освящали, призывая на помощь незримые силы. Это были «обереги» и для святынь, и для мирян.

Известны христианизированные магические заговоры, рисующие в воображении непреступные стены «от земли до неба», способные сохранить в неприкосновенности простого уязвимого человека. Исходное символическое значение ограждающих, да и перекрывающих пространство архитектурных конструкций состояло в приобщении к жизнеспасительному первообразу космоса, сотворенного посреди мертвящего хаоса. Фундаментальный смысл этих конструкций состоял в отделении пространств опасных от безопасных, находящихся под покровительством благих сил.

Мирское не противостоит священному, как хаос космосу. Поэтому его место надо искать не за пределами священной обители, а внутри нее, под защитой ее архитектурной оболочки, в середине. К такому выводу приводит не только вышеприведенный ход рассуждений, но и архаический образ геоцентрической вселенной, с особой наглядностью представленный в «Христианской топографии» ранневизантийского автора — Козьмы Индикоплова (Редин 1916: 124).

Этот образ имел ярко выраженные архитектурные черты. Нет сомнений в том, что он программно воплощался в структуре христианского храма.

Показательна прямоугольная карта Козьмы Индикоплова, на которой обозначена островная земля, окруженная океаном, отделяющим ее от земли иной — первого дня творения. На восточной стороне этой периферийной земли — покинутый людьми рай (Редин 1916: 35, 115). В древнерусском апокрифе «О всей твари» указывается не только рай, но и его противоположность — «муки» (Савельева 2009: 427). В плане храма первый топоним ассоциируется с алтарем, второй — с пространством у западных врат. Знаменательна в этом отношении традиция размещения на западной стене церкви сцены Страшного суда. Восход Солнца знаменует рассвет, а его заход символизирует «конец света».

Островная земля — это та самая суша с «горами Араратскими», на которых остановился ковчег Ноя (Редин 1916: 35). Земля эта прекрасна, даже «лучше и почти равна раю» (Редин 1916: 36), но не идеальна. Эту мысль, содержащуюся в «Христианской топографии», поясняет цикл этиологических легенд, повествующих о том, как Бог сотворил благодатную землю посреди вод и как его лукавый противник навел на нее порчу (Народная 1992: 453–456). Вот чем объясняют эти легенды тот факт, что живем мы здесь «с грехом пополам».

Ясно, что наше «мирское» пространство находится именно на этой земле, изолированной непреодолимым космическим океаном, наполненным созвездиями, несущими образы великих астральных существ — внизу водных, наверху — обитающих в воздушной среде. Небо с бесчисленными огнями звезд и светил создает священную оболочку для обитаемого острова, однако поддерживает на нем лишь относительное и преходящее счастье. Да и само оно не вечно, поскольку подчинено течению времени.

Наибольшую стабильность являет собой место в центре, на незабываемой оси вращения неба. Это верно. Правда, если иметь в виду «пуп земли», то придется констатировать, что он находится на экваторе — на линии полуденного

солнцестояния, а не на оси, куда обращена вершина — «макушка» — земли. Впрочем, можно, наверное, рассматривать «пуп» и как внутреннюю срединную точку в полости горообразной земли.

«Пуп земли» иногда обозначали на полу храма под куполом. Место священное, но все же не главное. Главенствовало изображение Пантократора — на своде купола. Святость концентрировалась вверху, во «главе» храма — его главном, «головном» месте, и еще выше — в мире горнем, куда устремлялся венчающий крест. Нельзя забывать, что свод, как и плоский потолок, символизировал твердь небесную, отделившую во второй день творения, согласно первой книге Бытия, пространство околоземное от высшего.

Некоторые из приведенных М. Элиаде примеров традиционного расположения поселений и их доминирующих построек в воображаемом центре мироздания при ближайшем рассмотрении свидетельствуют именно о том, что сказано выше: «В Уаропене, в Гвинее, «дом людей» стоит посередине деревни: его крыша символизирует небесный свод, четыре стены соответствуют четырем сторонам света.

В Кераме святой камень деревни символизирует Небо, четыре каменные колонны, на которых он покоится, воспроизводят четыре Небесные опоры (Элиаде 1994: 36).

Обитель абсолютной святости — это совсем другое. Представление о ней дает описание в Откровении Иоанна Богослова нисходящего с неба в конце времен Нового Иерусалима (Откр. 21. 22–27; 22. 3–5). В нем нет места греху и горю. Достойные обитают здесь вместе с Богом в лучах Его света. Нет тьмы, нет ночи и нет нужды в Солнце и Луне. Это пространство вечности, где нет разделения священного и мирского. Мирское полностью «обожено». А все недостойное отброшено во «тьму внешнюю».

Таким образом, субординация пространств свойственна здешнему миру, где нет абсолютного равенства, абсолютного добра и счастья. Тут требуется соблюдать меру, порядок, чинопоследование. Именно зона середины, усреднения является местом сосредоточения «профанного». «Сакральное» же концен-

трируется на периферии нашего пространства — по углам, сторонам, в самом верху и самом низу.

При рассмотрении вертикального разреза архаической модели мира большинство авторов пишут именно о такой ее «трехэтажности» (Топоров 2010: 306–315). Тот же М. Элиаде прекрасно показал, как шаманы в экстазе покидают мир людей и залезают по стволу дерева на небо или спускаются под землю (Элиаде 1998: 201–204). Получается так, что степени сакральности возрастают по мере «лестничного» восхождения к небу, как и взбирания по стволу дерева к его кроне. То же происходит и по мере нисхождения к корням, простирающимся во мраке. Правда, сакральность нижнего мира иного свойства, нежели верхнего.

Мысль о сакральности вертикальной коммуникации в пространственном центре порождает не вполне корректное представление о профанности периферии. Нельзя забывать о сакрализации и горизонтального пояса, ограждающего срединный мир по сторонам. Вспомним сказания о путешествиях героев «за тридевять земель», «куда глаза глядят», «за кудыкины горы», на «край света», где можно спуститься в подводное царство, либо подняться на небо, с трудом цепляясь за его скользкий край (Афанасьев 1994: 119–125).

Стоит заметить, что в храме, в подкупольном пространстве, вертикальный столп и лестница до неба рисуется лишь в воображении. А настоящую лестничную башню принято располагать с краю, у западных врат. Можно догадываться, что такое правило отвечало представлениям о склонении небосвода (в соответствии с наклоном плоскости эклиптики, обрамленной поясом Зодиака) и его опускании на тот участок земли, где был насажден райский сад. Не поэтому ли в восточном направлении нарастает степень святости церковного пространства?

Нет сомнения в том, что наибольшее эмоциональное напряжение всегда наблюдалось на границах, в местах перехода из пространства «своего» в «чужое», у дверей и порогов. Дверь в виде кусающей пасти, страшная лесная избушка, сквозь которую непременно надо прой-

ти, огненная река, непреодолимая без волшебного помощника, — всем этим преисполнены мифы и сказки (Пропп 1986). Конечно, магические чары, создающие препятствия и влекущие человека к гибели, не тождественны силам священным в их христианском понимании. Однако нельзя отрицать наличия у древней магии и религии общих мистических оснований.

На самом деле, не очень удобно пользоваться дефиницией «священное – мирское». Во-первых, потому, что первое не противостоит второму, а проникает в него, чтобы защитить, очистить, усовершенствовать и обожествить. Во-вторых, «священное» бывает отнюдь не только благостно-гармоничным, но и яростным, карающим, испепеляющим. Необходимо различать в нем живительное и губительное, умиротворяющее и воинственное, светлое и темное, доброе и злое. Это вызывает потребность в уточнении терминов.

Если язычники могли называть святыщами места поклонения самым разным богам и духам, то приверженцы монотеизма — только одному Вседержителю неба и земли. Оставшиеся непосвященными древние сакраментальные капища и урочища превратились для них в «бесовские», «колдовские», «нечистые» места отправления пугающих культов, которые стало нельзя называть сакральными, а тем более святыми.

В языческой древности каждый угол дома имел свой сакральный смысл. В христианскую эпоху святым стал именоваться лишь один — красный — с ико-

нами и лампадой. Есть этнографический источник, где зафиксирована уверенность в том, что «сила святого угла побеждает всякую вражескую силу» (Иванов 1889: 38). Традиции почитания печи сохранились, однако, в большинстве своем перешли в разряд простонародных суеверий. Домового продолжили побаиваться и задабривать, но уже не как бога.

Вместе с тем от защитной функции ограждений отказываться было нельзя. Поэтому языческие обереги замещались христианскими апотропеями, крестами и иконами повсюду. Это значит, что отнюдь не только красный угол оставался священным, но и весь периметр дома, включая окна и двери — самые уязвимые его точки.

Новое время характеризуется «обмирщением» культуры. В ней уже нет места мистике. Остались лишь сказочные припоминания о завораживающем волшебстве. Только церкви и монастыри выглядят как островки, хранящие ореол святости в море обыденности. В целом соотношение священного и мирского стало в сознании современного человека совсем не тем, чем оно было в древности и средневековье. Думается, что основная причина тому — обособление разнокачественных пространств и объектов при умалении значения субординации в пользу сосуществования их на равных, независимо друг от друга. Сфера сакрального минимизировалась, замкнулась в себе и отмежевывалась от житейского — профанного, что заметно обеднило и обескровило это понятие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аристотель 1981 — Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 3: перевод / вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981.
- Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Т. 1. Репринт издания 1865 года с исправлениями. М.: Индрик, 1994.
- Байбурин 1993 — Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Бондаренко 2023 — Бондаренко И.А. «Красные ворота» и «черный ход»: о логике пространственной ориентации древнерусского жилища // Архитектурное наследство. Вып. 79. 2023. С. 5–10.
- Витрувий 2003 — Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. с латинского Ф.А. Петровского. Изд. 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003.

- Иванов 1889 — Иванов П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к мало-русской хате // Харьковский сборник. Вып. 3. 1889. Отд. 2.
- Крапп 2000 — Крапп Э.К. Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / пер. с англ. К. Савельева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
- Народная 1992 — Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.
- Пропп 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1986.
- Редин 1916 — Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916.
- Савельева 2009 — Савельева Н.В. Апокрифическая статья «О всей твари» и ее бытование в составе древнерусских сборников // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н.В. Поньрко. Т. 60. СПб., 2009. С. 394–436.
- Топорков 1995 — Топорков А.Л. Порог // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.
- Топоров 2010 — Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.
- Турцевич 2016 — Турцевич И.Г. Культ Весты в Древнем Риме. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Тюлина 2010 — Тюлина Е.В. Храм, мир, текст. Вастувидья в традиции пуран. М.: Восточная литература, 2010.
- Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское / пер. с франц., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Элиаде 1998 — Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис. Киев: «София», 1998.

REFERENCES

- Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov (Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals)*. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Bondarenko I.A. «Krasnye vorota» i «chernyi khod»: o logike prostranstvennoi orientatsii drevnerusskogo zhilishcha ("Red Gate" and "back door": on the logic of spatial orientation of an ancient Russian dwelling). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, issue 79, 2023, pp. 5–10 (in Russian).
- Krapp E.K. *Legendy i predaniia o Solntse, Lune, zvezdakh i planetakh (Legends and legends about the Sun, Moon, stars and planets)*. Translated from English by K. Savelyev. Moscow: FAIR PRESS, 2000 (in Russian).
- Propp V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki (Historical roots of a fairy tale)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1986 (in Russian).
- Savel'eva N.V. Apokrificheskaya stat'ia «O vsei tvari» i ee bytovanie v sostave drevnerusskikh sbornikov (The apocryphal article "About the whole creation" and its existence in Ancient Russian collections). *Tруды otдела drevnerusskoi literatury (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*. Ed. by N.V. Ponyrko. St. Petersburg, 2009, vol. 60, pp. 394–436 (in Russian).
- Toporkov A.L. Porog (Threshold). *Slavianskaia mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' (Slavic mythology. An encyclopedic dictionary)*. Moscow: Ellis Luck Publ., 1995 (in Russian).
- Toporov V.N. *Mirovye derevo. Universal'nye znakovye komplekсы (The World Tree. Universal sign complexes)*, vol. 2. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2010 (in Russian).
- Turtsevich I.G. *Kul't Vesty v Drevnem Rime (The Cult of Vesta in Ancient Rome)*. Moscow: LENAND Publ., 2016 (in Russian).
- Tiulina E.V. *Khram, mir, tekst. Vastuv'id'ia v traditsii puran (Temple, world, text. Vastuv'idya in the tradition of the Puranas)*. Moscow: Oriental Literature Publ., 2010 (in Russian).

Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe (Sacred and secular)*. Translated from French and a comment by N.K. Garbovsky. Moscow: Moscow State University Publ., 1994 (in Russian).

Eliade M. *Shamanizm. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza (Shamanism. Archaic techniques of ecstasy)*. Translated from English by K. Bogutsky, V. Trilis. Kiev: Sofia Publ., 1998 (in Russian).

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕГО
МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

*Ancient and Medieval
Architecture*

Р.В. Стоянов

ИЗУЧЕНИЕ КОРИНФСКОГО ОРДЕРА В ОБЩЕСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ПАРИОНА ПЕРИОДА РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Парион являлся одним из важнейших центров римской провинции Азия. Несмотря на то, что в ходе археологических раскопок на территории города было выявлено несколько общественных сооружений, включая театр, одеон и термы, организация общественного пространства и архитектурный облик центральных построек города остаются недостаточно изученными. Особый интерес в этом отношении представляет участок, условно именуемый «Агора», ограниченный с юга одеоном, а с севера театром и термами. Настоящая статья посвящена архитектурному и историческому анализу элементов орденой системы коринфского ордера, обнаруженных в этом секторе в ходе раскопок 2015–2022 гг. Несмотря на отсутствие достаточных данных для достоверной реконструкции первоначального облика сооружений, к которым могли относиться рассматриваемые элементы, сходство форм, декоративных элементов, размеров и модулей указывает на аналогию с архитектурными деталями южного фасада ворот Адриана в Эфесе, позволяя предположить наличие схожей архитектурной композиции и, соответственно, типологическую близость. На этом основании высказывается гипотеза, что рассматриваемые элементы первоначально принадлежали портику, входившему в состав архитектурного комплекса, располагавшегося на территории агоры. Архитектурный замысел данного комплекса — или, по меньшей мере, его части — вероятно, был связан с масштабной строительной программой императора Адриана в провинции Азия и отражал эстетические и идеологические ориентиры архитектуры, относившейся ко времени его правления.

Ключевые слова: Парион, агора, архитектурные элементы, общественные здания, ранняя Римская империя

R.V. Stoyanov

STUDY OF THE CORINTHIAN ORDER IN THE PUBLIC ARCHITECTURE OF PARION DURING THE EARLY ROMAN EMPIRE

Parion was among the principal urban centres of the Roman province of Asia. Excavations have revealed several public buildings, including a theatre, odeon, and thermae, yet the configuration of public space and the architectural character of central structures during the Early Imperial period remain insufficiently understood. Of particular significance is the area designated as the Agora, bordered to the south by the odeon and to the north by the theatre and thermae. This article presents an architectural and historical analysis of Corinthian order fragments discovered in this sector during excavations conducted between 2015 and 2022. Although the available material does not permit a definitive reconstruction of the original structure, the homogeneity in form, decorative motifs, dimensions, and proportional systems of the fragments strongly recalls the architectural elements of the southern façade of Hadrian's Gate at Ephesus. This correspondence suggests a comparable architectural composition and, by extension, a similar typology. It is therefore proposed that the fragments in question once formed part of a portico associated with a larger architectural complex within the Agora. The design of this complex — or at least part thereof — may be attributed to Hadrian's broader building programme in the province of Asia, reflecting the aesthetic and ideological priorities of his reign.

Keywords: Parion, agora, architectural decoration, public buildings, early Roman Empire

Античный город Парион находится на окраине поселка Кемер, расположенного в районе г. Бига провинции Чаннакале в Турции¹. Город находится там, где пролив Дарданеллы расширяется у входа в Мраморное море, на анатолийской стороне. Близость к проливам и естественные гавани придавали античному городу важное геополитическое значение. Исторический центр древнего города локализуется на мысе Бодрум. Расположение в северо-западной части Мизии, на перекрестке торговых путей между Пропонтидой и Геллеспонтом, а также соседство с Проконесом и такими античными центрами, как Лампсак, Кизик, Пиринф и Византий обеспечивало благосостояние города на протяжении всего античного времени (Keleş 2013: 333). На основании анализа нумизматических материалов было высказано предположение, что в период правления Юлия Цезаря город получил статус римской колонии (Keleş 2009: 209–211). К настоящему времени на территории Париона открыты и частично исследованы руины нескольких общественных построек с ордерным архитектурным декором, сооружение которых относится к периоду Римской Империи, — это театр, одеон и термы (рис. 1, I–V²).

Организация общественного пространства в центральной части римского Париона до настоящего времени связывалась с концом правления династии Антонинов и периодом правления императора Коммода. Так, начало строительства театра относится к периоду правления Веспасиана (69–79), на что прежде всего указывает почетная надпись на колонне, найденной при раскопках этого сооружения (Sayar 2015: 163–166; Sayar 2018: 181, 182). В период правления Коммода (180–192), согласно латинской надписи на блоках архитрава просцениума, сооружение было декорировано и, вероятно, частично перестроено под арену для гладиаторских боев (Sayar

2016: 204, fig. 4; Sayar 2018: 181, 182). Кроме того, было отмечено, что при перестройке гипоскения театра как споллии использовались колонны от каких-то более ранних построек (Başaran, Yıldızlı 2018: 30, 31). Время сооружения одеона определяется в пределах 135–150 гг. на основании анализа датировок археологических контекстов, соответствующих времени сооружения и функционирования постройки, а также скульптуры и ордерных архитектурных деталей (Kasapoğlu, Başaran 2021: 260–262). На основании датировок фрагментов скульптуры, архитектурных деталей и керамических находок, полученных при раскопках общественных терм, время их сооружения было определено в пределах второй половины II в. (Başaran 2016: 119; Yılmaz, Sulan 2019: 30, 31).

При этом вопросы, касающиеся организации общественного пространства и архитектурного облика общественных сооружений центральной части города предшествующего времени, остаются неразрешенными. Ответы на них можно получить только в результате дальнейшего археологического исследования нижних слоев уже открытых объектов, а также сооружений сектора, условно именуемого «Агора»³ (рис. 1, II). Исходя из своего расположения этот участок представляется одним из наиболее перспективных районов для изучения системы организации общественного городского пространства Париона в римское время, поскольку его территория была окружена общественными постройками, относящимися к первым векам н.э. Археологические исследования здесь ведутся с 2006 г., и к настоящему времени общая площадь участка исследований составляет уже более 550 м (Ergürer, Ayaz 2012: 15). С 2021 г. работы здесь проводятся в рамках международного проекта по комплексному изучению Париона⁴.

¹ Эта статья является расширенной и переработанной версией статьи, опубликованной на английском языке в журнале *Propontica* (Stoyanov 2024: 317–344).

² Здесь и далее иллюстрации подготовлены на основе фотографий и 3D-моделей, выполненных в Лаборатории дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (Лаборатория RSSDA). В сборе и обработке данных принимали участие следующие лица: Е.В. Романенко, М.Г. Бодрова, И. Мальгиль и А.В. Зайцев. Автор признателен Ю.М. Свойскому и Е.В. Романенко за разрешение использовать указанные материалы при подготовке иллюстраций к этой публикации.

³ Агора Париона еще не открыта, поэтому наименование имеет в данном случае условный характер. Оно было присвоено пологому участку, граничащему с расположенным к югу одеоном и комплексом общественных построек, включающим театр и термы, расположенным с запада.

⁴ С 2021 г. эти исследования проводятся сотрудниками археологической экспедиции в Парионе под руководством проф. В. Келеша (Университет Ондокузмаис, г. Самсун, Турция) совместно с исследовательской группой под руководством проф. А.И. Иванчика (НИУ ВШЭ, Москва).

Рис. 1. Постройки общественного центра Париона римского времени: I — одеон; II — сектор «Агора», с указанием расположения архитектурных деталей: 1 — база колонны; 2 — капители; 3 — архитрав-фриз; 4 — карниз; III — театр; IV–V — термы

В результате археологических раскопок в пределах участка было установлено, что в византийскую эпоху эта часть Париона была застроена жилыми и хозяйственными постройками, образовывавшими несколько кварталов, частично перекрывавших структуры, относившиеся к римскому времени. К последним относились вымощенная крупными мраморными плитами улица, которая соединяла античный порт с районами города, расположенными к востоку. С северной стороны улица была ограничена продольной стеной прямоугольного в плане здания, внутреннее пространство которо-

го было разделено на восемь квадратных помещений одинаковых размеров. Общая площадь здания, которое занимало около половины площади исследуемого участка, составляла ок. 253 м² (Ivanchik, Stoyanov 2025: 112–114). Архитектурные детали, рассматриваемые в этой статье, были найдены в результате исследований, проводившихся на участке «Агора и торговые помещения» с 2015 по 2022 г. (рис. 1, II: 1–4; рис. 2, 1–5). Ниже приводится описание, характеристика и датировка архитектурных деталей.

Два фрагмента фуста колонны с гладким фасадом были обнаружены в 2016 г.

1

2

3

4

5

Рис. 2. Парион, «Агора». Места находок архитектурных элементов: 1–2: фрагменты стволов колонн, карниз; 3, 5: архитрав-фриз; 4: капитель

в западной части участка при исследовании помещений, относящихся к византийскому периоду (кат. 1; рис. 1; рис. 2, 1, 2; рис. 3, а, b) (Keleş vd 2018: 192). Поверхность обоих фрагментов тщательно сглажена, однако имеет незначительные впадины, вызванные качеством материала. На верхней и нижней плоскостях расположены отверстия для штифтов. Нельзя исключить,

что оба фрагмента могли принадлежать одному монолитному стволу. В пользу этого свидетельствует соотношение диаметров верхней и нижней частей, при котором верхний диаметр (435⁵) меньше нижнего (527) на 1/6, что соответствует стандартной величине утонения ствола колонны римско-коринфского ордера. Таким образом общая высота колонны

⁵ Здесь и далее все размеры архитектурных деталей указаны в миллиметрах.

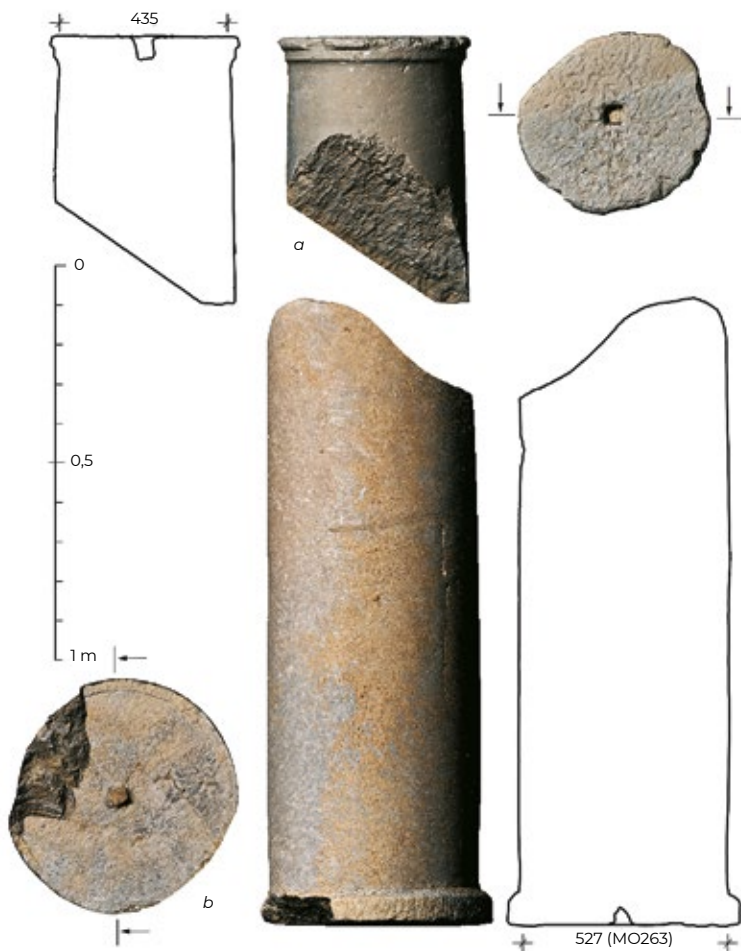

Рис. 3. Парион, «Агора»: верхняя (а) и нижняя (b) части фуста колонны с гладким фасадом и утонением

с базой и капителью, реконструируемая на основе модуля (М 263), должна быть не менее 5260, что соотносится с ее нижним диаметром как 1:10.

Части аналогичных фустов поддерживали пультит гипоскенения театра Париона. Как было указано выше, перестройка проскенения и гипоскенения относится ко второй половине II — началу III в. Это дает *terminus post quem* для колонн, которые были использованы как споллии при перестройке театра в площадку для проведения гладиаторских боев (Başaran, Yıldızlı 2018: 29–31, fig. 13–16). Аналогии фрагментам ствола колонны из Париона, имеющие сходное оформление, метрические характеристики и пропорции, дают колонны оформления фасада сkene театра в Сагалассе, сооружение которого

приходится на 180–200 гг. (Vandeput 1992: 105). Близкой аналогией формы рассматриваемых фрагментов являются стволы колонн первого и второго ярусов декоративного оформления *scaenae frons* театра Нисы на Меандре, сооружение которого относится к первой половине II в. (Kadioğlu 2002: 64–66, 126, taf. 24, a, b; 53, b–d). При этом колонны второго яруса имеют такое же соотношение нижних диаметров и высоты ствола, как и экземпляр из Париона. Такая же пропорция была отмечена для колонн библиотеки Цельса и ворот Адриана в Эфесе, постройка которых также относится к первой половине II в. (Kadioğlu 2002: 127, fn. 332).

В нашем случае следует отметить, что диаметры нижних частей полуколонн (530) и колонн (512, 536) южного фасада

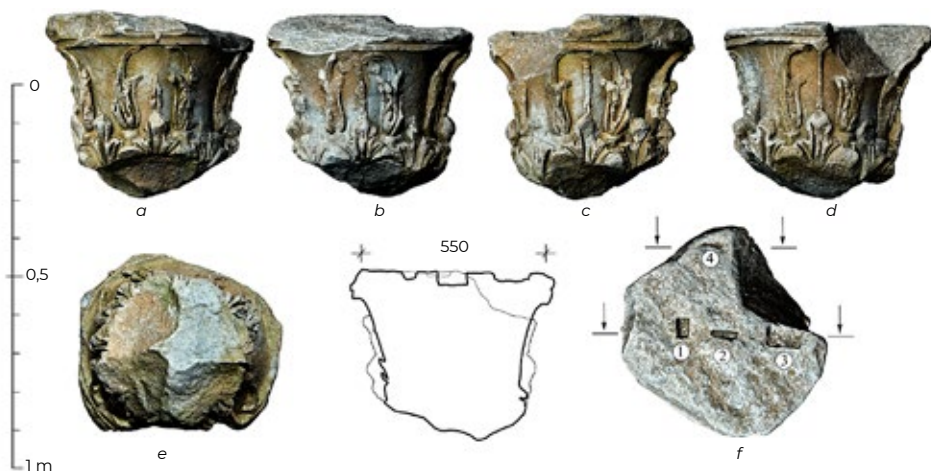

Рис. 4. Парийон, «Агора»: а–f — капитель римско-коринфского ордера

ворот Адриана (Thür 1989: 36, 37, pl. 9–12) с учетом допустимой погрешности соотносимы с диаметром (527) колонны из Парийона. При одинаковом отношении диаметра к высоте (1:10), зафиксированном у этих колонн, разница их высот не превышала 2 см, что предполагает одинаковые значения модулей архитектурных ордеров.

Капитель римско-коринфского ордера была найдена в 2019 г. на уровне дернового слоя в западной части исследуемого участка (рис. 2, 4) (Keleş vd. 2023a: 9, fig. 18). Типологически и стилистически она принадлежит к распространенному в I–II вв. типу трехрядных капителей с круглым калафом (кат. 2; рис. 4, а–f). Нижняя часть капители, большая часть которой не сохранилась, была украшена стройными веерообразными листьями аканта, с глубоко просверленными средними долями и средними ребрами листочков, фланкированными глубоко просверленными жилками (рис. 4, а–d). Длинные отростки аканфа третьего ряда дугообразно изгибаются, образуя рамку для центральной части фасадов, три из которых украшены спиралью из перевитых стеблей, оканчивающихся спиралевидными завитками, а четвертый, по-видимому, тыльный — одноконечным листом с волнообразно изогнутым краем (рис. 4, b). Абака, декорированная орнаментом, следы которого видны на рассматриваемом экземпляре (рис. 4, c), также является характерным элементом декора капителей этого типа. Капитель сильно фрагментирована, однако единственный сохранившийся раз-

мер — верхний диаметр калафа по краю венца (550) соотносим с нижним диаметром основания фуста по краю полки основания (527). Несмотря на погрешность, допустимую с учетом сохранности деталей, можно предполагать принадлежность обоих элементов к одному сооружению. Дополнительным подтверждением этому служит соответствие радиусов окружностей калафа (428) и верхней части фуста колонны (кат. 1, а), по нижнему краю астрагала (229), с допустимой погрешностью, соответствующее 5/6М (219).

Капители подобного типа получили широкое распространение в римской архитектуре в I–II вв. Одним из наиболее ранних образцов являются капители храма Кастора и Поллукса, относящиеся ко времени Августа (Strong, Ward-Perkins 1962: 12–18). Еще один пример раннего варианта этой формы дают капители Октагона в Эфесе, отнесенные к концу периода правления Августа (Plattner 2009: abb. 2). Развитие формы и декора капителей этого типа в первой половине II в. демонстрируют капители таких построек, как храм Антонина и Фаустины, а также храм Адриана в Риме и так называемый храм Адриана в Эфесе (Stamper 2005: 212–218, fig. 160, 162; Quatember 2010: 379–382, fig. 1; Wilson Jones 1995: 95–100, fig. 4 iii, 5). Близкая по форме капитель, происходящая из театра Нисы, была издана М. Кадьюглу, который отнес ее к оформлению одного из фронтонов scaenae frons и датировал, на основании аналогий из Эфеса и Лабранды, в пределах первой половины II в. (Kadioğlu 2001: abb. 1, nr. 5,

156–158). В качестве аналогии этого типа также следует указать капители Трояниума в Пергаме, строительство которого завершилось в период Адриана (*Rahman* 1998: 11–21, taf. 1–3, A1–A5). Еще одну аналогию дают капители восточного портика агоры Иасоса, датирующиеся в пределах 136–138 гг. благодаря надписи на архитраве (*Attanasio, Bianchi, Prochaska* 2018: 321, 326, fig. 10, 11). Заметим также, что при исследовании античного театра Париона были найдены три капители, две из которых, датированные Д. Башараном, на основании стилистического анализа и аналогий второй половиной II в. относятся к тому же типу, что и рассматриваемая капитель (*Başaran, Yıldızlı* 2018: 69, 70, fig. 31, 32). По всей видимости они представляют дальнейшую эволюцию этого типа капителей в пределах указанного столетия.

Два фрагмента массивного антаблемента (кат. 3; рис. 5, а, б) были найдены в 2014–2015 гг. в западной части участка «Агора и торговые помещения». Они были использованы при сооружении помещения византийского времени, открытого здесь (рис. 2, 3, 5). Один фрагмент был использован в качестве блока кладки восточной стены, а другой — в качестве порожного камня лестницы, ведущей в помещение (*Ergüner, Akkaş, Gözde* 2016: 31, 32, res. 11). Антаблемент представляет собой вырезанный в едином блоке архитрав и фриз дорического киматия, украшенный выполненным в высоком орнаменте рельефом, в виде пояса вы-

тянутых листьев с изогнутыми наружу U-образными окончаниями.

Как известно, фриз дорического киматия, появившийся еще в период поздней классики, получает широкое распространение в архитектуре Римской Империи (*Kanellopoulos, Zavvou* 2014: 368, 369, fn. 23). Наиболее ранним примером в Малой Азии является фриз Северо-западного героона Сагаласса, постройку которого Л. Вандерпут относит ко времени правления Августа (*Waelkens, Torun* 2000: 554, fig. 2–5; *Vandeput* 2000: 577–583). Развитие этой формы во второй половине II в. демонстрирует монолитный блок архитрава и фриза, относящийся к антаблементу портика фасада сцены театра Сагаласса, сооружение которого относится к концу периода правления Антонина Пия — началу правления Коммода (180–200 гг.) (*Vandeput* 1992: 114–116, pl. XXVII, b). К периоду правления этого же императора относится и архитрав-фриз рассматриваемого типа из Маккелума в Сагалассе (*Vandeput* 1997: 106, 214, 215, pl. 48.1). Однако наиболее близкую параллель форме парионского фрагмента дает антаблемент южного фасада ворот Андриана в Эфесе, также представляющий монолитный блок из архитрава и фриза. Ворота входили в комплекс построек, возведенных в городе в период между 113/4–127/8 гг., в связи с визитом императора (*Thür* 1989: 39, 70–73, 101, 102, 133–136, taf. 18–19, pl. 15). В данном случае следует обратить внимание на совпадение

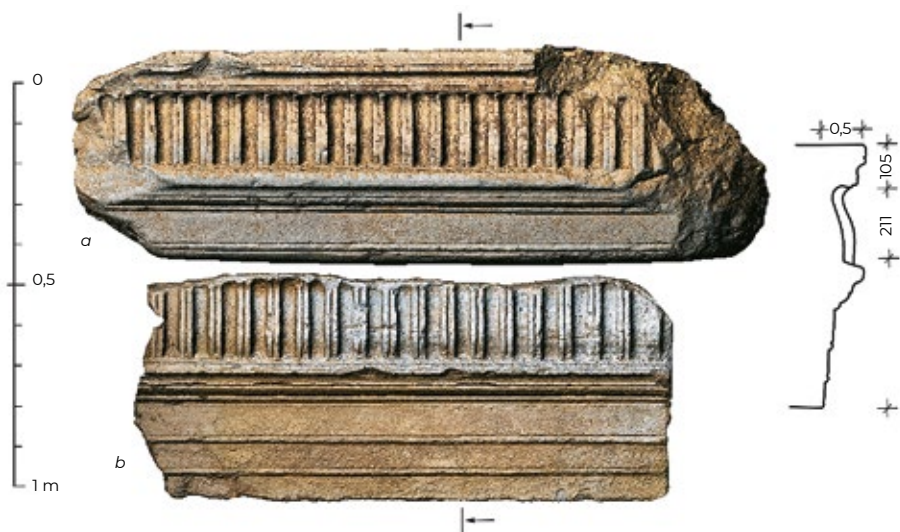

Рис. 5. Парион, «Агора»; а, б — антаблемент, состоящий из монолитного блока архитрава и фриза дорического киматия

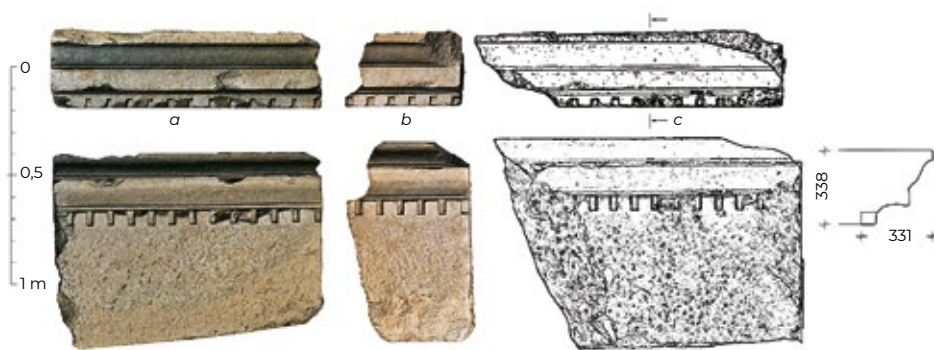

Рис. 6. Парион, «Агора»: а–с — гейсон ионического ордера

не только формы и декора, но и близость метрических характеристик. Высоты архитрава (375) и фриза (205), а также глубина выноса профилировки (116) эфесского антаблемента соотносимы с высотой архитрава (338) и фриза (210) и глубиной выноса профилировки (105) парионского антаблемента.

Три фрагмента массивного гейсона (кат. 4; рис. 6, а–с) были найдены при исследовании комплекса сооружений византийского времени в западной части участка «Агора и торговые помещения», в 2014–2016 гг. (рис. 2, 1) (Ergüner, Akkaş, Gözde 2016: 31, 32, res. 11; Keleş vd. 2018: 192). Они находились ниже основания стен прямоугольного помещения, на одном уровне с фрагментом нижней части ствола колонны. Все обломки принадлежали массивному карнизу с дентикулами, форму которого можно считать обычной для римской архитектуры I–III вв. Подобные гейсоны, типологически соотносимые с ионическим ордерам, также широко использовались в композициях общественных сооружений римско-коринфского ордера периода ранней Римской империи. В качестве примера можно указать гейсон северо-западного героона Сагаласса (Waelkens, Torun 2000: 554, fig. 2, 5), южного фасада ворот Адриана в Эфесе (Thür 1989: 48, 49, taf. 39–44 (H16)), портика агоры Гитиона (Kanellopoulos, Zavvou 2014: 370, 371), фасад сцены театра Сагаласса (Vandeput 1992: 114–116, pl. XXIX, c). Однако полной аналогией рассматриваемого элемента является карниз нижнего яруса южного фасада ворот Адриана в Эфесе. Не только его форма, все элементы которой были выполнены без декора, но и высота (300–340) идентична высоте гейсона из Париона (338). Сима карниза из Париона отсутствует, но она, вероятно, была

оформлена, как и в воротах Адриана, блоком с профилем ионического киматия (Thür 1989: 48, 49). Подобная параллель позволяет предполагать, что гейсоны из Эфеса и Париона были выполнены в идентичной манере и относятся к одному хронологическому периоду.

Архитектурный анализ ордерных деталей, происходящих из раскопок участка «Агора и торговые помещения», был бы неполным без попытки ответить на очевидно возникающие вопросы, принадлежали ли они разным постройкам или могли быть элементами одного сооружения. Несмотря на то, что рассмотренные выше элементы происходят из раскопок одного участка, в данный момент их невозможно убедительно связать с какой-либо постройкой, поскольку все они были найдены в перемещенном состоянии, вне связи с открытыми в пределах участка постройками. Часть из них находилась во вторичном использовании, в сооружениях, относящихся к комплексу построек византийского времени, или находилась ниже уровня полов этих помещений на поверхности, которая предположительно связана с уровнем функционирования постройки римского времени, открытой на этом участке (Keleş vd. 2023 b: 377, 378, res. 10, 11). Соотношение их размеров и пропорций соответствует модульным пропорциям римско-коринфского ордера, имеющим аналогии в общественных постройках Малой Азии первой половины II в. Следовательно, вполне допустимо предположить, что все рассмотренные детали составляли архитектурную композицию архитравного перекрытия римско-коринфского ордера (рис. 7, 1, 2). Дополнительным указанием на это является то обстоятельство, что все архитектурные детали были найдены в не-

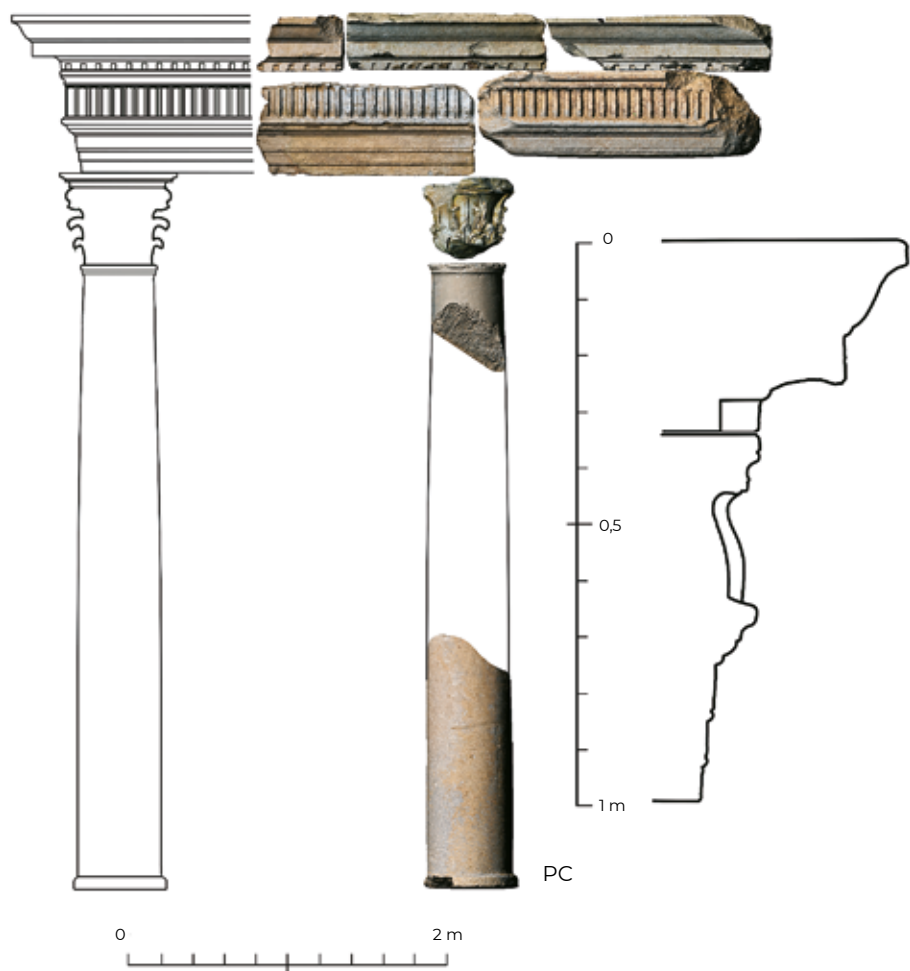

Рис. 7. Вариант реконструкции портика общественной постройки II в., располагавшейся в секторе «Агора»

посредственной близости одна от другой, в пределах одного сектора.

Единственной постройкой, открытой на территории Парииона, начальная фаза строительства которой может быть с некоторыми оговорками соотнесена с датировкой рассмотренных архитектурных деталей, является античный театр, относительно которого было высказано предположение, что начальная фаза его строительства относится к периоду после кончины Веспасиана (Sayar 2018: 181, 182; Başaran, Yıldızlı 2018: 78). К сожалению, архитектурных деталей, относящихся к первой строительной фазе театра, найдено не было, и облик этой постройки неизвестен. Из всех архитектурных и строительных элементов, предположительно принадлежавших оформлению scaenae frons,

in situ была найдены только постаменты (Ergürer, Güleç Özer 2018: 38, fig. 31–34). Карнизы фасада сkene театра, в отличие от карниза, происходящего из раскопок участка «Агора и торговые помещения», составляли единый блок с гейсонами, их фасады были декорированы, а размеры существенно отличались от размеров карниза, найденного на участке «Агора и торговые помещения». Как и другие богато декорированные архитектурные детали фасада сkene, найденные при археологических раскопках театра, они были отнесены издателями ко второй половине II в. (Başaran, Yıldızlı 2018: 65–69, fig. 21–29). Ни одного блока архитрава и фриза, орнаментированного рельефным дорийским киматием, аналогичного тому, который происходит из раскопок

участка «Агора и торговые помещения», найдено не было. Все перечисленное указывает на то, что архитектурные детали, найденные при раскопках участка «Агора и торговые помещения», скорее всего, не имели отношения к конструкции театра, но принадлежали другой общественной постройке, сооруженной в пределах района, ограниченного одеоном, театром и римскими банями, в первой половине II в.

Несмотря на очевидность, что в данный момент недостаточно материалов для определения типа сооружения, которому принадлежали рассматриваемые элементы, необходимо указать, что идентичность их форм, декора, размеров и модулей архитектурным деталям южного фасада ворот Адриана в Эфесе позволяет предполагать идентичность их архитектурных композиций и, следовательно, идентичность типов этих сооружений. В данном случае возможно предположить, что рассмотренные элементы относились к архитектурному оформлению прямоугольного восьмикамерного здания, к оформлению портика, идущего вдоль городской улицы, или же являлись частью общественной постройки, основания которой еще не открыты. Такой постройкой в пределах указанного района могли, например, быть монументальные ворота, оформлявшие проход на агору. Таким образом, можно предположить, что архитектурные детали, представленные в статье, принадлежали постройке, расположенной в районе агоры Париона, архитектурное оформление которой (или по крайней мере ее части) происходило в рамках масштабной строительной программы Адриана, реализованной в Малой Азии. Остается надеяться, что дальнейшие исследования участка «Агора» позволят получить дополнительные материалы для реконструкции плана и архитектурного облика общественных построек города периода ранней Римской Империи.

КАТАЛОГ⁶

1. Фуст колонны (рис. 3, *a*, *b*). Мрамор. Сохранившаяся высота верхней части (*a*) — 637, нижней (*b*) — 1583. Восстанавливаемая высота колонны — не менее 4440. Диаметр верхней части составляет 435,

нижней — 527, вынос в верхней и нижней частях — 30. Многочисленные сколы верхнего и нижнего профиля; на фасаде многочисленные сколы и следы выветривания.

Верхняя и нижняя части ствола колонны с гладким фасадом и утонением. Венчающий профиль оформлен астрагалом, высотой 52; нижняя часть — полочкой, высотой 86. По центру верхней и нижней плоскости расположены прямоугольные в плане, расположенные под углом к центральной оси колонны, углубления для креплений, размерами: 88 × 44 (верхнее) и 45 × 45 (нижнее).

2. Капитель римско-коринфского ордера (рис. 4, *a–f*). Мрамор. Сохранившаяся высота — 461, восстанавливаемая высота — не менее 549, верхний диаметр калафа (по краю венца) — 550, восстанавливаемая длина абаки — не менее 1052. Нижняя часть оббита, края абаки и нижний ряд листьев оббиты. На всех фасадах многочисленные сколы и следы выветривания.

Трехрядная диагональная капитель с круглым калафом, с венцом прямого профиля. Нижняя часть состоит из двух рядов листьев аканфа, состоящих из пяти секций. В верхнем ряду было восемь листьев, восстанавливаемая длина которых не менее 170, листья нижнего ряда не сохранились. Листья аканфа третьего ряда образуют композиции лицевых фасадов. Центром трех из них (*b–d*) является декоративный элемент, состоящий из перевитых стволов, заканчивающихся волютами, завернутыми внутрь. Центром четвертой (*a*), тыльной стороны фасада является декоративный листок, расположенный между дугообразно изогнутыми внутрь листьями. Над этой композицией, на абаке и венце калафа сохранился рельефный выступ. Абака была декорирована рельефным орнаментом, следы которого сохранились на одной из плоскостей. На верхней плоскости капители, на расстоянии 151 от тыльного фасада имеется три углубления (рис. 4, *f*, 1–3) размерами: (1) 36 × 54 × 23⁷, (2) 77 × 20 × 38 и (3) 99 × 67 × 23. Еще одно углубление (рис. 2, *f*, 4) размерами 56 × 12 × 14 расположено на расстоянии 224 от углубления 2.

3. Антаблемент, состоящий из монолитного блока архитрава фриза дориче-

⁶ Описания архитектурных деталей расположены в следующем порядке: название, дата, материал, форма, размеры, состояние сохранности.

⁷ Длина × ширина × глубина.

ского киматия (рис. 5, *a, b*). Мрамор. В двух фрагментах длиной 1778 (*a*) и 1354 (*b*). Сохранившаяся высота — 550 (*a*) и 571 (*b*). Восстанавливаемая высота по фасаду — 656. На поверхности многочисленные сколы, царапины и следы выветривания, края отбиты; (*a*) нижняя часть архитрава отпилена и затерта вследствие использования в качестве порожнего камня, сколы на боках; (*b*) верхняя часть фриза оббита.

Антаблемент состоит из архитрава и фриза, вырезанных в монолите. Архитрав высотой 338 состоит из трех фаций, разделенных торусами. Венчающий профиль из лесбийского киматия, акцентированного снизу двумя поясами, нижний из которых оформлен в виде четвертного вала, а нижний — в виде торуса. Фриз дорического киматия высотой 211 состоит из рельефа в виде разделенных желобками вытянутых и вогнутых внутрь листьев с изогнутыми и наклоненными наружу скругленными окончаниями. Высота и глубина выноса венчающего профиля фриза — 105. Венчающий профиль оформлен в виде полки, акцентированной выкружкой.

4. Гейсон ионического ордера в трех фрагментах (рис. 6, *a–c*). Мрамор. Сохранившиеся наибольшие длина и ширина: 1230 × 900 м (*a*), 900 × 500 (*b*), 1400 × 1000 (*c*). Высота карниза — 338; глубина выноса слезника — 150. Общая глубина выноса профиля — 331. Сохранилось 12 (*a*), 6 (*b*) и 8 (*c*) дентикул размерами 58 × 68. На фасадных частях заметны следы шлифовки; на нижней плоскости блока — следы обработки троянкой. На поверхности многочисленные сколы, царапины и следы выветривания, края всех фрагментов оббиты.

Гейсон с дентикулами. Переход к выносной части оформлен в виде выкружки. Глубина выноса слезника 146 см, общая глубина выноса профилировки 270. Переходы от плиты к слезнику и от слезника к венчающей части оформлены торусами четвертного вала. Профиль венчающей части решен в виде дорического киматия шириной 88. Фасадные части заглажены, на внутренних частях видны следы обработки троянкой. Элемент принадлежал портику или фасаду сооружения ионического ордера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Attanasio, Bianchi, Prochaska* 2018 — *Attanasio D., Bianchi F., Prochaska W.* Architectural decoration of the imperial agora's porticoes at Iasos // *Proceedings of the XI ASMOSIA Conference*. Split, 2018. P. 321–333.
- Başaran* 2016 — *Başaran C.* Parion Tiyatrosu Kabartma ve Heykeltıraşlık Eserleri // *Parion Roma Tiyatrosu 2006–2015 Yılı Çalışmaları, Mimarisi ve Buluntuları* / eds. C. Başaran, H.E. Ergüner. Ankara, 2016. P. 105–120.
- Başaran, Yıldızlı* 2018 — *Başaran C., Yıldızlı M.* The architectural decorations of the Parion theater Roman period // *Roman Theatre of Parion: Excavations, Architecture and Finds From 2006–2015 Campaigns (Parion Studies 1)* / eds. C. Başaran, H.E. Ergüner. Çanakkale, 2018. P. 53–78.
- Ergüner, Ayaz* 2012 — *Ergüner H.E., Ayaz M.* SDJ 1 // *Parion 2011 Sezonu Kazı ve Restorasyon Çalışmaları. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Vol. 34. No. 2. 2012. P. 347–364.
- Ergüner, Akkaş, Gözde* 2016 — *Ergüner H.E., Akkaş, İ., Gözde E.* Agora ve dükkânlar (SDJ 1). In: V. Keleş, vd. *Parion 2011 Sezonu Kazı ve Restorasyon Çalışmaları* // *Kazı Sonuçları Toplantısı*. Vol. 38. No. 1. 2016. P. 31–32.
- Ergüner, Güleç Özer* 2018 — *Ergüner H.E., Güleç Özer D.* The architectural of Parion's theater // *Roman Theatre of Parion: Excavations, Architecture and Finds From 2006–2015 Campaigns (Parion Studies 1)* / eds. C. Başaran, H.E. Ergüner. Çanakkale, 2018. P. 21–42.
- Ivanchik, Stoyanov* 2025 — *Ivanchik A., Stoyanov R.* History of one city quarter: North-Western part of the "Agora" sector of Parion // *Parion Kazıları* 20. Yıl Armağanı / ed. V. Keleş vd. İstanbul, 2025. P. 111–134.
- Kanellopoulos, Zavvou* 2014 — *Kanellopoulos C., Zavvou E.* The Agora of Gytheum // *The Annual of the British School at Athens*. No. 109. 2014. P. 357–378.
- Kadioğlu* 2001 — *Kadioğlu M.* Zwei Korinthische Kapitelle aus Nysa am Mäander // *Günışığında Anadolu. Cevdet Bayburtluoğlu için Yazılar* / eds. C. Özgünel vd. İstanbul, 2001. P. 156–160.
- Kadioğlu* 2002 — *Kadioğlu M.* Die scaenae frons des Theaters von Nysa am Maeander. Diss. University of Freiburg im Breisgau, 2002.
- Kasapoğlu, Başaran* 2021 — *Kasapoğlu H., Başaran C.* Parion Odeionu'nda Bulunan Artemis / Diana Heykeli // *OLBA*. No. 29. 2021. P. 245–268.

- Keleş 2009 — Keleş V. Parion history from coins // Proceedings of the XIV International Numismatic Congress / ed. N. Holmes. Glasgow, 2009. P. 237–245.
- Keleş 2013 — Keleş V. Parion Sikkelerinin Sirkülasyonu Işığında Parion'un Bölgesel Ekonomi // Birinci Uluslararası Anadolu Para Tarihi ve Numismatik Kongresi / ed. K. Dörtlük vd. Antalya, 2013. P. 333–344.
- Keleş 2018 — Keleş V. vd. Parion 2016 Sezonu Kazı ve Restorasyon Çalışmaları // Kazı Sonuçları Toplantısı. Vol. 39. No. 1. 2018. P. 183–210.
- Keleş 2023a — Keleş V. vd. Yılı Parion Kazıları // Anatolian Archaeology. No. 2. 2023. P. 1–32.
- Keleş 2023b — Keleş V. vd. Parion 2022 Sezonu Kazı ve Restorasyon Çalışmaları // Kazı Sonuçları Toplantısı. Vol. 43. No. 3. 2023. P. 371–395.
- Plattner 2009 — Plattner G.A. Zur Bauornamentik des Oktogons von Ephesos // Neue Forschungen zur Kuretenstraße von Ephesos / hrsg. S. Ladstätter. Wien, 2009. P. 101–110.
- Quatember 2010 — Quatember U. The "Temple of Hadrian" on Curetes Street in Ephesus: new research into its building history // Journal of Roman Archaeology. No. 23. 2010. P. 376–394.
- Rahman 1998 — Rahman J. Die Kapitellproduktion der römischen Kaiserzeit in Pergamon // Pergamenische Forschungen. No. 10. Berlin, 1998.
- Sayar 2015 — Sayar M.H. Parion'da Divus Vespasianus Augustus'a Bir Sunu // Parion Kazıları 10. Yıl Armağanı / eds. C. Başaran, V. Keleş. Ankara, 2015. P. 163–166.
- Sayar 2016 — Sayar M.H. Tiyatro'da Ölüm: Parion Tiyatrosu'nda Gladyatör Dövüşleri // Parion Roma Tiyatrosu, 2006–2015 Yılı Çalışmaları, Mimarisi ve Buluntuları / eds. C. Başaran, H.E. Ergürer. Ankara, 2016. P. 201–207.
- Sayar 2018 — Sayar M.H. Dearth in the theater: gladiator fightings in the theater of Parion // Roman Theatre of Parion / eds. C. Başaran, H.E. Ergürer. Çanakkale, 2018. P. 181–184.
- Stamper 2005 — Stamper J.W. The Architecture of Roman Temples: The Republic to the Middle Empire. Cambridge: University Press. 2005.
- Stoyanov 2024 — Stoyanov R. Towards a Study of the Architectural Decoration of Public Buildings in Parion During the Early Roman Empire // Propon-tica. No. 2 (4). 2024. P. 317–344.
- Strong, Ward-Perkins 1962 — Strong D.E., Ward-Perkins J.B. The Temple of Castor in the Forum Romanum // Papers of the British School at Rome. No. 30. 1962. P. 1–30.
- Thür 1989 — Thür H. Das Hadrianstor in Ephesos // Forschungen in Ephesos. No. 11, I. Wien, 1989.
- Yılmaz, Sulan 2019 — Yılmaz A., Sulan S. Preliminary Evaluation of a Sculpture of Hercules Unearthed in the Roman Bath of Parion // Cevat Başaran'a 60. Yaş Armağanı / ed. V. Keleş vd. Ankara, 2019. P. 27–38.
- Vandeput 1992 — Vandeput L. The Theatre-Façade at Sagalassos // Anatolian Studies. No. 42. 1992. P. 99–117.
- Vandeput 1997 — Vandeput L. The Architectural Decoration in Roman Asia Minor. Sagalassos: a Case-study // Studies in Eastern Mediterranean Archaeology. No. 1. Leuven, 1997.
- Vandeput 2000 — Vandeput L. The date of Northwest Heroon: an Augustan monument at Sagalassos / eds. C. Berns et al. The Northwest Heroon at Sagalassos // Acta Archaeologica Lovaniensia (Sagalassos V). No. 11/B. 2000. P. 577–583.
- Waelkens, Torun 2000 — Waelkens M., Torun E. Introduction: the monument / eds. C. Berns et al. The Northwest Heroon at Sagalassos // Acta Archaeologica Lovaniensia (Sagalassos V). No. 11/B. 2000. P. 553–554.
- Wilson Jones 1991 — Wilson Jones M. Designing the Roman Corinthian Capital // Papers of the British School at Rome. No. 59. 1991. P. 89–150.

REFERENCES

- Başaran C., Yıldızlı M. The architectural decorations of the Parion theater Roman period. *Roman Theatre of Parion: Excavations, Architecture and Finds From 2006–2015 Campaigns (Parion Studies 1)*. Eds. C. Başaran, H.E. Ergürer. Çanakkale, 2018, pp. 53–78.
- Ergürer H.E., Güleç Özer D. The architectural of Parion's theater. *Roman Theatre of Parion: Excavations, Architecture and Finds From 2006–2015 Campaigns (Parion Studies 1)*. Eds. C. Başaran, H.E. Ergürer. Çanakkale, 2018, pp. 21–42.
- Kadioğlu M. Zwei Korinthische Kapitele aus Nysa am Mäander. *Günışığında Anad-*

- olu. Cevdet Bayburtluoğlu İçin Yazılar. Eds. C. Özgünel vd. İstanbul, 2001, pp.156–160.
- Quatember U. The “Temple of Hadrian” on Curetes Street in Ephesus: new research into its building history. *Journal of Roman Archaeology*, no. 23, 2010, pp.376–394.
- Rahman J. Die Kapitell produktion der römischen Kaiserzeit in Pergamon. *Pergamenische Forschungen*, no. 10. Berlin, 1998.
- Stamper J.W. *The Architecture of Roman Temples: The Republic to the iddle Empire*. Cambridge: University Publ., 2005.
- Stoyanov R. Towards a Study of the Architectural Decoration of Public Buildings in Parion During the Early Roman Empire. *Propontica*, no. 2 (4), 2024, pp. 317–344.
- Thür H. Das Hadrianstor in Ephesos. *Forschungen in Ephesos*, no. 11, 1. Wien, 1989.
- Vandeput L. The Theatre-Façade at Sagalassos. *Anatolian Studies*, no. 42, 1992, pp. 99–117.

J.-P. Caillet

A MAJOR MONUMENT — FAR TOO OFTEN UNDERESTIMATED — AND ITS COMPLEX ISSUES: SAINT SOPHIA OF SOFIA (BULGARIA)

Although being one of the largest churches possibly of Protobyzantine era currently standing and in liturgical use, the Basilica Saint Sophia in Sofia is still — except in Bulgaria itself — too little taken into account in specialized historiography. The building indeed poses complex issues. We will first revisit its initial function. And, to the extent that, following a partial destruction, it underwent a radical reconstruction in the 20th century, we will re-examine its original design — especially its rather unique elevation. This obviously involves reconsidering the various proposals that have been made regarding its dating; and insofar as the hypothesis of a construction in the 6th century appears to be the most plausible, we will attempt to place this church within the broader architectural context of the period.

Keywords: Saint Sophia, Sofia, Early Byzantine architecture, 6th-century churches, vaulting techniques, Late Antique Balkans

Ж.-П. Кайе

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК, ЧАСТО НЕДООЦЕНИВАЕМЫЙ, И ЕГО СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: СВЯТАЯ СОФИЯ В СОФИИ (БОЛГАРИЯ)

Несмотря на то, что базилика Святой Софии в Софии является одним из крупнейших сохранившихся и действующих храмов, возможно, протовизантийской эпохи, она до сих пор — за пределами самой Болгарии — остается малоизученной в специализированной историографии. Это сооружение действительно ставит перед исследователями сложные вопросы. Вначале мы вновь обратимся к его первоначальной функции. А учитывая, что после частичного разрушения здание подверглось радикальной реконструкции в XX в., мы заново рассмотрим его первоначальный облик — особенно его весьма своеобразную вертикальную структуру. Естественно, это требует пересмотра различных предложенных датировок; и поскольку наиболее правдоподобной представляется гипотеза о строительстве в VI в., мы попытались вписать этот храм в более широкий архитектурный контекст той эпохи.

Ключевые слова: Святая София (София), ранневизантийская архитектура, храмы VI века, сводчатые конструкции, позднеантичная архитектура Балкан

The basilica of Saint Sophia in Sofia (fig. 1, 2) is one of the few churches from the possible Proto-Byzantine era still standing and in use for worship today. However, it occupies little — if any — space in the major syntheses on the architecture of this period: thus, to stick to the main ones, Cyril Mango has completely overlooked it (*Mango* 1981); Richard Krautheimer and Slobodan Ćurčić have only mentioned it briefly (*Krautheimer, Ćurčić* 1986: 255–257), and the same is true in the book by Slobodan Ćurčić specif-

ically dedicated to architecture in the Balkans (*Ćurčić* 2010: 204–207) — these latter presentations not being without certain approximations, or even inaccuracies. It is true that the damage suffered by the building during the Middle Ages and later, particularly its transformation into a mosque in the 16th century, then the collapse of its apse and of part of its western façade caused by earthquakes in the 19th century, seriously altered the structure and led to a radical reconstruction between 1927

Fig. 1. Sofia, Saint Sophia. General view

and 1930; all this, tending to discourage too much consideration of a monument whose approach seemed burdened by too many uncertainties, and for which, also, very few textual sources were available.

It is therefore only in Bulgarian historiography that, as could be expected, Hagia Sophia has received the attention it deserves, and we will recall here the main contributions. First, the one of Bogdan

Filov (*Filov* 1913), who published the results of his archaeological investigations conducted in 1910/1911, which remain fundamental; Filov was the first to propose a dating to the time of Justinian. Then several contributions of Stefan Boâdzîev (*Boâdzîev* 1958; *Boâdzîev* 1967; *Boâdzîev* 1994; *Boâdzîev* 1996; *Boâdzîev* 2002), who considered a completely different reconstruction of the original layout, notably with

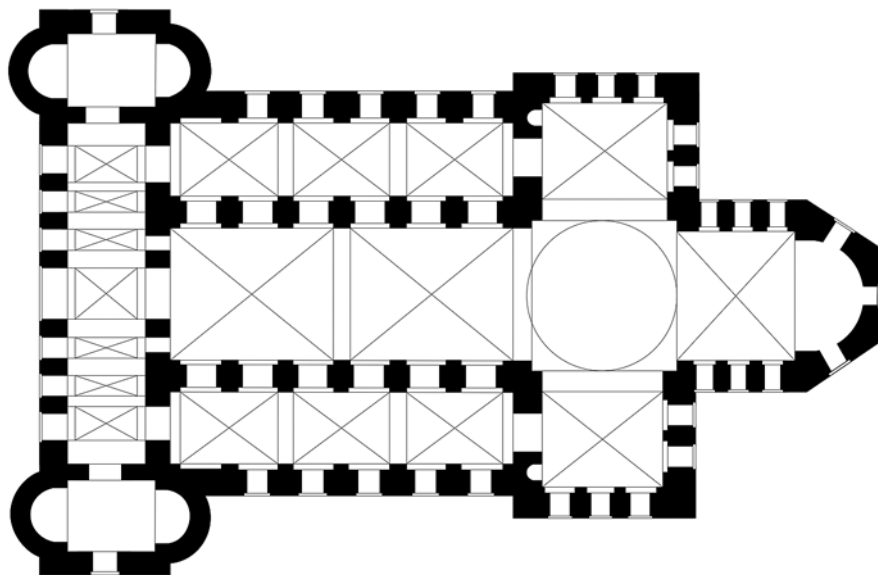

Fig. 2. Sofia, Saint Sophia. Plan

a narthex with three levels, galleries above the aisles, and the covering of the nave by two domes; according to him, all of this dating back to the aftermath of the Hunnic raids and thus to the third quarter of the 5th century, followed by the reconstruction of the upper parts of the nave and its vaults between the 9th and 12th centuries. Then comes the book of Galina Fingarova (Fingarova 2011), who carefully examined the structure and opted for a dating of the 8th century — which was challenged by Euthymios Rizos in his review of Fingarova's book (Rizos 2013), where he reverted to a dating of the end of the 6th century, with, due to an earthquake, repairs of the upper parts in the 8th century. Also, we have the contributions of Konstantin Šalganov (Šalganov 1989; Šalganov 2002; Šalganov 2005), preferring a dating of the end of the 5th century or the beginning of the 6th century, in particular to avoid delaying the moment of the construction of the current Hagia Sophia in relation to the underlying or nearby structures. Also, the contribution of Stanislav Stanev and Zarko Ždrakov (Stanev, Ždrakov 2001), again advocating for a dating in the 6th century, and particularly including a remark on the use of the transept for devotional purposes. Let us also mention the position of Vencislav Dinčev (Dinčev 2014), in favor of a realization around the middle of the 6th century in relation to the religious policy of Justinian in Illyricum. Finally, two articles by Julia Valeva (Valeva 2015; Valeva 2016), primarily focused on the churches that preceded the current one on the same site, but not neglecting this last one either; in both papers, after recalling the contributions of previous studies and the hypotheses successively put forward, Valeva herself has expressed support for a dating to the reign of Justin I or the beginning of that of Justinian, that is to say in the second and third decades of the 6th century; this, by placing the Basilica of Sofia in a sort of preliminary phase of the development of dome architecture of which Hagia Sophia in Constantinople would mark the full maturity.

It is necessary to say a word, first and foremost, about the title of cathedral, to which the building is associated in the synthesis of Krautheimer and Čurčić — a title concerning which Čurčić, afterwards, expressed serious doubts. Recently, in fact, Valeva emphasized that the establishment in a necropolis outside the walls of the ancient city was

already sufficient to designate a funerary basilica. Furthermore, the introduction of relics as early as the late 4th century in the single-nave church — the first having preceded this one — could well encourage the preference for the hypothesis of a specifically martyrial sanctuary; obviously, the current absence of an inscription or textual source naming the possible martyr leads to caution regarding this interpretation. It can, however, be argued that the cruciform plan and the impressive dimensions of the current basilica (about 50 × 25 m) would fit such a function well. Also, Stanev and Ždrakov's remark about the accessibility of the transept from the aisles, possibly indicating a flow of pilgrims towards the venerated place, goes in the same direction: for it should be noted that this system has been postulated, with a high degree of probability, for the transept of Saint Peter's in Rome and for what corresponded to it in the anterior part of the rotunda of the Holy Sepulcher in Jerusalem. Let us add that in this case, and contrary to what has sometimes been proposed, the term "Hagia Sophia" would not date back to the Proto-Byzantine era: it is rather the dedication to the saint martyr whose relics were preserved here that would have initially prevailed — just like in the multiple more or less contemporary examples, starting with Saint Peter, Saint Paul, or Saint Lawrence in Rome, Saint Demetrius in Thessaloniki, Saint Babylas in Antioch, Saint John in Ephesus, etc. It would therefore only be in the Medieval period, and by actually drawing inspiration from the great eponymous church of Constantinople, that the Divine Wisdom invocation would have been adopted.

As for the configuration of the building, many aspects have been clarified by the analysis of the structure conducted by Fingarova. Essentially, it should be noted that Boâdziev's suggestions have become outdated; this is particularly true regarding the possible existence of galleries above the aisles and the complete reconstruction of the upper parts of the nave. In this regard, a simple look at the photographs taken before the 20th century intervention — particularly the photograph from 1915 (fig. 3) — clearly shows that very substantial components of the elevation had still been preserved. Therefore, we can be assured that the vaults of the crossing and the arms of the transept (fig. 4, a, b), as well as those of the nave (fig. 5), have indeed been restored to their original appearance; moreover,

Fig. 3. Sofia, Saint Sophia. Photograph of 1915

the considerable thickness of the walls (from 1.60 to 1.90 m), with foundations 4 m deep, and a masonry clearly made of a single unit indicates that a complete vault was indeed planned from the outset.

However, there are still some points to be focused, particularly the issue of the two rooms with opposed minor apses, located at the ends of the narthex, where it has

been readily suggested that these could be the bases of two towers. It is true that, although not the most common, this solution is evidenced in other areas of the Mediterranean region. Thus in Syria, where we notably have the example of Qalb Lozeh (Krautheimer, Čurčić 1986: 151, 152). In Greece and Italy too, for giving access to galleries above the aisles or the narthex: so, in Thessa-

Fig. 4. Sofia, Saint Sophia. Vaults of the crossing and transept

loniki for the Acheiropoietos Church (*Krautheimer, Čurčić* 1986: 99–102)¹, and in Ravenna for San Vitale (*Krautheimer, Čurčić* 1986: 232–237); but in these last case, the top of the staircase towers doesn't reach the level of the roof of the nave. We can therefore also consider the possibility for the basilica of Sofia; this, especially, since a view from 1878 (fig. 6) shows that a minaret from the time of its conversion into a mosque was installed on one of these rooms, so reusing the staircase that was eventually housed there and originally served to access the upper level of the narthex. But we must also consider other possibilities, which are not necessarily incompatible with the existence of stairs (or scales?) and the elevation into a — low, at least — tower. Indeed, it has long been noted that many Late Antique churches in the Balkans had annexes at the ends of the narthex, sometimes equipped with at least one minor apse; for Greece, Gordana Babić (*Babić* 1969) and, more recently, Athanasios Mailis (*Mailis* 2011) have determined that these annexes may have functioned as “sacristies” (for the deposit of offerings or storage of liturgical objects), as well as for receiving burials, housing a baptistery, or forming real chapels; the small apses of the an-

Fig. 5. Sofia, Saint Sofia. Vaults of the nave

nexes of the basilica of Sofia could therefore also have served some of these purposes.

The other and even more crucial question is that of the vaulting of the nave (fig. 5). It

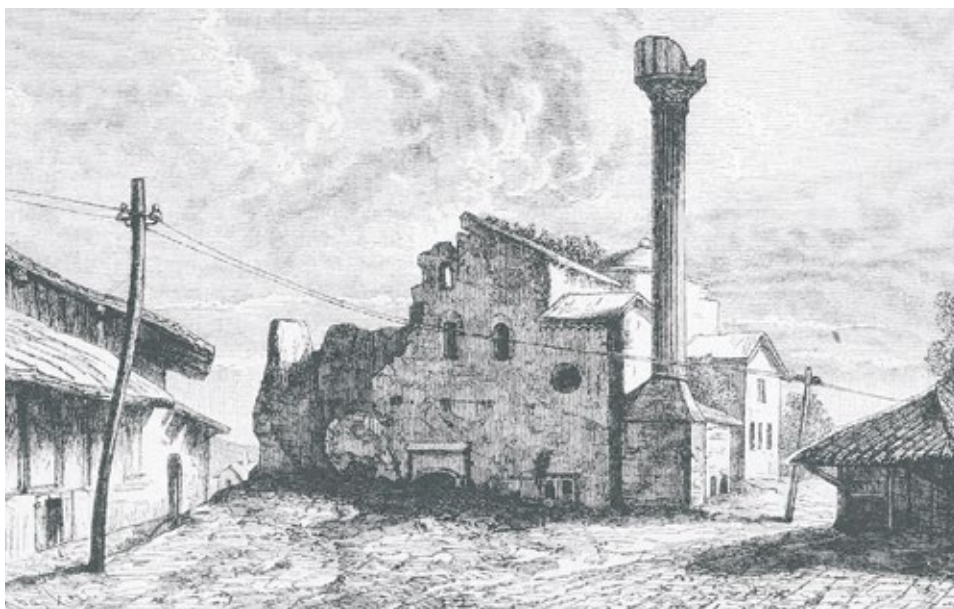

Fig. 6. Saint Sofia, Sofia. Drawing of 1878

¹ A look at what remains of an exonarthex reveals the original structures of low towers, now missing. Let's add that for St. Demetrius, also in Thessaloniki, the two towers actually in façade only result from the modern reconstruction.

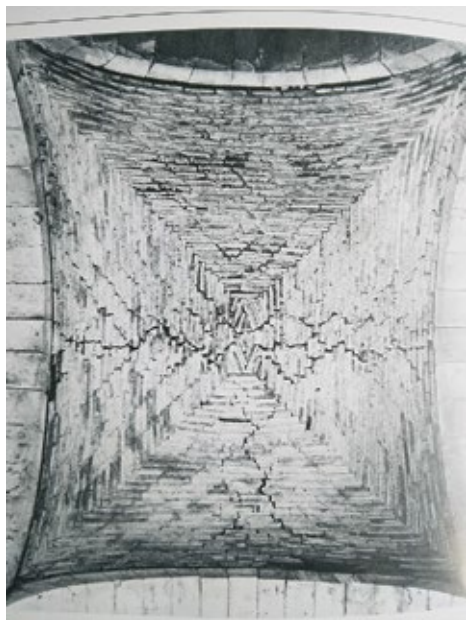

Fig. 7. Zenobia/Halabiye, praetorium. Vault

involves two groined vaults, with a very particular configuration: indeed, the bricks files are initially arranged, alternately, parallel to the arcades of the nave and the transverse arch separating the bays, as is always the rule; but towards the apex, they organize into smaller and smaller rectangles. How-

Fig. 8. Constantinople, Yerebatan Saray ("Cistern Basilica"). Vaults

ever, we have the almost exact equivalent of this system — and with, moreover, also the use of bricks — in the barracks (so-called *praetorium*) of Zenobia/Halabiye on the Euphrates in Syria (Mango 1981: 16, fig. 12; Lauffray 1983: 121–123) (fig. 7), as well as in the Yerebatan Saray cistern (known as the "Basilica Cistern") of Constantinople (Mango 1995: 16) (fig. 8). These two buildings are mentioned in the work of Procopius of Caesarea dealing with Justinian's constructions. For the Constantinople cistern, it is specified that the layout was carried out on the site of another building destroyed during the *Nika* insurrection of 532. And for the barracks of Zenobia, the same author indicates that the architects employed by the emperor were a John of Byzantium and an Isidore from Miletus, the nephew of the Isidore previously engaged with Anthemios for the construction of Hagia Sophia in the capital — both this John and this Isidore, Procopius adds, then being relatively young. This implies that these undertakings are in any case later than 532, possibly a decade or more later. This in turn encourages, as for the basilica of Sofia, the preference for an edification in the same years of the second third or mid-6th century: that is to say, at a time already quite advanced in the reign of Justinian, and not at the beginning of his reign — and even less so, therefore, under the reigns of Justinian's predecessors, as suggested by Šalgarov or Ivanov. On the other hand, Fingarova's position in favor of a construction under Constantine V in the 8th century cannot be supported by any valid comparison: this, because for Saint Irene of Constantinople, a rare building from this time, another type of vaulting was used, with two domes; and an inscription at the base of one of the vaults of the transept of the basilica of Sofia, invoked particularly by Rizos in favor of a renovation of the upper parts in the 8th century, is by no means decisive due to the imprecision of its terms. Finally, it should be noted that the groined vaults made of bricks which are clearly later, such as those of the Christ Pantocrator complex in Constantinople from the early 12th century (fig. 9), no longer exhibit the particular feature mentioned above at their apex: the hypothesis of such a late vaulting in Sofia, defended by Boădziev, therefore appears even less acceptable. Furthermore, let us add that a dating to the second third or middle of the 6th century aligns well with the politico-religious context of that peri-

od; Vencislav Dinčev favored this moment to the extent that, in 535, the establishment of *Justiniana Prima* (most likely present-day Čaričin Grad in southern Serbia) as the metropolitan see of the province, concomitantly leading to the loss of this status by Sofia, could have provoked a reaction from the latter with, precisely, the construction of a building — perhaps martyrial — of a decidedly prestigious nature; with now the consideration of the previously valued criterion of construction technique, this simple hypothesis is now supported by a decisive argument.

Consequently, one cannot adopt Valeva's viewpoint, who interpreted the vaulting of the basilica of Sofia as a sort of preamble to the full affirmation of dome architecture, and in this, relied notably on a comparison with Saint Polyeuktos of Constantinople, founded by Princess Anicia Juliana before 527. But recently, Jonathan Bardill (*Bardill* 2011) has convincingly challenged the reconstruction of Saint Polyeuktos previously proposed by Martin Harrison (*Harrison* 1989): through a meticulous re-examination of the existing structures, he was able to demonstrate that it was a church with a wooden roof, and not a dome. In fact, we must consider the design of the basilica of Sofia as a strictly contemporary alternative to what was chosen for Hagia Sophia in Constantinople. Moreover, one can envision more or less divergent orientations of vaulted architecture in this same phase. Thus, while it seems assured that in Canosa di Puglia, a church in southern Italy built at the initiative of a bishop returning from Constantinople, it was indeed the dome design that prevailed without contest (*Falla Castelfranchi* 2014), it may have been different for several other 6th century buildings. So, we can revisit the case of certain buildings in Asia Minor and, first of all, Saint John of Ephesus. For if Nikolaos Karydis has restituted dome vaults both over the nave and over the crossing of the transept (*Karydis* 2013), he only took into account the two solutions — without contest, well distinguished by him — of the dome articulated on distinct pendentives, and the dome prolonging itself into pendentives; but this, without at all considering the possibility of groined vaults; however, the very few elements of covering still remaining on which Karydis bases his restitution rather make hazardous determining the exact nature of the vaults from which they orig-

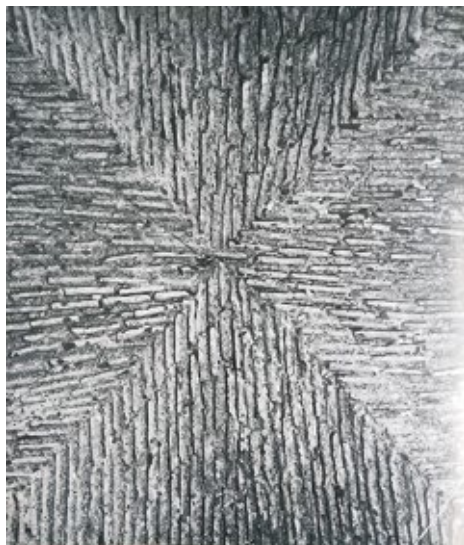

Fig. 9. Constantinople, Christ Pantocrator. Vault

inate; this, if not for the transept and its crossing, especially for the nave, for which it seems that no element at all survive. A reasoning of the same order could also apply to the church referred to as “urban” of Hierapolis/Pammukale (*Karydis* 2011: 18–23), where the three square bays of the nave could have supported groined vaults just as well as domes. Of course, these last remarks do not outright refute Karydis's proposals; but at least, they invite us not to dismiss the possibility of other solutions either; and precisely, the case of the basilica of Sofia, associating domes for the transept and groined vaults for the nave, illustrates this very well.

In any case, it emerges from all these considerations that the basilica of Sofia fits perfectly within the context of vaulted constructions from the time of Justinian — but in a context marked by more diversity, it seems, than is usually thought. It should also be emphasized, ultimately, that it is one of the best-preserved major buildings from this period: because, in fact, the restoration that took place in the 20th century has clearly not betrayed the original design — including, moreover, the layout of the apse, which has been rebuilt on what remained of the 6th-century foundations. Under these conditions, and contrary to what we noted here at the very beginning, it will be from now on absolutely essential to restore this monument to a prominent place in the overall presentations of Late Antique architecture.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Babić* 1969 — *Babić G.* Les chapelles annexes des églises byzantines. Fonction liturgique et programmes iconographiques. Paris, 1969.
- Bardill* 2011 — *Bardill J.* Église Saint-Polyeucte à Constantinople. Nouvelle solution pour l'énigme de sa reconstitution // *Architecture paléochrétienne* / ed. J.-M. Spieser. Gollion, 2011. P. 77–103.
- Boădžiev* 1958 — *Boădžiev S.* Sofijska c"rkva Sv. Sofiâ // *Izsledvaniâ v čest na akad. Dimit'r Dečev*. Sofiâ, 1958. P. 611–629.
- Boădžiev* 1967 — *Boădžiev S.* Sofijska c"rkva Sv. Sofiâ. Sofiâ, 1967.
- Boădžiev* 1994 — *Boădžiev S.* Hristiânska grobnična arhitektura v Serdika prez II–VI vek // *B"lgarsko arhitekturno nasledstvo*, 1. Sofiâ, 1994. P. 3–27.
- Boădžiev* 1996 — *Boădžiev S.* Panovizantijska c"rkva Sv. Sofiâ // *Ranohristiânski hram Sv. Sofiâ*. Sofiâ, 1996. P. 7–41.
- Boădžiev* 2002 — *Boădžiev S.* Rimski i ranovizantijski gradove v B"lgariâ // *Studies in memoria Teofil Ivanov*. Sofiâ, 2002. P. 125–180.
- Čurčić* 2010 — *Čurčić S.* Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. Yale-New Haven-London, 2010.
- Dinčev* 2014 — *Dinčev V.* Sofijskata c"rkva "Sveta Sofiâ" i Serdika. Sofiâ, 2014.
- Falla Castefranchi* 2014 — *Falla Castefranchi M.* San Savino Vescovo di Canosa di Puglia (514–66) e la traslazione del suo corpo. Con particolare attenzione alle nuove scoperte nella cattedrale // *L'évêque, l'image et la mort. Identité et mémoire au Moyen Âge* / ed. N. Bock et alii. Rome, 2014. P. 467–480.
- Filov* 1913 — *Filov B.* Sofijska c"rkva Sv. Sofiâ. Sofiâ, 1913.
- Fingarova* 2011 — *Fingarova G.* Die Baugeschichte der Sophienkirche in Sofia. Wiesbaden, 2011.
- Harrison* 1989 — *Harrison M.* A temple for Byzantium. The Discovery and Excavation of Anicia Juliana's Palace Church in Istanbul. London, 1989.
- Karydis* 2011 — *Karydis N.* Early Vaulted Construction in Churches of the Western Coastal Plains and River Valleys of Asia Minor. Oxford, 2011.
- Karydis* 2013 — *Karydis N.* The Early Byzantine Domed Basilicas of West Asia Minor. An Essay in Graphis Reconstruction // *Field Methods and Post-Excavation Techniques in Late Antique Archaeology* / eds. L. Lavan and M. Mulryan. Leiden, 2013. P. 357–381.
- Krautheimer, Čurčić* 1986 — *Krautheimer R.* With the collaboration of Čurčić S. Early Christian and Byzantine Architecture. 5th ed. Yale-New Haven-London, 1986.
- Lauffray* 1983 — *Lauffray J.* Halabiyya-Zenobia, place-forte du limes oriental et la Haute Mésopotamie au VIe siècle. I, Les duchés frontaliers et la fortification de Zenobia. Paris, 1983.
- Mailis* 2011 — *Mailis A.* The Annexes of the Early Christian Basilicas of Greece, 4th–6th c. Architecture and Function. Oxford, 2011.
- Mango* 1981 — *Mango C.* Architecture byzantine. Paris, 1981.
- Mango* 1995 — *Mango C.* The Water Supply of Constantinople // *Constantinople and its Hinterland* / eds. C. Mango, G. Dagron et alii. London, 1995. P. 9–18.
- Rizos* 2013 — *Rizos E.* Recension of Fingarova G., Die Baugeschichte der Sophienkirche in Sofia. Wiesbaden, 2011 // *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft*. No. 16. 2013. P. 1011–1019.
- Šalganov* 1989 — *Šalganov K.* Stratigrafski nablûdeniâ v"rhu učast"k ot serdikijskiâ nekropol // *Serdika*. Arheologičeski material i proučvaniâ, 2 / eds. V. Velkov et alii. Sofiâ, 1989. P. 59–65.
- Šalganov* 2002 — *Šalganov K.* Novi dannî za arhitekturnata predistoriâ na bazilikata "Sveta Sofiâ" // ΠΙΤÚŃ. *Izsledvaniâ v čest na prof. Ivan Marazov* / eds. R. Gičeva, K. Rabadžiev. Sofiâ, 2002. P. 581–592.
- Šalganov* 2005 — *Šalganov K.* Arheologičeski proučvaniâ pod bazilikata Sv. Sofiâ v Sofiâ prez 1991–2002 // *Heros Hephaistos*. *Studia in honorem Liubae Ognenova-Marinova*. Sofiâ, 2005. P. 469–479.
- Stanev, Ždrakov* 2001 — *Stanev S., Ždrakov Z.* ΠΟΛΛΑ ΤΑ ΕΤΗ ΤΟΥ ΠΑΤΡΙΑΡΧΟΥ (za edna aklamaciâ ot serdikijската c"rkva "Sv. Sofiâ") // *Arheologiâ*. No. 42. 2001. P. 20–29.
- Valeva* 2015 — *Valeva J.* Saint Sophia Church: History of Research and New Considerations // *Archeologia Bulgarica*. No. XIX-2. 2015. P. 63–92.
- Valeva* 2016 — *Valeva J.* Die Kirche der Hl. Sophia in Sofia // *Glanz der Osten*. *Christliche Kunst aus Bulgarien* [exhibition catalogue, Klosterneuburg]. Klosterneuburg-Sofia, 2016. P. 31–46.

REFERENCES

- Bardill J. Église Saint-Polyeucte à Constantinople. Nouvelle solution pour l'énigme de sa reconstitution. *Architecture paléochrétienne*. Ed. J.-M. Spieser. Gollion, 2011, pp. 77–103.
- Čurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent*. Yale-New Haven-London Publ., 2010.
- Falla Castefranchi M. San Savino Vescovo di Canosa di Puglia (514–66) e la traslazione del suo corpo. Con particolare attenzione alle nuove scoperte nella cattedrale. *L'évêque, l'image et la mort. Identité et mémoire au Moyen Âge*. Ed. N. Bock et alii. Rome, 2014, pp. 467–480.
- Fingarova G. *Die Baugeschichte der Sophienkirche in Sofia*. Wiesbaden, 2011.
- Karydis N. *Early Vaulted Construction in Churches of the Western Coastal Plains and River Valleys of Asia Minor*. Oxford Publ., 2011.
- Karydis N. The Early Byzantine Domed Basilicas of West Asia Minor. An Essay in Graphic Reconstruction. *Field Methods and Post-Excavation Techniques in Late Antique Archaeology*. Eds. L. Lavan and M. Mulryan. Leiden, 2013, pp. 357–381.
- Mailis A. *The Annexes of the Early Christian Basilicas of Greece, 4th-6th c. Architecture and Function*. Oxford Publ., 2011.
- Rizos E. Recension of Fingarova G., *Die Baugeschichte der Sophienkirche in Sofia*. Wiesbaden, 2011. *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft*, no. 16, 2013, pp. 1011–1019.
- Valeva J. Saint Sophia Church: History of Research and New Considerations. *Archaeologia Bulgarica*, no. XIX-2, 2015, pp. 63–92.
- Valeva J. Die Kirche der Hl. Sophia in Sofia. *Glanz der Osten. Christliche Kunst aus Bulgarien [exhibition catalogue, Klosterneuburg]*. Klosterneuburg-Sofia Publ., 2016, pp. 31–46.

А.Ю. Казарян

ОСОБЫЙ ТИП КАПИТЕЛЕЙ С ПАЛЬМЕТТАМИ АНИЙСКОГО СОБОРА И ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ СТОЛИЧНОЙ ШКОЛЫ АРМЯНСКОГО ЗОДЧЕСТВА¹

Грандиозное здание Анийского кафедрального собора, шедевра зодчего Трдата, созданное в последней четверти X в., представляет интерес с разных точек зрения, в том числе изучения архитектурных деталей и резного декора. Богатое оформление барабана купола исследуется постепенно, по мере пополнения информации о нем и расширения возможностей проведения сравнительного исследования особенностей аркатуры, фриза и карниза. В статье внимание сосредоточено на капителях аркатуры, интересных своими формами и виртуозно исполненным резным декором, представляющим ряды пальметт с опущенными побегами. Выявлены возможные истоки формы и резных мотивов и отмечена вероятность ориентира Трдата на капители ордерной аркады барабана Эчмиадзинского собора, перестраивавшегося около 620 г. Представлены аналоги капителям Анийского собора на храмах армянской столицы как в эпоху Багратидов, так и при втором расцвете города в эпоху Закаридов. Исследование в очередной раз убеждает в том, что, опираясь на формы позднеантичного зодчества, Трдат мастерски их интерпретировал, стилизуя известные мотивы в соответствии с эстетическими потребностями эпохи и столичного общества.

Ключевые слова: Ани, Анийский кафедральный собор, архитектор Трдат, эпоха Багратидов, аркатура, резной декор, мотив пальметты

A.Yu. Kazaryan

A SPECIAL TYPE OF CAPITALS WITH PALMETTES OF THE ANI CATHEDRAL AND OTHER MONUMENTS OF THE METROPOLITAN SCHOOL OF ARMENIAN ARCHITECTURE

The grandiose building of the Ani Cathedral, a masterpiece of the architect Trdat, created in the last quarter of the 10th century, is of interest from various points of view, including the study of architectural details and carved decor. The rich design of the dome drum is being explored gradually, as information about it is replenished and the possibilities for conducting a comparative study of the features of the blind arcade, frieze and cornice expand. The article focuses on the capitals of the blind arcade, which are interesting for their shapes and masterly carved decor, representing rows of palmettes with drooping shoots. The possible origins of the shape and carved motifs are revealed, and the probability of a landmark on the capitals in the order of the drum of the Echmiadzin Cathedral, which was rebuilt around 620, is noted. The analogues of the capitals of the Anii Cathedral on the churches of the Armenian capital are presented both in the Bagratid era and during the second heyday of the city in the Zakarid era. The study once again proves that, based on the forms of late Antique architecture, Trdat skillfully interpreted them, stylizing well-known motifs in accordance with the aesthetic needs of the era and the metropolitan society.

Keywords: Ani, Ani Cathedral, architect Trdat, the Bagratid era, blind arcade, carved decor, palmette motif

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354-П (URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ).

ВВЕДЕНИЕ

Детали пластического декора утраченного барабана кафедрального собора в Ани, построенного архитектором Трдатом в последней четверти X в., известны по фотографии начала XX в. архитектурных фрагментов, складированных у северного портала. Большое количество подобных деталей было выявлено в 2022 г. в результате проведенной турецкими коллегами под руководством архитектора Исмаила Явуза Озкая расчистки пространств над сводами собора, особенно над восточным рукавом, где были скопления камней рухнувшего еще в Средние века купола. Отметим, что полное научное представление всего этого корпуса ценнейших материалов, которое должно включать точные обмеры и упорядочивание, выходит за рамки настоящего исследования. Основываясь на фотографиях некоторых из этих деталей архитектурного декора, в статье характеризуется важнейшая сторона анийской архитектурной школы последней трети X – первой половины XIV в.

Эта школа, именуемая по названию главного города Армении и, по сути, являвшаяся столичной школой средневековой армянской архитектуры, обладала именно столичным, аристократическим лоском, во многом определявшимся качеством декоративной отделки.

Творчество зодчего Трдата и его главное произведение, кафедральный собор в Ани, сыграли важнейшую роль в направлении архитектуры столицы и лежали у истоков данной школы. Вот почему к этому собору приковывалось внимание не одного поколения исследователей, и время от времени предлагались варианты теоретической, графической, а в последние 30 лет и практической реконструкции этого собора, основным воссоздаваемым элементом которого является купол на высоком и нарядном барабане. Почти каждая особенность дошедшей до наших дней основной части Анийского собора и его реконструируемых форм вызывает вопросы, связанные

Рис. 1. Северный портал Анийского собора. Фрагмент фотографии Т. Тораманяна, 1911–1912 гг.

с уточнением места этого выдающегося памятника в истории армянской архитектуры. Среди таких особенностей — детали и резной декор на аркатурах храма, особенно на аркатуре, опоясывавшей барабан купола. Капители на барабане ранее крайне редко упоминались: фотография фрагментов декора барабана у северного портала, авторства Т. Тораманяна, 1911–1912 гг. (173 × 122 мм, ИН ААТ Л 2/238, Государственный музей истории Армении), опубликована недавно (рис. 1)², и такого типа капители, без соответствующего комментария, но очевидно с учетом образцов на этой фотографии, были представлены на реконструкции А. Гуляна (Гулян 2005: ил. на обложке) (рис. 2)³. В нашей реконструкции того же барабана акцент был сделан на формах фриза и карниза (Казарян 2018). Форма капителей пилястр на барабане собора впервые анализируется в рамках настоящей статьи.

² Тораманян 2008: фото XI. В этой публикации имеются обмеры некоторых фрагментов барабана, собранных в одной таблице и атрибутированных, видимо, вслед за Т. Тораманяном, в качестве деталей, принадлежавших другим постройкам, но найденным при раскопках рядом с собором (Тораманян 2008: табл. 27). Эти фрагменты декора (аркатуры и фриза) были сравнены с теми, которые присутствовали на кровлях Анийского собора и признаны принадлежавшими его барабану (Казарян 2018: 157–163, ил. 11, 15–18). Графически изображенная С.А. Майловым капитель, судя по числу ободков в основании ее шаров, относится скорее всего к аркатуре в апсиде Анийского собора, подпись к рисунку отсутствует (Майлов С.А. 1986: 182, рис. 7).

³ Благодарю А. Гуляна за предоставление мне этой реконструкции в виде электронного изображения высокого качества, при увеличении которого видна форма капителей и орнамент на них.

Рис. 2. Анийский собор. Реконструкция А. Гуляна. Фрагмент барабана

Исследование этих капителей осуществлено с максимальным учетом их аналогий в армянском зодчестве, за пределами которого подобные архитектурные формы автору статьи остаются неизвестными. Сравнительный анализ выявленных капителей позволяет рассуждать об относительных истоках их формы в архитектуре VII в., о распространенности близких форм на храмах двух периодов расцвета средневековой армянской архитектуры и о роли капителей барабана Анийского собора в качестве образца в последовавшем за его созданием архитектурном творчестве.

КАПИТЕЛИ АНИЙСКОГО СОБОРА

Последняя реконструкция позволила представить барабан во всей полноте его пластического декора. Эта 28-гранная

башня в своей основной зоне, начиная с кольцевого карниза, была оформлена вереницей архивольтов на спаренных полуколоннах, вырастающих от условных ребер барабана. Условных потому, что поверхность барабана цилиндрическая, разделенная на вертикальные зоны этими пилястрами. Слово продолжением «ребер», но с утрированно-подчеркнутым прямым углом, являются вставки по границе между состыкованными в пару полуколоннами. Выше этой аркатуры или слепой аркады проходила широкая полоса орнаментированного фриза, в котором между лентами плетения присутствовала вереница больших многолепестковых цветков. Венчался барабан карнизом, состоящим из двух последовательных элементов: ряда слабо выдвинутых блоков с высокой полкой и более широкой полосы или собственно карниза, украшенного по скошенной поверхности плетением. Благодаря расчистке над сводами, в основном, восточного рукава, на который, видимо, обрушился купол, выявилось значительное число блоков фриза, один из которых ранее был сфотографирован автором еще в завале (Казарян 2018: ил. 11). Теперь, после выявления резных деталей с кровли собора, можно с уверенностью говорить о том, что архивольты этой аркатуры имели совершенно плоские фронтальные поверхности, украшенные вырезанным в этой поверхности орнаментом — двумя наложенными друг на друга вереницами переплетенных колец (рис. 3).

Среди спущенных с кровли капителей, — их можно насчитать не менее шести (вместе с тремя на архивной фотографии составляют 9 капителей), — ни одна не сохранилась в целостном состоянии, но даже их обломки представляют собой безусловную ценность и свидетельству-

Рис. 3. Фрагмент архивольта аркатуры барабана Анийского собора. Фото А. Казаряна, 2023

ют о высоком мастерстве резчика или группы резчиков (рис. 4). Сейчас, после обнаружения подобных деталей в завалах от рухнувшего барабана, становится безусловной истинная принадлежность изображенных на фото капителей.

Капители однотипные, они высечены в едином блоке с верхним фрагментом спаренных фустов и с участком гладкой поверхности стены, с одной из сторон примыкающей к капители. В целом каждый блок представлял собой произведение скульптуры, поскольку все детали созданы посредством их высечения в большом блоке. Такой подход был характерен принципам тектоники и технологии производства, которых придерживались армянские средневековые мастера, начиная с VII в., и был воспринят архитектурной традицией эпохи Багратидов.

Капители, несмотря на схематическую однородность, все оказались разными. Общая их композиция состоит из двух частей: в нижней фигурируют венчающие каждую колонку шары, с пояском по основанию, в верхней — кубовидный единый объем, покрытый спереди и по бокам орнаментом в виде самых разнообразных сочетаний пальметт. На эти капители опирались спаренные пяты архивольтов, которые, как и пилястры, являлись в большей мере скульптурными проявлениями, а не тектонически самостоятельными элементами. Разнообразие декора все же позволяет усматривать его определенную, общую для всех капителей схематичность. Мастер руководствовался четкой структурой при прорисовке резного декора на гранях кубовидного объема (в реальности — параллелепипеда с горизонтальной направленностью).

Первое, что объединяет капители, — это выделение на фронтальной поверхности центральной широкой пальметты, которую по сторонам окружают полупальметты или профильные пальметты, и аналогичные полупальметты представлены на боковых гранях объема. Причем сделано это так, что к ребру объема выходят крайние, длинные листья каждой полупальметты, а вместе выходящие на ребро половинки могут трактоваться и как полная пальметта, преломленная на две грани, с одной половиной на передней и второй — на боковой поверхности. Вторая особенность орнаментального декора капиэтителей — обращение всех пальметт книзу, т.е. их произрастание

Рис. 4. Капитель аркатуры барабана Анийского собора: 3 образца. Фото А. Казаряна, 2023

от верхней, примыкающей к полке границы до нижнего завершения кубовидного объема. При этом нижняя граница объема представлена изрезанно, в соответствии с прорисовкой концов пальметт. Присутствие полки или, скорее, ее подобия — выделенной верхней гладкой полосы в пределах того же объема — является третьей особенностью этих капителей, представляющей тоже важной в эволюции декора армянской аркатуры

Рис. 5. Пилистра аркатуры барабана Анийского собора. Фото А. Казаряна, 2015

от ее ранних, позднеантичных образцов к средневековым.

Привлекает внимание качество прорисовки и пластичность исполнения пальметт. Несмотря на нанесение орнамента на совершенно плоскую поверхность, представляющая его резьба очень объемная и имеет широкий диапазон заглубления формы в разных местах декорируемого поля. Эффект объемной пластики усилен ее соседством с прочерчиванием острым инструментом контура побегов, — это местами сохраненный мастером силуэт изначальной прорисовки орнамента. Виден он далеко не на всех капителях, да и не было смысла в его сохранении, учитывая дальнейшее расстояние от зрителя до барабана купола собора. Таким же тонким прочерчиванием отделена верхняя полка. Гораздо более значимым для обзора являлось придерживание крупным формам.

Базы пилистр рассматриваемой аркатуры Анийского собора, в основном сохранившиеся на своих исконных местах, в нижнем ряду кладки барабана, имеют почти идентичные формы, но с гладким кубовидным основанием и с парой шаров, преломленных посередине горизон-

талью (рис. 5). Фактически базы имеют вид перевернутой вниз головой капители, но при этом лишены резного декора. Такая особенность аркатуры не обязательна, но характерна для армянской средневековой традиции, ее истоки можно заметить на соборах VII в.

Еще одна немаловажная деталь пилистр на барабане Анийского собора — тяга между колонками, выдающаяся вперед вертикальным ребром. Верхний и нижний концы ребра заходят в пределы капители и базы, разграничивая объемы шаров друг от друга и упираясь в кубовидные объемы. С художественной точки зрения этот прием, столь типичный для пилистр обрамлений некоторых окон этого же собора и анийской церкви Св. Григория Просветителя рода Аbugамренц (970-е или начало 980-х гг.) (Халпахчян 1975), служит образованию узких полосок света и тени, графически выявляя колонки. С тектонической — это намек на присутствие пилистры в местах ребер многогранного объема и на условную принадлежность каждой отдельной колонки соответствующей его грани. Аналогичный прием известен на некоторых памятниках Константинополя, и его истоки наряду с истоками пучковых пилистр учеными на протяжении последних столетий связываются с Арменией и Востоком в целом (Захарова 2024: 253).

Идентичные по композиции капители с близким декором из аканфа присутствуют в аркатуре, охватывающей вереницу ниш в нижней зоне апсиды Анийского собора (рис. 6) (Казарян, Кон-

Рис. 6. Аркатура и ниши в апсиде Анийского собора. Фото А. Казаряна, 2015

дратьева 2024). Во всех деталях капители в апсиде и на барабане можно считать подобными друг другу, с той лишь разницей, которая заключается в пропорциях элементов, в детализации некоторых форм, таких как полная сферичность шаров в апсиде и присутствие в их основе пары узеньких колец, которых либо нет на капителях барабана либо они присутствуют в единственном числе. Трдат, очевидно, намеренно выделил столь пышным и почти одинаковым декором обладающие особенной сакральностью две зоны — апсиду и барабан.

КАПИТЕЛИ НА БАРАБАНЕ ЭЧМИАДЗИНСКОГО СОБОРА И АРКАТУРЕ ХРАМА ЗВАРТНОЦ КАК ВОЗМОЖНЫЕ ОБРАЗЦЫ ДЛЯ АНИЙСКОГО МАСТЕРА

Не сомневаясь в творческих способностях незаурядного и многогранного зодчего Трдата, можно попробовать выявить истоки формы исследуемых капителей в предшествовавшей традиции. Тем более что и в сфере типологии архитектурных композиций, и в формах декора этот мастер опирался на наследие, кардинально преобразовывая традиционные формы и принципы. Достижения архитектуры VII в., Золотого века армянского зодчества, особенно ценились творцами эпохи Багратидов. Недаром и в случае рассмотрения возможных истоков капителей собора прежде всего выявляются образцы этого времени — капители слепой ордерной аркады на перестроенном с основания католикосом Комитасом Ахцеци около 620 г. соборе Эчмиадзин (Казарян 2012. Т. 1: 325–356) и капители монументальной аркатуры основного яруса круглого храма Звартноц, созданного католикосом Нерсесом Таеци, Строителем около 650 г. (Казарян 2012. Т. 2: 492–549). Основная форма этих образцов состоит из вытянутого в горизонтальном направлении объема, посредством выкружки переходящего в верхней части в широкую полку. Капители первого из этих памятников созданы для венчания одиночных колонн, но имеют похожие на кубовидную основу анийских образцов форму, в которой основная поверхность занята орнаментом из пальметт: фронтальной по центру (на отдельных капителях вместо нее присутствует бутон) и профильных по сторонам, с которыми сочетаются профильные пальметты боковых граней

Рис. 7. Капитель ордера барабана собора Эчмиадзин. Фото А. Казаряна, 2013

(рис. 7, 8). То есть логика композиции та же, что на барабане и в апсиде Анийского собора при той существенной разнице, что побеги направлены снизу вверх, а не наоборот. Звартноцевские образцы тоже горизонтально вытянутые, с покрытием основной зоны направленными вверх пальметтами. Однако структура резного декора иная, она двухчастная и непосредственно отражает структуру пилястры, состоящую из двух полуколонн. Каждая половина капители понизу содержит полукруглый вырез, и над ним изображена пара профильных пальметт, исходящих своим началом от фуста по-

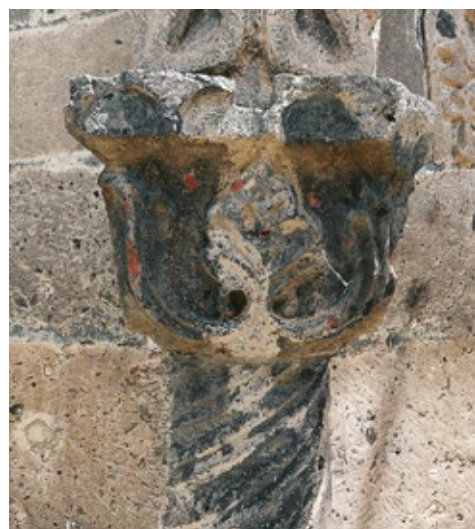

Рис. 8. Капитель ордера барабана собора Эчмиадзин. Фото А. Казаряна, 2014

Рис. 9. Капитель аркатуры первого яруса храма Звартноц. Фото А. Казаряна, 2008

луколонны (рис. 9). Звартноцевская идея интерпретирована в капителях аркатуры экседры собора в Талине 670–680-х гг. (Казарян 2012. Т. 3: 146–183), причем на одной капители северной экседры пальметты исходят из верхней точки, направляясь по полукругу книзу и далее вверх (рис. 10). Не тут ли впервые предложен вариант роста пальметт сверху вниз, более последовательно развитый Трдатом?

Тем не менее можно с большой долей уверенности предположить об обращении Трдата в своем творчестве, в первую очередь, к идее композиции из пальметт, присутствующей на барабане Эчмиадзина, тем более что такая отсылка к древнейшему армянскому собору могла иметь символическое значение преемственности при возведении кафедрального собора в новой столице. Упрощенная форма параллелепипеда и стилизация декора — дань моде и приведение позднеантичной формы в соответствие с новым пониманием структуры капители, в которой первостепенным становится сочетание параллелепипеда с шаром. Его в чистом виде видим на аркатуре основного яруса Анийского собора.

Рис. 10. Фрагмент аркатуры северной экседры собора в Талине. Фото А. Казаряна, 2009

Рис. 11. Пилястра северного портала храма Джвари.
Фото А. Казаряна, 2009

Шаровидные элементы в качестве основы капители в позднеантичном зодчестве нам неизвестны, если не считать редчайшего присутствия напоминающих тор сильно приплюснутых шариков между фустами полуколонн и параллелепипеда капители на обоих порталах храма Джвари (Св. Креста) во Мцхете (640-е гг.) (рис. 11) (Казарян 2012. Т. 2: 311–355, ил. 815–817).

АНИЙСКИЕ КАПИТЕЛИ В КОНТЕКСТЕ ЗОДЧЕСТВА ЭПОХИ БАГРАТИДОВ

В качестве непосредственного предшественника Анийского собора выступает

столь же грандиозный храм, возведенный куропалатом Давидом, представителем тайкской ветви рода Багратидов, в Ошке в 963–973 гг. Барабан именно этого храма украшен аркатурой на спаренных колонках и с приплюснутыми шарами в основании кубовидной капители (с преломлением по отношению к граням барабана). Среди разнообразно декорированных капителей встречается и аналогичная с пальметтами, схематически повторяющая идею капителей Эчмиадзинского собора (рис. 12).

Примерно в те же годы, а может быть, несколько позже в Ани возводится храм небольших размеров, но исключительно значимый с точки зрения сложения анийской архитектурной школы. Это церковь Сурб Григор Лусаворич рода Абугамренц, которая, по своей стилистике занимающая промежуточное место между двумя известными соборами Трдата, Аргинским и Анийским, могла быть построена этим же зодчим (Казарян 2017: 91). Портал церкви является модификацией арочного типа порталов с пилястрами в виде спаренных полуколонн, причем колонки друг от друга разведены, за счет чего расширены венчающие пилястры капители (рис. 13) (Казарян 2024а). Как и в образцах Анийского собора, в основе капители присутствуют незначительно приплюснутые шаровидные формы, с единственным ободком понизу и сдвоенными вверху, под горизонтально вытянутым, украшенным пальметтами объемом. Последний содержит остаток полки и, что немало важно для памятника, построенного до Анийского собора, выкружку под полкой. Декорированная орнаментом перед-

Рис. 12. Фрагмент аркатуры барабана Ошкского собора. Фото А. Казаряна, 2006

Рис. 13. Капитель портала церкви Аbugамренц в Ани. Фото А. Казаряна, 2023

ная поверхность украшена пятью пальметтами, тремя фронтальными и парой профильных по сторонам от них. Можно предположить, что подобные капители могли служить непосредственными прототипами капителей на барабане собора. Кроме того, в интерьере церкви Аbugамренц профильными пальметтами с ростом книзу украшена одна из капителей подкупольных пилонов (рис. 14). Поэтому возможно, что капитель портала и ка-

питель в интерьере этой церкви, в случае создания ее зодчим Трдатом, могли быть его первыми попытками сочинения форм, которые вскоре в значительно более отточенных вариантах были воплощены на Анийском соборе.

Родственный декору капителей Эчмиадзина и Анийского собора вариант насыщенного пальметтного рельефа, представленный в духе анийской стилистики, присутствует на импосте под под-

Рис. 14. Капитель полкупольного пилона церкви Аbugамренц в Ани. Фото А. Казаряна, 2023

Рис. 15. Импост пилона часовни Хатунц монастыря Оромос. Фото А. Казаряна, 2013

пружной аркой сводчатой часовни Хатунц монастыря Оромос (рис. 15). Эта часовня, учитывая оформление данного импоста, была отнесена к концу X – началу XI в. (Kazaryan 2015: 108–113, fig. II-59). Однако сейчас автор склоняется к вероятности ее создания в первые десятилетия XI в., учитывая также особенности плетеного орнамента на карнизе и общего контекста истории застройки верхней группы монастыря.

Профильная пальметта присутствует и на капители подкупольной опоры так называемой Кюмбет-килисе, тетраконховой церкви к востоку от Карса (Sağır 2011: fig. 11), скорее всего произведения второй четверти XI в. (Казарян 2024b). Профильные и фронтальные пальметты встречаются на угловых капителях большой церкви монастыря Мармашен (929 г.) (рис. 16). Эти два примера могут свидетельствовать только о предпочтениях мастеров эпохи Багратидов украшать капители пальметтами или пальметтообразным орнаментом. Говорить о близком подобии капителям барабана Анийского собора приходится только при обращении к капителям одного, почти неизвестного памятника Карса.

Некогда процветавший центр царской династии Багратуни город Карс, несмотря на бурное развитие города в конце XIX – начале XX в., нынешнее активное строительство и на утраты архитектурного наследия, сохранил многочисленные свидетельства деятельности средневековых армянских мастеров. Крепость на скале и собор Апостолов — лишь

Рис. 16. Капитель пучковой пилястры большой церкви монастыря Мармашен. Фото А. Казаряна, 2022

самые известные, созданные в период расцвета царства Багратуни в первой половине X в. Остальные памятники плохо исследованы либо совсем не изучались. С тех пор как Ашот Милостивый Багратуни перенес столицу Армянского царства в Ани (961 г.), Карс продолжил свое развитие в качестве одного из крупных городов и центра Ванандского царства и просуществовал дольше Анийского, вплоть до 1064 г. Архитектура Карса своими характеристиками уступала анийской и со второй половины X в. носила, очевидно, провинциальный характер. Одна из церквей, характеризующих ее, — Сурб Аствацацин (Богородицы) или так называемый собор Аваг (Главный) (Karapetyan 2015: 122, 123), расположенный у подножия Карсской скалы, в нескольких десятках метров от входа в крепость. Формы конструкций и декора свидетельствуют о многочисленных перестройках, которые претерпел этот памятник. Неплохо сохранившаяся алтарная часть содержит сполнии — архитектурные детали более ранних времен. Выделяются крупные фигурные блоки из черного камня и две капители из белого известняка (рис. 17, 18).

Одна из них в перевернутом состоянии вставлена в кладку к югу от апсиды. Другая, видимо, располагалась симметрично ей, к северу от апсиды, но в последние годы лежит посреди бывшего пространства наоса. По всем формальным признакам эти капители, включая их элементы и тип пальметт, а также пропорции, являются ближайшими аналогами анийским капителям. Однако более

Рис. 17. Капитель в церкви Аваг в Карсе. Фото А. Казаряна, 2017

строгий стиль и упрощенный характер резьбы скорее всего могут свидетельствовать о создании карсских капителей в первой половине XI в.

В дополнение следует привлечь внимание еще к образцу капители узкой колонки, обмеренной Т. Тораманяном среди других найденных у Анийского собора фрагментов, отнесенных к иным зданиям (Тораманян 2008: табл. 27). Многими особенностями эта капитель перекликается своими формами с теми, которые присутствуют на барабане собора: шаровидным основанием, кубовидным объемом, украшенным пальметтами, направлением побегов и присутствием сверху полки. В то же время капитель соответствует одиночной колонке, чем отличается от широких капителей спаренных полуколонок на барабане и в апсиде. Не исключена принадлежность этой колонки какой-либо неизвестной нам детали собора, например престолу в алтаре или декору стенки алтарного возвышения.

АНИЙСКИЕ КАПИТЕЛИ В РОЛИ ОБРАЗЦА В ЗОДЧЕСТВЕ ЭПОХИ ЗАКАРИДОВ

В эпоху второго расцвета Ани, начавшегося с конца XII в., барабаны церквей по-прежнему украшались аркатурным декором. Анийский собор послужил образцом создания объемных композиций ряда церквей с аркатурами на основном ярусе и на многогранном барабане, в первую очередь строившихся в Ани: церковь Ахчкаберда, Св. Григория Просветителя Хечута, Св. Григория Просветителя Ти-

Рис. 18. Капитель в церкви Аваг в Карсе. Фото А. Казаряна, 2022

грана Оненца (1215). В случае последних двух был разработан более простой тип капителей и баз, очень похожий на соответствующие детали пилястр на барабане собора. При сохранении шаровидных элементов, часто представляемых с дольками, объединяющий колонки объем тоже сохранился, но лишившись полки. На памятниках начала XIII в. стороны параллелепипеда приобрели декор коврового типа со сложным растительным плетением. Однако на первой из церквей этого ряда, возведенной во Внутренней крепости или Ахчкаберде Ани правителем страны Закаре Закарянном (Мхаргрдзели) на рубеже XII и XIII вв., капители содержали резной декор в виде обращенных книзу пальметт, более упрощенный, чем было на соборе, но безусловно однотипный (рис. 19). Недавно исследованный храм проявляет определенное сходство с Анийским собором и архивольтами, особенно на аркатуре основного объема (Казарян 2019: 132–137, ил. 6–7; Казарян, Лошкарева 2019: 119, 120).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод исследования подтверждает результаты изучения и композиции отдельных форм Анийского собора, а также других элементов декора этого памятника. В очередной раз можно констатировать укорененность исследуемой на сей раз архитектурной формы (в неразрывной связи с резьбой на ней) в позднеантичной традиции VII в. и связанность творчества с новыми процессами развития стиля в эпоху Багратидов. В очеред-

Рис. 19. Капитель аркатуры барабана церкви в Ахчаберде, Ани. Фото А. Казаряна, 2019

ной раз следует отметить мастерство зодчего Трдата в интерпретации известных ему форм, в том числе при воссоздании древнего мотива пальметт в новом звучании. Подхватив идею оформления капителей пальметтным декором у мастеров, строивших эчмиадзинский купол почти за четыре столетия до создания Анийского собора, Трдат заимствовал и концепцию вариативности такого декора в рамках единой композиционной схемы. Загадкой остается причина последовательного создания анийскими мастерами

пальметт, произрастающих сверху вниз. Такой прием не мог быть только художественным, не несущим определенного содержания. Опушенные книзу пальметты напоминают побеги под процветшими крестами на хачкарах того же времени, — те побеги, которые составляют композицию, вплетенную в единый пучок с побегами, произрастающими вверх, а также те пальметтовидные побеги, которые в некоторых хачкарах произрастают из верхнего рукава креста и, огибая его, направляются вниз. Примерами служат плита в каменном шатре жаматуна монастыря Оромос 1038 г. и хачкары в почти одновременной аркаде того же монастыря, позже включенной в пространство мавзолея Рузукан (Kazaryan 2015: 168–174; Mahé 2015: fig. V-8–V-11). Полагаю, что Трдатом при создании анийских капителей и мастерами этих хачкаров руководила одна, общая и не разгадываемая ныне мысль.

Наконец, на основе изучения отдельного типа капителей, можно вновь заключить, что формы этого собора служили образцом для некоторых выдающихся построек XII–XIV вв., но никогда не воспроизводились буквально, отражали меньший масштаб и стилистику нового времени, и, как правило, уступали образцу в величии. Именно анийские постройки эпохи Закаридов служили наиболее яркими воплощениями развития идей построенных по царским заказам соборов конца X – начала XI в., мостом между великой архитектурной школой столицы и не менее ярким развитием монастырского зодчества в разных провинциях страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гулян 2005 — Гулян А. Միլիոն Ա. Միլի Մայր տաճարի հազարամյա խորհուրդը (1001–2001 թթ.) (Гулян А. Тысячелетняя тайна Кафедрального собора Ани (1001–2001)) // Հնշարձա՛ն (Памятник). Вып. 3. Ереван, 2005. С. 29–30.
- Захарова 2024 — Захарова А.В. Архитектурный декор монастыря Св. Георгия в Манганах (по фотографиям Н.И. Брунова) // Византийский временник. Т. 108. 2024. С. 243–259. DOI: 10.55959/MSU0132-3776-2025-108-243-259
- Казарян 2012 — Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. В 4 т. Т. 1–3. М.: Locus Standi, 2012.
- Казарян 2017 — Казарян А.Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8. 2017. С. 87–116.
- Казарян 2018 — Казарян А.Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 10. 2018. С. 145–169.
- Казарян 2019 — Казарян А.Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть вторая. Церковь во Внутренней крепости // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 13. 2019. С. 127–144.
- Казарян, Лошкарева 2019 — Казарян А.Ю., Лошкарева Е.А. Памятник

средневекового армянского зодчества. Церковь во Внутренней крепости (Ахчкаберд) Ани // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 12. 2019. С. 100–123.

Казарян 2024a — Казарян А.Ю. Порталы Ани конца X – начала XI века. Рождение новой типологии // Проект Байкал. № 3 (81). 2024. С. 187–193. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/81.2409

Казарян 2024b — Казарян А.Ю. Анийские порталы XI века. Интерпретации идей // Проект Байкал. № 4 (82). 2024. С. 87–95. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/82.2436

Казарян, Кондратьева 2024 — Казарян А.Ю., Кондратьева А.А. Вереница ниш в апсиде восточно-христианского храма и ее воплощения в соборах Хаха и Ани // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2024. Вып. 22. С. 37–58. DOI: 10.22227/2500-0616.2024.22.37-58

Карапетян 2006 — Карапетян С. Геноцид после геноцида. Т. 1. Ереван: Фонд изучения армянской архитектуры, 2015 (на арм., рус. и англ. языках).

Тораманян 2008 — Тораманян Т. Кафедральный собор в Ани. Ереван:

Служба историко-архитектурных музеев-заповедников и охраны исторической среды, 2008 (на арм., рус. и англ. языках).

Маилов 1986 — Маилов С.А. К вопросу о крестово-купольных храмах Армении IX–XIII веков // Архитектурное наследство. Вып. 34. 1986. С. 176–185.

Халпахчян 1975 — Халпахчян О.Х. Церковь Григория рода Аbugамренц в Ани и ее место в истории завказского зодчества // Архитектурное наследство. Вып. 23. М.: Стройиздат, 1975. С. 100–118.

Kazaryan 2015 — Kazaryan A. The Architecture of Hořomos Monastery // Hořomos Monastery: Art and History / ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 55–205.

Mahé 2015 — Mahé J.-P. Croix et hač'k'ar de Hořomos // Hořomos Monastery: Art and History / ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 300–324.

Sağır 2011 — Sağır G. Kars'ta Bir Ermeni Kilisesi: "Kümbet Kilise" // Anadolu Kültürlerinde Süreklilik ve Değişim. Dr.A. Mine Kadiroğlu'na Armağan / eds. A.C. Erel, B. Isler, N. Peker, G. Sağır. Ankara, 2011. P. 481–504.

REFERENCES

Ghulyan A. Anii Mair tatcari hazaramia khorhurdy (1001–2001) (Thousand-year enigma of the Cathedral of Ani (1001–2001)). *Hushartdzan (Monument)*, vol. 3, 2005, pp. 29–30 (in Armenian).

Zakharova A.V. Architectural Decoration of St George Monastery at Mangana (after the Photographs by Nikolai Brunov). *Vizantiyskiy Vremennik*, vol. 108, 2024, pp. 243–259. DOI: 10.55959/MSU0132-3776-2025-108-243-259 (in Russian).

Kazaryan A.Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii* (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition), in 4 vols., vols. 1–3. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).

Kazaryan A.Yu. Stolicnaia shkola armianskoi arkhitektury epokhi Bagratidov. Novyi obzor razvitiia (Metropolitan school of Armenian architecture of the Bagratid period. A new survey of the development). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* (Questions of the History of World Architecture), vol. 8, 2017, pp. 87–116 (in Russian).

Kazaryan A. Novye dannye o kupolakh khramov Ani. Chast' pervaiia. Kafedral'nyi sobor zodchego Trdata (New data on the cupolas of Ani's churches. Part first. The cathedral by an architect Trdat). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* (Questions of the History of World Architecture), vol. 10, 2018, pp. 145–169 (in Russian).

Kazaryan A.Yu. Novye dannye o kupolakh khramov Ani. Chast' vtoraiia. Tserkov' vo vnutrennei kreposti (New data on the domes of the Ani's churches. Part two. The church of the Inner fortress). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* (Questions of the History of World Architecture), vol. 13, 2019, pp. 127–144 (in Russian).

Kazaryan A.Yu, Loshkareva E.A. Pamiatnik srednevekovogo armianskogo zodchestva. Tserkov' vo Vnutrennei kreposti Ani (A monument of the Medieval Armenian architecture. Church in the Inner Fortress of Ani). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* (Questions of the History of World Architecture), vol. 12, 2019, pp. 100–123 (in Russian).

- Kazaryan A.Yu. Portaly Ani kontsa X — nachala XI veka. Rozhdenie novio tipologii (Portals of Ani churches of the late 10th – early 11th centuries: Springing of a new typology). *Project Baikal*, no. 3 (81), 2024, pp. 187–193. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/81.2409 (in Russian).
- Kazaryan A.Yu. Aniiskie portaly XI veka. Interpretatsiia idei (Ani's portals of the second quarter of the 11th century: Interpretations of ideas). *Project Baikal*, no. 4 (82), 2024, pp. 87–95. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/82.2436 (in Russian).
- Kazaryan A.Yu., Kondrateva A.A. Verennitsa nish v apside vostochnokhristsianskogo khrama i ee voploshcheniia v soborakh Khaha i Ani (A string of niches in the apse of an eastern christian church and its embodiments in the cathedrals of Hah and Ani). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 22, 2024, pp. 37–58. DOI: 10.22227/2500-0616.2024.22.37-58 (in Russian).
- Karapetyan S. *Another Genocide after the Genocide*, vol. 1. Yerevan: Research on Armenian Architecture Foundation Publ., 2015 (in Armenian, English and Russian).
- Toramanian T. *The Cathedral Church of Ani*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment Publ., 2008 (in Armenian, English and Russian).
- Mailov S.A. K voprosu o krestovo-kupolnykh khramakh Armenii IX–XIII vekov (On the problem of the cross-domed churches of Armenia of the 9th–13th centuries). *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 34, 1986, pp. 176–185 (in Russian).
- Khalpakhchian O.Kh. Tserkov Grigoriya roda Abugamrents v Ani i ee mesto v istorii zakavkazskogo zodchestva. *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 23, 1975, pp. 100–118 (in Russian).
- Kazaryan A. The Architecture of Horomos Monastery. *Horomos Monastery: Art and History*. Ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz Publ., 2015, pp. 55–205.
- Mahé J.-P. Croix et xač'k'ar de Hořomos. *Hořomos Monastery: Art and History*. Ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz Publ., 2015, pp. 300–324.
- Sağır G. Kars'ta Bir Ermeni Kilisesi: "Kümbet Kilise". *Anadolu Kültürlerinde Süreklilik ve Değişim. Dr.A. Mine Kadiroğlu'na Armeğan*. Eds. A.C. Erel, B. Isler, N. Peker, G. Sağır. Ankara, 2011, pp. 481–504 (in Turkish).

Н.А. Коновалова

ПАГОДЫ ЯПОНИИ: ФУНКЦИЯ И СИМВОЛ

В статье исследуется феномен японских пагод как ключевого архитектурного, религиозного и культурного символа Японии с VI в. до современности. Пагоды, заимствованные из Китая и Кореи, эволюционировали в уникальные деревянные сооружения, сочетающие в себе эстетическую гармонию и сейсмоустойчивость. Выделяется роль пагод в формировании силуэта городов Японии, где они служили пространственными доминантами и символом буддийской космологии. Особое внимание уделено конструктивным решениям, обеспечившим пагодам многовековую устойчивость, прежде всего, это система шарнирных соединений, центральный столб (симбасира), гасящий колебания, прогрессивное сужение ярусов и технологии цунаги хидзики. На примере древнейших пагод буддийских монастырей Асука-дэра, Хорюдзи, Якусидзи раскрыты их символические функции, историческое значение, а также роль в политических ритуалах. В статье подчеркивается влияние традиционных принципов строительства пагод на современную японскую архитектуру, например, гибкие каркасы небоскребов и разделение частот колебаний в башне Tokyo Sky Tree демонстрируют преемственность инженерных решений.

Ключевые слова: японские пагоды, историческая эволюция архитектуры пагод, символика, конструктивные особенности, сейсмоустойчивость

N.A. Konovalova

PAGODAS OF JAPAN: FUNCTION AND SYMBOL

The article examines the phenomenon of Japanese pagodas as a key architectural, religious, and cultural symbol of Japan from the 6th century to the present day. Pagodas, originally borrowed from China and Korea, evolved into unique wooden structures combining aesthetic harmony with seismic resilience. The role of pagodas in shaping the silhouette of Japanese cities is highlighted, where they served as spatial landmarks and symbols of Buddhist cosmology. Particular attention is paid to the structural solutions that ensured the pagodas' centuries-long stability, primarily the system of interlocking joints, the central pillar (shinbashira) which dampens vibrations, the progressive narrowing of tiers, and the tsunagi hijiki (connecting beam) techniques. Using the example of the ancient pagodas of the Asukadera, Hōryūji, and Yakushiji Buddhist monasteries, their symbolic functions, historical significance, and role in political rituals are explored. The article emphasizes the influence of traditional pagoda construction principles on contemporary Japanese architecture; for instance, the flexible frameworks of skyscrapers and the frequency separation design in the Tokyo Sky Tree tower demonstrate the continuity of engineering solutions.

Keywords: Japanese pagodas, historical development of pagoda architecture, symbolism, structural features, seismic resistance

ВВЕДЕНИЕ

Неотъемлемой частью облика страны Восходящего Солнца были и остаются пагоды. С момента постройки первой пагоды (конец VI в.) и до появления замков в конце XVI в. пагоды были главными высотными сооружениями страны и формировали лицо японских городов. В течение 1400 лет в Японии было построено бесчисленное количество деревянных

пагод, и в настоящее время их насчитывается в стране более 500 (*Такэси Умэхара* 1982). Многие из японских пагод признаны национальными сокровищами или важными культурными ценностями. Своими конструктивными характеристиками, гармонией художественного образа и многогранностью символического значения они, безусловно, выделяются из общего ряда традиционных симво-

лов японской культуры. Несмотря на то, что любая полная монография по истории японской архитектуры содержит в качестве обязательного раздела главу о пагодах (*Hashizume* 2012), они до сих пор остаются предметом пристального исследования специалистов как по теории и истории архитектуры, так и инженеров-строителей. Цель настоящей статьи — всесторонне рассмотреть феномен такого уникального сооружения, как японская пагода, выявив ее роль и значение в истории и культуре страны с момента заимствования этого архитектурного типа и до настоящего времени.

Буддизм, как и новый тип высотных сооружений — пагоды, пришел в Японию из Китая и Кореи. В Китае к тому времени архитектура пагоды развивалась уже в течение двух столетий, появившись в период от эпохи Хань (II в. н.э.) до династии Тан (618–907), который исследователи называют начальным периодом формирования архитектуры пагод Китая. За всю историю строительства пагод в Китае их возникло более двадцати типов с учетом вариантов в рамках одного типа (*Козлова* 2009). Внешний облик и конструктивные характеристики пагод претерпели серьезные изменения как во время заимствования одной культуры у другой, так и в рамках развития этого типа сооружения внутри одной культуры (*Ота* 2013). Одной из задач настоящей статьи стало определение конструктивных особенностей японских пагод, которые сделали этот тип высотного сооружения устойчивым к влажному и жаркому японскому климату, сейсмической активности и повлияли на то, что древние конструктивные секреты пагод и в настоящее время используются при возведении современных высотных построек.

На протяжении многих веков главным образом пагоды формировали силуэт Японии, создавая высотные доминанты страны. И до сих пор во многих маленьких городах Японии именно пагоды, возвышаясь над всей рядовой застройкой, являются основными ориентирами в пространстве. Они часто становятся олицетворением монастыря, для которого были построены, а иногда и символом всего города. Можно утверждать, что до середины XX в. именно пагоды создавали скайлайн любого японского города, получающего благодаря им неповторимый и хорошо узнаваемый силуэт.

ЯПОНСКИЕ ПАГОДЫ: МНОГОГРАННОСТЬ СИМВОЛОВ И СМЫСЛОВ

Пагоды в Японии начали сооружать после прихода в страну буддизма (VI в.). Они представляют собой многоярусные башни культового назначения и воплощают в себе образ Священной Горы как центра мира и мировой оси. В Японии возводились трех-, пяти-, семи- и даже более редкие двух- и девятиярусные пагоды. Ярусы пагоды символизируют ступени восхождения на Небеса, а уменьшающиеся размеры каждого верхнего яруса по сравнению с предыдущим — движение вверх, в бесконечное и безграничное пространство. Самым распространенным в Японии типом стали пятиярусные пагоды. Их пять ярусов последовательно, снизу вверх, олицетворяют «землю», «воду», «огонь», «ветер» и «небо», являясь независимыми мирами, и все вместе, воплощенные в едином сооружении, представляют буддийский взгляд на вселенную.

О смыслах, заключенных в художественном образе пагоды, о ее символике пишет известный исследователь-японист Т.П. Григорьева: «В архитектуре пагоды запечатлен принцип цикличности, круговращения по спирали, который является универсальным для японцев, который можно обнаружить и в храмовой архитектуре, и в классических повестях, и в знаменитых поэтических антологиях, и в структуре отдельного стихотворения, потому что таков принцип видения мира» (*Григорьева* 1979: 66).

Пагоды считаются первыми высотными деревянными постройками древности. Принять это утверждение можно лишь с некоторыми оговорками. До прихода в Японию буддизма, когда пагод в стране не было, но высокие сооружения, тем не менее, возводились повсеместно — например, башни для наблюдения за приливами и отливами (*Ота* 2013). Высотные характеристики пагод действительно всегда рассматривались как наиболее значимые, ведь возвышение пагоды над остальной застройкой символизирует величие Будды, а устремленность постройки ввысь олицетворяет собой связь между Небом и Землей. Но все же несмотря на то, что трех- и пятиярусные пагоды Японии достигали иногда значительной высоты, их нельзя считать высотными башнями в полном смысле этого слова, учитывая

Рис. 1. Храмовый комплекс Хоко-дзи (конец VI – начало VII в.). Реконструкция первоначального вида. Модель 1/1000 из библиотеки Fujiwara Кю в Касихара. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E9%A3%9B%E9%B3%A5%E5%AF%BA>

прежде всего их функциональное предназначение. На высокие башни средневековой Европы можно было подняться и обозреть с них окружающие красоты. Японские пагоды никогда не служили для осмотра окрестностей и не были для этого предназначены. Скорее, они сами были объектом поклонения. Другими словами, пагоды строились только для того, чтобы смотреть на них, но никак не с них. Для любования окружающим пейзажем и обозрения окрестностей в Японии создавались специальные высокие сооружения. Например, знаменитые павильоны Кинкакудзи (Золотой павильон) и Гинкакудзи (Серебряный павильон), ворота Санмон храма Тофукудзи, некоторые парковые постройки в два, либо в три яруса служили для любования садом с удачно выбранной высокой точки.

Первая деревянная пагода в Японии была построена для храмового комплекса Асука-дзи (飛鳥寺, первоначально называвшегося Хокодзи, 法興寺) в конце VI – начале VII в. (рис. 1). Этот храм считается древнейшим буддийским храмом в Японии, а его пятиярусная пагода стала прообразом для последующих японских пагод (Edward Kidder 1964). Согласно «Нихонсёки» (日本書紀), одной из старейших сохранившихся книг по истории Японии, законченной в 720 г. (Карэки 2022), храм Хокодзи был построен знаменитым аристократом Сога Мако во второй год прав-

ления императора Ёмэя (587). На момент своего основания комплекс Асука-дзи имел прямоугольную планировку с тремя залами на востоке, западе и севере и пагодой в центре. Территория храма составляла около 200 м с востока на запад и около 300 м с севера на юг.

В 590 г. был заложен фундамент пагоды Асука-дзи, а в 596 г. она уже была завершена. Храмовый комплекс Асука-дзи был первым буддийским храмом в Японии с каменным фундаментом (Suzuki 1956). Фундамент пагоды располагался на глубине 3 м под землей, и помимо праха Будды здесь хранились такие сокровища, как золото, серебро и агат. Его крыша была покрыта черепицей. Лучшие инженеры того времени впервые были приглашены с Корейского полуострова для производства черепицы в Японии, они были задействованы в строительстве буддийских залов и пагод. Крыши храмового комплекса Асука-дзи украшены «гербом лотоса» (素弁蓮華紋), который очень похож на герб корейского государства Пэкче. Примечательно, что в Асука-дзи используются два типа черепицы. Один тип представляет собой звездообразную бусину, размещенную на кончике лепестка, а другой — с надрезом на кончике лепестка. Они указывают на то, что в Асука-дзи черепицу изготавливали две группы ремесленников, носивших название «Хоси-гуми» и «Хана-гуми». Известно, что эти две группы также отвечали

за производство черепицы в храмах, связанных с кланом Сога и принцем Кадо.

Необходимо отметить символическое значение храмового комплекса Асука-дзи как начального звена в цепочке буддийской архитектуры Японии. Также велико значение Асука-дзи для всей культуры Японии. Вокруг этого храмового комплекса располагалась резиденция императора, а международный обмен с Китаем и Кореей привел к процветанию образования и искусств. Монахи храма (например, Эннэй из Пэкче) стали первыми учителями письменности (канбун), астрономии и медицины. Культура Асука процветала около 100 лет в качестве первой столицы Японии. Комплекс Асука-дзи стал своего рода культурным центром своей эпохи. Асука-дзи стал прообразом централизованного храмового управления. Его структура (пагода, кондо, кóдо) копировала корейские (Пэкче) и китайские (Северная Вэй) монастыри, демонстрируя притязания Ямато на статус цивилизованного государства. Храм принимал посольства из корейских государств Пэкче, Силла и Китая. Дарение священных реликвий (как описано в «Гангодзи-энги») укрепляло союзы, по-

зиционируя Японию как часть буддийского мира (Иноуэ 2002).

Таким образом, можно рассматривать роль храмового комплекса Асука-дзи как культурного катализатора, т.е. как механизм трансформации общества. Он стал «культурным геномом» ранней Японии: интегрировал буддизм в систему власти, запустил технологический скачок в ремеслах, сформировал каноны сакрального искусства, утвердил Японию как субъект восточноазиатской буддийской ойкумены (Steinhardt 2014). Его наследие прослеживается в храме Хорю-дзи (построенном как «духовный преемник») и структуре столиц Фудзиваракё – Хэйдзё.

Пагода храмового комплекса Асука-дзи сгорела в XII в. Раскопки, проведенные в 1956–1957 гг. Национальным исследовательским институтом культурных ценностей Нары, позволили обнаружить каменное основание пагоды (*кидо*) — квадрат со стороной около 7,5 м (Asuka 2010). Также сохранились фрагменты черепицы, они выставлены в музее Асука.

Древнейшей сохранившейся пагодой на территории Японии является пятиярусная пагода монастыря Хорюдзи в Нара (法隆寺五重塔) (рис. 2, а, b), его на-

а

б

Рис. 2. а — пагода монастыря Хорюдзи в Нара, фото автора; б — конструктивная схема пагоды монастыря Хорюдзи

звание в переводе означает «Храм Пророчества закона». Строительство было закончено в 607 г., но после пожара 670 г. монастырь был отстроен заново. Общая высота пагоды до вершины шпиля (сорин) составляет около 32,45 м. Отличительной особенностью этой пагоды стала ее стройность и элегантность. Ширина основания (ширина первой крыши) составляет около 10,8 м. Каждый последующий ярус заметно уменьшается в размерах по высоте и ширине, создавая гармоничный силуэт.

Высота первого яруса пагоды Хорюдзи наиболее значительна и составляет почти 1/3 общей высоты сооружения, или примерно 7,3 м (до низа карниза крыши первого яруса). Если же учитывать высоту до конька крыши первого яруса, то она достигает примерно 10,5 м. Второй ярус примерно в 1,5 раза ниже первого, третий — примерно в 1,5 раза ниже второго и т.д. Эта значительная высота первого яруса (вместе с его шириной) создает мощное и устойчивое основание для всей конструкции, что является ключевым фактором ее сейсмоустойчивости. Пагода монастыря Хорюдзи остается ярким примером гениальности древней инженерной мысли, а массивность первого яруса, особенно ярко здесь выраженная, отражает характерную черту ранних японских пагод.

Каждый ярус имеет свою собственную крышу с характерным изгибом, покрытую традиционной японской черепицей (кёрабуки). Крыши четырех средних ярусов односкатные, верхний ярус имеет пирамидальное завершение. Шестая, нижняя крыша покрывает галерею, построенную в XVIII в. Для поддержки тяжелых крыш с серой черепицей строители применили систему кронштейнов на столбах, расположенных на каждой стороне здания и по его углам. В каждом из пяти ярусов пагоды устроен наружный обходной балкон с легкими ажурными перилами. Эти балконы не имеют практического назначения, так как по традиции использовался только нижний ярус — в нем хранится статуя Будды VIII в. (Kazuo 1996).

Пагода стоит на невысоком каменном основании (*исодзуми*), характерном для ранней буддийской архитектуры Японии. Центральный столб пагоды (*симбасира*) является наиболее важной конструктивной особенностью пагоды, обеспечивая

ее сейсмоустойчивость. Как правило, он вырезался из японского кипариса (*хиноки*). Вершина пагоды в виде высокого шпиля «сорин» представляет собой сложную металлическую конструкцию, венчающую центральную колонну. Она выполняет как религиозно-символическую, так и конструктивную функцию противовеса. На шпиле сорин укреплены девять ажурных украшений в виде бронзовых колец (*суйэн*), символизирующих девять небесных сфер, лotosовой чаши (*фукбати*), пламени (*каэн*) и «каплевидного» навершия (*суйхо/хою*).

Декор пагоды монастыря Хорюдзи относительно сдержанный по сравнению с более поздними постройками и включает металлические накладки (*кабутонги*) на углах балок и коньках крыш, а также декоративные оконные решетки.

Монастырь Хорюдзи высоко ценится во всем мире, поэтому в 1993 г. он стал первым сооружением Японии, которое было зарегистрировано как объект Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Пагода и главный зал монастыря Хорюдзи — самые старые сохранившиеся деревянные строения не только в Японии, но во всем мире. По ним можно судить о характерных особенностях японской храмовой архитектуры VII в., воспринявшей основные черты китайского зодчества предшествующей эпохи. Конструкция пятиярусной пагоды монастыря Хорюдзи стала образцом для множества подобных сооружений последующих столетий.

Самой высокой пятиярусной пагодой Японии считается пагода монастыря Тодзи (東寺五重塔) в Киото (рис. 3). Ее высота составляет 54,8 м, что делает ее самой высокой деревянной пагодой в стране. На выступающих балках в углу каждого яруса высечено маленькое демоноподобное существо «яки», помогающее поддерживать крышу. Пагода построена в 796 г. как часть храма Тодзи (официальное название — Кё-о-гококу-дзи), одного из старейших буддийских храмов Киото. Деревянное сооружение оказалось устойчивым к землетрясениям, но не к ударам молнии. Пагода Тодзи горела четыре раза и последний раз была восстановлена в 1644 г. при поддержке Токугава Измицу, третьего сёгуна династии Токугава.

Возможно, именно опасностью пожаров, прежде всего, объясняются частые

изображения драконов в интерьере пагод. Драконы — это водные существа из китайской и японской мифологии, их образ призван защитить деревянное сооружение от пожара (De Visser 1913). В пагоде монастыря Тодзи в центре зала также можно увидеть потолочную роспись (нэбэрю-рю), на ней изображен огромный дракон с горящими глазами, известный как «Дракон, открывающий глаза». Особенность росписи заключается в том, что как бы человек не перемещался по залу, всегда будет казаться, что дракон следит за ним взглядом, что символизирует всевидящую мудрость Будды (Tanaka 1987). Однако дракон выполнен в традиционном японском стиле, с извивающимся телом, чешуей, когтистыми лапами и пламенем вокруг пасти. Поэтому оправданно выдвинуть предположение, что изображение дракона в Тодзи отражает синтез буддизма с японской мифологией и демонстрирует, как архитектура пагод служила «молитвой в дереве», где каждая деталь имела сакральный смысл.

Сакральная функция пагод была настолько сильна, что вера в их волшебную силу была почти безгранична. В качестве исторического примера достаточно вспомнить их, в полном смысле, магическую роль в ритуальном мероприятии, осуществленном в 760-е гг. под руководством бывшей императрицы Японии Кокэн (к тому времени принявшей монашество). Она, продолжая пользоваться властью, вновь заявила свои претензии на престол и была вынуждена противостоять пребывающему у власти императору Дзюннину, в пользу которого она совершила отречение от престола в 758 г. Для поддержки бывшей императрицы был вырезан один миллион деревянных моделей трехъярусных пагод, в каждую из которых вложили текст с оберегающими заклинаниями. Масштабный план увенчался успехом, и по своему второму правлению (765–770) Кокэн стала известна как императрица Сётоку. Ритуальное мероприятие по возвращению престола заняло 5 лет, после чего фигуры (каждая пагода была воспроизведена в масштабе и имела высоту 21–22 см) были распределены по десяти крупнейшим храмам Нара. До сих пор в монастыре Хорюдзи хранится 45 000 таких пагод, напоминая о том огромном значении, которое они имели не только в духовной жизни японцев, но и в бытовом сознании с его верой

Рис. 3. Пагода монастыря Тодзи. URL: <https://www.kyoto-np.co.jp/articles/-/124587>

в магию и сверхъестественную силу культовых объектов (Мещеряков 2010: 227).

Особняком среди японских пагод стоят Драгоценные пагоды Японии (多宝塔 или «Тахото») — это особый и редкий тип буддийской пагод, отличающийся уникальной архитектурой и глубокой символикой. «Тахото» в буквальном переводе означает «башня многочисленных сокровищ». Этот тип пагод был распространен в Китае, Корее и Японии (Шевченко 2023). Пагоды этого типа двухъярусные, что является их главной архитектурной особенностью. Нижний ярус имеет квадратную (или почти квадратную) форму с крышей в стиле иримоя-дзукури (入母屋造り), с шатровыми скатами и фронтонами. Верхний ярус имеет круглую форму с куполообразной или конической крышей. Между ярусами обычно располагается круговой балкон с перилами, *коран* (高欄). В отличие от других пагод, тахото обычно строятся без центрального столба (симбасира) или с менее массивной центральной опорой. Этот довольно редкий тип пагоды появился в Японии в период Камакура (1185–1333). Самая древняя сохранившаяся в Японии пагода тахото — пагода монастыря Исияма-дэра (石山寺) в г. Оцу (1194) (рис. 4, а–с). Высота пагоды — 17,2 м. Внутри нижнего яруса этой

а

б

с

Рис. 4. а — тахото монастыря Исияма-дэра; б — тахото монастыря Исияма-дэра, фрагмент нижнего яруса, квадратного в плане; с — тахото монастыря Исияма-дэра, фрагмент верхнего яруса, круглого в плане. URL: <https://kawai25.sakura.ne.jp/siga-isiyamadera.htm>

пагоды находится священное пространство, где на алтаре установлена статуя Будды Тахо, в честь которого тип пагоды и получил свое название. Это главное божество, обитающее в Драгоценной пагоде согласно Лотосовой Сутре (Hirabayashi 2013).

Монастырь Исияма-дэра называют «храмом литературы». Его посещали многие литераторы, ведь в монастыре были собраны тысячи книг. В эпоху Хэйан (794–1185) он играл роль культурного центра, его посещали многие аристократы, в том числе поэтесса и писательница Мурасаки Сикибу, автор знаменитого романа «Повесть о Гэндзи» (конец X – начало

XI в.). Считается, что во время, проведенное в монастыре Исияма-дэра, у нее и родилась идея романа.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ПАГОД

Япония — одна из самых сейсмоопасных и вулканически активных областей нашей планеты, так что частые извержения вулкана, как правило, сопровождаемые сильными землетрясениями, опустошающие пожары и другие стихийные бедствия повреждали и совершенно разрушали десятки, а иногда и сотни тысяч сооружений в этой стране. Поэтому одной из важнейших характеристик пагод

справедливо считается их сейсмостойкостью. Японские пагоды — классический пример антисейсмической постройки. За всю историю Японии не зафиксировано ни одного случая разрушения пагоды от землетрясения. Достаточно яркий современный пример: во время землетрясения Авадзи 1995 г. в районе Кобэ было разрушено множество современных высоких зданий, но ни одна из тринадцати находившихся поблизости трехъярусных пагод не была даже повреждена.

Все японские пагоды строились из дерева, а древесина — материал гибкий, и благодаря этому способен гасить напряжение от сейсмического воздействия. Однако деревянными были и первые китайские пагоды, получившие широкое распространение именно в силу своей устойчивости при землетрясениях. Так, например, когда индийские монахи привезли в столицу Китая, город Лоян, буддийские сутры, император Мин-ди из династии Восточная Хань в честь этого события повелел построить монастырь и пагоду — монастырь Белой лошади (Баймасы) с пагодой Заоблачных высот (Циюнь), основанный в 68 г. н.э., стал первым буддийским монастырем в Китае (Бао 2004: 84). Деревянная пагода Заоблачных высот вскоре была разрушена, ее, как и большинство других древних деревянных построек, стер с лица земли пожар. По этой причине китайские зодчие перешли на строительство огнестойких пагод из кирпича и камня. «В эпоху правления династии Тан и после нее искусство возведения каменных пагод достигло высочайшего уровня; были построены пагоды в форме терема и многокарнизные пагоды, имитирующие деревянную конструкцию» (Ван 2021: 9). При этом исходный квадратный план пагоды китайцы заменили шести- или восьмигранным для повышения сейсмостойкости конструкции.

В Японии был воспринят классический вариант квадратной в плане деревянной пагоды. Особенности конструкции японских пагод, способствующие их сейсмоустойчивости, заключаются в том, что практически все элементы пагоды скреплены без гвоздей, за счет установки выступов в пазы, использованы сложные врубки и шиповые соединения из дерева, обладающие определенной гибкостью и способностью «дышать» под нагрузкой. Это приводит к тому, что во время земле-

трясений элементы пагоды получают возможность менять положение в местах соединений, т.е. все опоры постройки подвижны. Этим достигается значительно большая устойчивость сооружения в целом, чем если бы все элементы были прочно зафиксированы. Например, в пятиярусной пагоде насчитывается более тысячи шарнирных соединений, что делает ее чрезвычайно гибкой (Miyamoto 2004).

Самые первые японские пагоды (конец VI – VII в.) строились по китайским образцам (периода танской династии), но быстро адаптировались к местным условиям, особенно сейсмичности Японии. Ключевой особенностью было использование в конструкции опорных балок (*дайто*), укладываемых на стыки стропил каждого яруса. На эти опорные балки устанавливались боковые стойки (*хидзики* — консольные кронштейны) верхнего яруса. Уникальной чертой, отличающей японские пагоды от китайских прототипов, стала система уравнивания нагрузки рычажным способом. Балка и стойки распределяли нагрузку как от самого верхнего яруса, так и от выступающего карниза (*моки*) нижнего яруса, создавая баланс и устойчивость.

Вся конструкция пагод отличалась прогрессивным сужением ярусов. Колонны (*хасира*) каждого последующего яруса устанавливались с большим отступом внутрь, чем колонны яруса под ним. Это создавало характерный сильный наклон стен внутрь по мере подъема. Скорость этого сужения, т.е. коэффициент уменьшения размеров яруса к ярусу, была значительно выше в ранних пагодах по сравнению с более поздними постройками. Это придавало им стройный, стремительный силуэт, но также было связано с конструктивной логикой распределения веса и устойчивостью всей системы. Например, коэффициент сужения у пагоды храмового комплекса Хорюдзи составляет 0,75 против 0,85 у более поздних пагод (Nishi 1983).

Позднее, в VIII–XII вв., в процессе развития исконно японского архитектурного стиля *ва-э* (和様), основанного на переосмыслении танских принципов, конструкция пагод была значительно улучшена. Революционным нововведением стал переход к системе «цунаги хидзики» (繫虹梁). Суть его заключается в том, что горизонтальная связующая балка (*хид-*

зики), проходящая сквозь центральную ось постройки (через сердцевину пагоды), соединяется с аналогичной балкой на противоположной стороне, т.е. она интегрирована в несущий каркас. Эта сквозная балка жестко связывает противоположные стороны каркаса на одном уровне. Так создавалась многослойная связующая система: связки цунаги хидзики укладывались в 3 или 4 слоя по высоте конструкции. Это создавало правильную, упорядоченную и геометрически выверенную решетчатую структуру внутри пагоды. Таким образом, в этот период произошло фундаментальное улучшение прочности, конструкция также стала значительно более устойчивой и цельной, ведь внутренняя «решетка» из цунаги хидзики эффективно противостояла боковым нагрузкам, особенно землетрясениям, и предотвращала расшатывание ярусов относительно друг друга. Это было ключевым японским усовершенствованием китайской первоосновы и позволило строить более высокие и устойчивые пагоды.

В период с XIII по XVI в. в японской архитектуре пагод произошли значительные технологические изменения, направленные на усиление конструкции и оптимизацию строительства. Ключевым нововведением стало внедрение новых конструктивных элементов, таких как ханэги и нуки. Ханэги (桎木), или консольные балки (их иногда называют «рычажными бревнами»), устанавливались внутри конструкции крыши каждого яруса. Их основная функция — воспринимать и распределять значительную нагрузку от вышележащих ярусов и выноса карнизов, действуя как внутренние подпорки. Нуки (貫), или поперечные связи, заимствованные из китайской архитектуры эпохи Сун и адаптированные в пагодах Японии, которые проходят сквозь колонны (столбы), жестко связывая их между собой. Особенно важны были нуки, пронзающие боковые и угловые колонны, а также четыре центральные колонны («столбы четырех небесных царей»), что значительно повышало жесткость каркаса каждого яруса.

Массивное использование ханэги внутри крыши позволило им взять на себя значительную долю нагрузки от выноса карнизов. Это привело к тому, что традиционные стропила и обрешетка под карнизом во многом утратили свою несущую

функцию и стали играть преимущественно декоративную роль. Применение нуки, пронизывающих колонны, кардинально изменило принцип независимости ярусов, характерный для более древних пагод (например, эпохи Хэйан). Раньше верхние колонны опирались непосредственно на концы балок нижней крыши. В более поздний период, XIII–XVI вв., колонны, особенно центральные, жестко связывались в единую систему в пределах своего яруса благодаря применению нуки. Более того, сама конструкция способствовала тому, что колонны верхнего яруса стали восприниматься как продолжение или часть структуры нижнего яруса, делая связь между ярусами значительно более прочной и цельной.

Стремление сократить сроки и затраты привело к разработке инновационного метода сборки. Традиционно сложнейший процесс возведения крыш требовал последовательной сборки снизу вверх: сначала полностью возводился нижний ярус с крышей, и только затем на него ставились колонны следующего яруса. Новый метод, ставший возможным благодаря прочному каркасу, усиленному нуки и внутренним опорам ханэги, заключался в следующем: на собранный каркас яруса (колонны, связанные с помощью нуки) укладывались мощные балки, которые выпускались наружу за периметр колонн. Эти выпущенные концы балок и служили основной опорой для конструкции крыши этого же яруса. Поскольку нагрузка от крыши теперь эффективно передавалась на каркас яруса через эти балки и внутренние ханэги, а не зависела от опоры на нижележащую крышу, отпала необходимость строить ярусы строго последовательно снизу вверх. Отныне можно было предварительно собирать каркасы ярусов на земле или поэтапно, а затем устанавливать их друг на друга. Только после этого монтировались балки, выпущенные для крыш, и сами крыши. Это привело к значительному сокращению сроков строительства.

Сооружение пагод в Японии, вне зависимости от их высоты и количества ярусов, подчинялось ряду основных принципов. Пагода представляет собой коробчатую конструкцию, в которой каждый последующий ярус меньше предыдущего и поэтому как бы «вложен» в него и скреплен с помощью гнездовых шарниров. Эта конструктивная особенность

Рис. 5. Восточная пагода храмового комплекса Якусидзи. URL: https://yakushiji.or.jp/guide/garan_toto.html

приводит к тому, что в случае раскачивания пагоды каждый ярус сооружения начинает двигаться с поперечным смещением. То есть, если нижний ярус отклоняется влево, 2-й ярус начинает смещаться вправо, 3-й, соответственно, снова влево и так далее. Главная опасность такой конструкции с раскачивающимися ярусами в противоположных направлениях относительно друг друга заключается в слишком сильном отклонении одного из ярусов. Если ярус будет сдвинут со своего основания, вся конструкция рухнет. Поэтому японские пагоды имеют центральную вертикально стоящую колонну, на которую «нанизаны» ярусы. Эта прочная колонна, *симбасира*, будет позволять частям постройки при необходимости двигаться, но не даст им распасться, сохраняя единство конструкции (Saito 2002). Стабилизирующие приемы, используемые при постройке пагоды, а именно: ее гибкость, шарнирные соединения, многоярусная коробчатая конструкция, скрепление вертикальной колонной и возможность раскачиваться, но не распадаться на элементы, создают конструкцию, подобную иве или иному

дереву, склоняющемуся от непогоды, но не уничтожаемому ею.

Уменьшающиеся последовательно по высоте ярусы образуют уступы, которые со всех четырех сторон закрываются односкатной крышей, и поэтому пагоды зрительно воспринимаются многоярусными. Как правило, деревянное здание пагоды сооружалось на каменном основании и укреплялось одним или несколькими шипами. Только первый ярус пагоды имеет перекрытие и используется для хранения священных изображений, свитков и других культовых предметов. Внутреннее пространство выше первого яруса, как правило, никогда не используется.

Своеобразна в архитектурном отношении Восточная пагода храмового ансамбля Якусидзи (薬師寺東塔), построенная около древней Нары в 680 г. (рис. 5). Она сохранилась практически в первозданном виде с момента постройки в 730 г., хотя сам храмовый комплекс неоднократно горел и перестраивался. Это делает ее единственной в мире подлинной пагодой эпохи Асука в своем первоначальном архитектурном решении.

Эта пагода — настоящий шедевр японской архитектуры. Она отличается

грациозностью форм, изяществом кон- тура и изысканным лаконизмом декора. Высота постройки до шпиля 35 м. Она имеет как традиционные для пагоды архитектурные особенности, так и зна- чительные отличия. Ее своеобразие за- ключается прежде всего в том, что паго- да кажется шестиярусной, хотя ярусов в ней всего три. Между тремя основными полноценными ярусами (каждый с кар- низом, перилами и т.д.) расположены три дополнительных, значительно мень- ших по высоте, яруса, называемых мо- коси (裳階 — буквально «юбка – этаж»). Эти мокоси представляют собой декоративно-конструктивные вставки с собственными крышами, но без вну- треннего пространства или перил. Они вписаны в основной объем здания. Три крыши меньшего размера покрывают галереи с обходными балконами, скры- вающие сложные деревянные конструк- ции, на которые опираются большие и тя- желые крыши основных ярусов. Ни одна другая сохранившаяся пагода в Японии не имеет такого конструктивного реше- ния. Чередование больших конструктив- ных крыш с меньшими, покрывающими галереи, сообщает башне своеобразный, только ей свойственный зубчатый силуэт. Конструкция создает удивительную игру пропорций, иллюзию большей высоты и необычайную грациозность. Пагода ка- жется одновременно массивной у осно- вания и невесомой у вершины.

Уникальная для столь древней пагоды особенность заключается в том, что Вос- точная пагода Якусидзи не имеет массив- ного центрального столба (симбасира), проходящего через все ярусы. Каждый ярус опирается на свою собственную си- стему мощных опор и балок, которые пе- редают нагрузку вниз. Эта система оказа- лась чрезвычайно сейсмостойчивой, что объясняет сохранность пагоды на протя- жении более 1300 лет.

Венчает пагоду длинный шпиль с де- вятью кольцами, символизирующими девять небесных сфер, высотой 10 м. Над ним — вырезанный из меди орна- мент в виде языков пламени, в который вписаны фигурки танцующих и игра- ющих на музыкальных инструментах *хитэн* — небесных существ буддийской мифологии. Они как бы парят в воздухе, поддерживая руками священную чашу Логоса. Их одеяния и развевающиеся шарфы сплетаются с языками пламе-

ни, образуя символический пылающий овал, аналогичный буддийской эмблеме Хосю-по тама (откуда и другое название этой части шпиля — *хосю*). Комплекс Яку- сидзи, под влиянием китайских принци- пов планировки, первоначально включал две аналогичные по форме пагоды, рас- положенные западнее и восточнее цен- тральной оси юг-север. Западная пагода была уничтожена пожарами, а Восточная считается одной из древнейших сохра- нившихся деревянных построек на Зем- ле. И что еще более важно, Восточная пагода Якусидзи — это один из немногих подлинников, позволяющих увидеть ар- хитектуру VII–VIII вв.

ПАГОДА КАК ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ЯПОНИИ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Япония неоднократно использовала архитектурный образ пагоды для своих павильонов на Всемирных выставках, когда она стремилась представить миру свою уникальную культуру.

На Всемирной выставке в Париже 1867 г. японский павильон точно пере- давал образ храма Хорюдзи в Наре. Он был построен плотниками, специально привезенными из Японии. Пятиэтажная пагода произвела огромное впечатление на европейскую публику, для которой Япония в то время была экзотической и малоизвестной страной. Этот павильон стал сенсацией выставки и задал тон вос- приятию Японии на Западе.

Стремясь укрепить свой имидж и тор- говые связи, Япония снова использовала узнаваемый архитектурный образ паго- ды для своего павильона на Всемирной выставке в Филадельфии 1876 г. Пави- льоны Японии Всемирных выставок 1867 и 1876 гг. были очень похожи друг на дру- га. Пятиэтажная пагода снова стала глав- ной достопримечательностью японской экспозиции. Она символизировала тра- диционную Японию и привлекала огром- ное количество посетителей.

На рубеже XIX–XX вв. на Всемирных выставках сложилась уникальная ситу- ация — каждая страна стремилась пре- поднести свои национальные традиции в архитектуре выставочного павильона, который она возводила. Именно архитек- тура временных национальных павильо- нов стран-участниц с этого времени ста- новится главным экспонатом Всемирных выставок — это условие для Экспо явля- ется незыблемым и по сей день.

Японско-британская выставка 1910 г. стала ключевым моментом в выстраивании Японией диалога с окружающим миром. Изначально она планировалась как двустороннее мероприятие, которое должно способствовать укреплению сотрудничества между Великобританией и Японией. Однако по серьезности подготовки, своему значению и произведенному резонансу она вполне могла сравниться с уже получившими признание Всемирными выставками. А для Японии выставка 1910 г. стала возможностью представить себя Европе в новом свете (Коновалова 2017). Интерес к Японии на Западе в это время вспыхнул с новой силой — появилась мода на японское искусство, начали формироваться европейские коллекции из японских произведений, большим вниманием пользовались боевые искусства Японии и т.д.

На выставке 1910 г. Япония представила традиционные сады, пруд, а среди архитектурных сооружений, возведенных на выставочной территории, центральное место заняла трехъярусная пагода, точно воспроизводящая Храм Чистой воды в Киото. Храм Чистой воды (Киёмидзу-дэра) — это одна из главных святынь Японии, получившая свое название по находящемуся внутри комплекса ритуальному водопаду с прозрачной водой, обладающей, как считается, целебной силой. Пагода именно этого одного из древнейших буддийских храмов Японии стала олицетворять собой традиции культуры Японии, наглядно преподнесенные мировому сообществу, а также основные архитектурные и строительные приемы, не утратившие своей актуальности и до настоящего времени.

Использование пагоды на Всемирных выставках было осознанной стратегией Японии. Для западной аудитории пагода была самым узнаваемым символом «восточной экзотики», и, хотя пагоды были распространены в разных азиатских странах, представленные на Экспо деревянные пагоды ассоциировались именно с Японией.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ СЕКРЕТОВ ЯПОНСКИХ ПАГОД ПРИ СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ВЫСОТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Конструктивные особенности, обеспечивающие сейсмостойкость пагод, при-

меняются также и при проектировании современных высотных зданий Японии, конструкция которых должна отличаться гибкостью и способностью раскачиваться, что необходимо для нейтрализации сейсмических воздействий.

Принцип «центрального столба» японской пагоды широко используется современными японскими архитекторами при строительстве небоскребов. По существу, этот принцип заключается в том, что располагающийся в центре здания столб жестко укрепляется в земле, ведь именно он принимает и «гасит» подземные толчки, не позволяя разрушаться стенам и перекрытиям. В современных небоскребах вместо одного столба используются сложные системы демпферов (вязкостных, фрикционных) и настроенных массовых гасителей колебаний (TMD — Tuned Mass Dampers), которые поглощают энергию толчков, подобно тому, как центральный столб пагоды гасил колебания за счет инерции и трения. Например, небоскреб Yokohama Landmark Tower использует гигантский TMD.

В конструкции современных высотных зданий Японии часто используются металлические гибкие пластины или шарниры между жесткими опорными балками, что можно считать прямым аналогом отсутствия жесткой связи между ярусами пагоды и центральным столбом, позволяющим конструкции «дышать» и колебаться без разрушения (Коновалова 2015). Стальные каркасы современных зданий проектируются с учетом пластичности — способности деформироваться без хрупкого разрушения. Используются специальные сейсмоизолирующие фундаменты и опоры, которые «отсоединяют» здание от прямого воздействия толчков грунта. Энергия землетрясения, таким образом, тратится на движение этих изоляторов или деформацию специально спроектированных пластичных элементов конструкции, а не на разрушение несущих элементов.

Возведенная в 2012 г. башня Sky Tree в Токио стала абсолютной вертикальной доминантой Японии и самой высокой телевизионной башней в мире. Башня «Небесное дерево Токио» — зримое доказательство тому, что Япония, страна землетрясений, не желает уступать мировое лидерство в создании самых высоких конструкций. Для защиты высотной архитектуры от стихийных бед-

ствий в стране используются различные технические приспособления, но даже в новейших строениях и конструкциях японцы во многом опираются на приемы создания сейсмоустойчивой архитектуры, найденные еще много веков назад.

Башня Sky Tree предъявляет своей конструкцией полное соответствие традиционным приемам и секретам строительства пагод. Башня, на проектирование которой ушло 2,5 года, состоит из центрального бетонного ядра-колонны и внешней стальной конструкции. Бетонная колонна и стальная конструкция, имеющие разную частоту колебаний, в центральной части башни обособлены друг от друга, что способствует большей устойчивости конструкции в целом (Кониши 2011). У подножия башни обе ее составные части зафиксированы друг с другом. Начиная с высоты 125 м и до отметки 375 м бетонная сердцевина обособлена от окружающей ее металлической конструкции.

Почти перед самым завершением строительства «Небесное дерево Токио» вынуждено было пройти испытание на прочность. 11 марта 2011 г. на Японию обрушилось землетрясение Тохоку магнитудой 9,0, за которым последовала сильнейшая волна цунами высотой 13 м. Цунами и стало главной причиной подавляющего большинства разрушений, так как подземные толчки выдержали все основные постройки, возведенные по передовым сейсмоустойчивым технологиям. Известно, что во время землетрясения погнулся шпиль Токийской телебашни, высота которой 333 м. Строящаяся на тот момент новая телебашня Токио не пострадала, хотя на момент трагедии не хватало 5 м бетонной сердцевины до соединения внутренней и внешней частей. Факт того, что недостроенная башня успешно выдержала землетрясение, находясь всего в 200 км от эпицентра, является прямым доказательством эффективности заложенных в нее принципов, уходящих корнями в конструктивные секреты пагод. Это было задокументировано в отчетах строительной компании Obayashi Corp. и сейсмологических мониторинговых служб.

Облик башни характеризуется переходом от треугольного плана к круглому. Треугольное основание обусловлено в первую очередь топографией местности и требованиями устойчивости. Кро-

ме того, три стороны башни служат своеобразными воротами, направленными на крупнейшие районы города. Ведь именно с этих позиций и происходил выбор местоположения башни — на пересечении трех важнейших направлений Токио. Круг в плане башни, уже на достаточной высоте, необходим для размещения обсерваторий.

Благодаря трансформации треугольного плана башни в круглый ее внешний облик полностью соответствует японским художественным традициям. Простые очертания башни содержат в себе традиционные элементы едва различимых линий художественных изгибов — вогнутых «сори» и выпуклых «мукури». Эти линии являются современной абстракцией традиционных японских изгибов, встречающихся в архитектуре храмов и керамике. Эти линии создают ощущение легкости, устремленности вверх и гармонии с природой.

Использование конструктивных секретов японских пагод при создании современных высотных конструкций — это не просто заимствование древних форм, а глубокое переосмысление и высокотехнологичное развитие проверенных временем принципов сейсмостойкости. Башня Tokyo Sky Tree стала не только инженерным триумфом, выдержавшим испытание одним из сильнейших землетрясений в истории еще на этапе строительства, но и воплотила эстетическую преемственность, плавно переводя традиционные линии и формы на язык современной архитектуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование феномена японских пагод, предпринятое в данной статье, убедительно демонстрирует их уникальное место в качестве ключевого архитектурного, религиозного и культурного символа Японии, сохраняющего свою актуальность с момента появления в VI в. до наших дней. Пагоды, первоначально заимствованные из континентальной Азии, прошли путь глубокой трансформации к географическим и климатическим особенностям Японии, став не просто культовыми сооружениями, а воплощением национального духа, гения инженерной мысли и эстетического идеала.

Пагоды стали одним из первых и наиболее значимых материальных воплощений буддизма в Японии. Однако, адапти-

руясь к местным условиям, прежде всего, высокой сейсмичности и влажному климату, а также эстетическим предпочтениям, они эволюционировали из китайских и корейских прототипов в абсолютно уникальные деревянные конструкции. Эта эволюция ярко прослеживается в развитии конструктивных решений: от ранних форм (Асука-дэра, Хорюдзи) через стиль ва-ё с его системой цунаги хидзики до дальнейшего усиления каркаса элементами ханэги и нуки в XIII–XVI вв. Японская пагода перестала быть простой копией заимствованных образцов, став самостоятельным архитектурным типом.

Изначально пагоды несли глубокую религиозно-философскую нагрузку. Однако их значение сразу же вышло далеко за рамки исключительно религиозного. На протяжении нескольких столетий пагоды формировали силуэт японских городов, являясь их высотными и пространственными доминантами, символа-

ми власти и даже объектами магической веры. Таким образом, они стали неотъемлемой частью культурного ландшафта и национальной идентичности Японии.

Наиболее выдающимся конструктивным достижением японских пагод является их долговечность и устойчивость к землетрясениям. Отсутствие задокументированных случаев разрушения пагод от подземных толчков можно справедливо считать инженерным успехом древних мастеров. Конструктивные принципы, отточенные веками при строительстве пагод, не утратили актуальности и по сей день. Они оказывают непосредственное влияние на развитие современной японской высотной архитектуры, вынужденной решать те же задачи сейсмостойкости. Таким образом, пагода не может считаться только памятником прошлого, до сих пор она является источником вдохновения для современных технологических решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ван 2021 — Ван К. История древних китайских башен и пагод / пер. с кит. Н.Н. Рыбалко. М.: «Шанс», 2021.
- Григорьева 1979 — Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.
- Иноуэ 2002 — 井上満郎. 『飛鳥寺と古代仏教』. 吉川弘文館 (Inoue M. Асука-дэра и древний буддизм. Yoshikawa Kōbunkan), 2002.
- Кагэки 2022 — 荊木美行 『日本書紀の成立と史料性』 燃焼社、(Кагэки М. Становление и историография Нихонсёки. Tokyo), 2022.
- Козлова 2009 — Козлова М.А. Типология буддийских пагод Китая конца IV – начала X в. (провинции Ганьсу, Шэньси, Хэнань, Шаньдун, Шаньси): дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009.
- Кониси 2011 — 小西厚夫・渡辺一成・中西規夫・江坂佳賢: 『東京スカイツリーの耐震・耐風設計』 日建設計 (Кониси А., Кадзунари В., Норио Н., Ёсикен Э. Сейсмостойкость и устойчивость к ветру Tokyo Sky Tree. Никкэн Сэккэй), 2011.
- Коновалова 2015 — Коновалова Н.А. Скайлайн Японии: прошлое, настоящее и будущее // Современная архитектура мира. № 5. 2015. С. 141–162.
- Коновалова 2017 — Коновалова Н.А. Международная выставка 1910 г.: диалог Японии с миром // Вопро-
- сы всеобщей истории архитектуры. № 2 (9). 2017. С. 148–158.
- Мещеряков 2010 — Мещеряков А., Грачев М. История древней Японии. М.: Наталис, 2010.
- Ота 2013 — 太田博太郎 「日本の建築 歴史と伝統」. ちくま学芸文庫 (Ота Х. История и традиции японской архитектуры. Tokyo: Chikuma Shobō), 2013.
- Такэси Умэхара 1982 — 梅原猛 「塔」「塔と日本文化」 梅原猛著作集第九巻 (Такэси Умэхара. Башня в культуре Японии. Т. 9. Tokyo), 1982.
- Tanaka 1987 — 田中潔 「東寺五重塔の壁画について」 美術研究 (Tanaka K. О настенной живописи пятиярусной пагоды Тодзи // Искусствоведение), 1987.
- Хасидзумэ 2012 — 橋爪紳也 「ニッポンの塔 タワーの都市建築史」 (Хасидзумэ С. Японская башня: история городской архитектуры башни. Tokyo), 2012.
- Шевченко 2023 — Шевченко М.Ю. Буддийские драгоценные ступы в изобразительном искусстве Китая VI–IX веков // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. № 4–1. 2023. С. 14–25.
- Asuka 2010 — Asuka: The Cradle of Japanese Buddhist Art. Nara National Museum, 2010.
- Bao 2004 — Bao Y., Qing T., Letitia L. Buddhist Art and Architecture of China. Edwin Mellen Press, 2004.

- De Visser 1913 — *De Visser M.W.* The Dragon in China and Japan. Amsterdam: J. Müller, 1913.
- Edward Kidder 1964 — *Kidder J.E.* The Birth of Japanese Art. London: George Allen & Unwin, 1964.
- Hirabayashi 2013 — *Hirabayashi M.* Kamakura Period Buddhist Temples: Architecture and Iconography. Kyoto University Press, 2013.
- Miyamoto 2004 — *Miyamoto C., Saito H.* Shaking Table Tests and Numerical Analysis of the Seismic Response of Japanese Pagodas // *Journal of Structural Engineering*. No. 130 (2). 2004. P. 271–279.
- Kazuo 1996 — *Kazuo N., Kazuo H.* What is Japanese architecture? A Survey of Traditional Japanese Architecture. Kodansha USA, 1996.
- Steinhardt 2014 — *Steinhardt N.S.* Buddhist Architecture in Japan // *Buddhist Architecture of East Asia*. Brill, 2014. P. 109–145.
- Suzuki 1956 — *Suzuki D.T.* Zen Buddhism, Selected Writings. Ed. W. Barret. N.Y., 1956.

REFERENCES

- Van K. *Istoriia drevnikh kitaiskikh bashen i pagod (The history of ancient Chinese towers and pagodas)*. Transl. from Chinese N.N. Rybalko. Moscow: «Shans» Publ., 2021 (in Russian).
- Inoue M. *Hōkōji to kodai bukkyō. Yoshikawa Kōbunkan (Asuka Temple and Ancient Buddhism)*. Yoshikawa Kōbunkan Publ., 2002 (in Japanese).
- Konishi A., Watanabe K., Nishi N., Esaka Y. *Tōkyō Sukai Tsurī no taishin-taifū sekkei. Nikken Sekkei (Seismic and Wind-resistant Design of Tokyo Skytree)*. Nikken Sekkei Publ., 2011 (in Japanese).
- Konovalova N.A. Skailain Iaponii: proshloe, nastoiashchee i budushchee (Japan's Skyline: past, present and future). *Sovremennaiia arkhitektura mira (Contemporary world's architecture)*, no. 5, 2015, pp. 141–162 (in Russian).
- Konovalova N.A. Mezhdunarodnaia vystavka 1910 g.: dialog Iaponii s mirom (The International Exhibition of 1910: Japan's Dialogue with the World). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 2 (9), 2017, pp. 148–158 (in Russian).
- Meshcheriakov A., Grachev M. *Istoriia drevnei Iaponii (The History of ancient Japan)*. Moscow: Natalis Publ., 2010 (in Russian).
- Ota H. *Nihon no kenchiku: Rekishi to dentō. Chikuma Gakugei Bunko (Japanese Architecture: History and Tradition)*. Tokyo: Chikuma Shobō Publ., 2013 (in Japanese).
- Hashizume S. *Nippon no tō: Tawā no toshi kenchikushi (Towers of Japan: An Urban Architectural History)*. Tokyo, 2012 (in Japanese).
- Shevchenko M.Yu. Buddiiskie dragotsennye stupy v izobrazitel'nom iskusstve Kitaia VI–IX vekov (Buddhist precious stupas in the fine art of China of the VI–IX centuries). *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik RGKhPU im. S.G. Stroganova (Decorative art and the object-spatial environment. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after S.G. Stroganov)*, no. 4–1, 2023, pp. 14–25 (in Russian).
- Asuka: *The Cradle of Japanese Buddhist Art*. Nara National Museum Publ., 2010.
- Bao Y., Qing T., Letitia L. *Buddhist Art and Architecture of China*. Edwin Mellen Press, 2004.
- Hirabayashi M. *Kamakura Period Buddhist Temples: Architecture and Iconography*. Kyoto University Press, 2013.
- Miyamoto C., Saito H. Shaking Table Tests and Numerical Analysis of the Seismic Response of Japanese Pagodas. *Journal of Structural Engineering*, no. 130 (2), 2004, pp. 271–279.
- Steinhardt N.S. Buddhist Architecture in Japan. *Buddhist Architecture of East Asia*. Brill Publ., 2014, pp. 109–145.

К.С. Носов

ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО МИЛАНСКИХ ГЕРЦОГОВ СФОРЦА И РУССКИЕ КРЕМЛИ В ИТАЛЬЯНСКОМ СТИЛЕ¹

В последней трети XV – первой трети XVI в. в России работало довольно много итальянских мастеров. Среди них было немало зодчих, построивших крепости, соборы и гражданские постройки. Исторически сложилось так, что русские посольства, нанимавшие итальянских мастеров, отправлялись в Северную Италию. Поэтому в Россию прибывали выходцы из Ломбардии и Венеции. В этой связи логично предположить ломбардское или венецианское влияние на русскую военную архитектуру. В данной работе проводится сравнительный архитектурно-планировочный анализ синхронной ломбардской военной архитектуры и шести русских кремлей в итальянском стиле, испытавших наиболее сильное итальянское влияние (Московский, Новгородский, Нижегородский, Тульский, Коломенский и Зарайский кремли). Автор приходит к выводу, что итальянское, и, в частности, ломбардское, влияние, безусловно, имело место, но вместе с тем русские кремли имели множество отличий как от ломбардской военной архитектуры, так и от итальянской Переходного периода (вторая половина XV – начало XVI в.) в целом. Кремли не стали слепой копией каких-то конкретных итальянских памятников или даже военного зодчества целого региона или одной эпохи. Они стали симбиозом итальянской военной архитектуры и русских традиций. Предложения итальянских зодчих, по-видимому, серьезно обдумывались и корректировались, выбирались казавшиеся лучшими варианты. При перестройке Московского Кремля в конце XV в. был заложен тот столичный стиль, которому позднее по аналогии, с разной степенью подражания, следовали в Новгороде Великом, Нижнем Новгороде, Туле, Коломне, Зарайске и других городах России вплоть до XVIII в.

Ключевые слова: кремли, Ломбардия, миланские герцоги Сфорца, итальянские мастера в России, фортификация, военное зодчество

K.S. Nossov

MILITARY ARCHITECTURE OF THE MILANESE SFORZA DUKES AND RUSSIAN ITALIAN-STYLE KREMLINS

In the last third of the 15th – the first third of the 16th centuries, quite a lot of Italian masters worked in Russia. Among them were many architects who built fortresses, cathedrals and civil buildings. Historically, Russian embassies that hired Italian craftsmen went to Northern Italy. Therefore, it was mainly Lombards and Venetians that arrived in Russia. In this regard, it is logical to assume a Lombard or Venetian influence on Russian military architecture. This paper provides a comparative analysis of the synchronous Lombard military architecture and planning with that of Russian fortresses, to begin with six Italian-style kremlins experiencing the strongest Italian influence (the kremlins of Moscow, Novgorod, Nizhny Novgorod, Tula, Kolomna and Zaraysk). The author comes to the conclusion that the Italian, and in particular the Lombard influence certainly took place; at the same time, the architecture of Russian kremlins differs greatly from both the Lombard military architecture and that of the Italian Transition period (the second half of the 15th – the beginning of the 16th centuries) as a whole. Kremlins are not a blind copy of any specific Italian monuments; they even do not imitate the military architecture of an entire region or a certain period. They have become a symbiosis of Italian military architecture and Russian traditions. The ideas of Italian architects were, apparently,

¹ Исследование выполнено в филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2025–2027 гг., тема № 1.1.2.1.

seriously considered and corrected, the options that seemed to be the best were chosen. The metropolitan style was laid down during the reconstruction of the Moscow Kremlin at the end of the 15th century, and later, with varying degrees of imitation, it was followed in Novgorod the Great, Nizhny Novgorod, Tula, Kolomna, Zaraysk and other Russian cities until the 18th century.

Keywords: Kremlins, Lombardy, Milanese Sforza Dukes, Italian masters in Russia, fortification, military architecture

ИТАЛЬЯНСКИЕ МАСТЕРА В РОССИИ

В последней трети XV – первой трети XVI в. в Россию по приглашению великих князей Ивана III и Василия III приехало немало итальянцев, зодчих и ремесленников разных специальностей. Некоторые из них участвовали в возведении гражданских, культовых и военных сооружений. Период активной деятельности итальянских мастеров в России составил около 65 лет (с 1475 по 1538/1543 г.²), однако влияние итальянских традиций оборонительного зодчества оказалось очень затяжным и прослеживается в русском крепостном зодчестве вплоть до начала XVIII в., а в монастырских оградах даже до середины этого столетия.

В источниках зафиксировано участие итальянских мастеров в строительстве следующих памятников военного зодчества: Московский Кремль, Китайгородская стена, Нижегородский кремль, Ивангород (в XVI в.), стены Пскова, древо-земляные крепости в Себеже, Пронске, Дорогобуже. На основании наличия «итальянизмов» исследователями предполагается участие итальянских зодчих в сооружении кремлей в Новгороде Великом, Коломне, Туле, Зарайске и каменных крепостей в Ивангороде (в конце XV в.), Копорье и Яме (Носов 2022: 35–53). Как видим, круг памятников, в которых итальянские зодчие принимали задокументированное участие, очень невелик. Но исследователи значительно расширяют его своими предположениями.

В Московию в основном приезжали мастера из Северной Италии, выходцы из Ломбардии и Венеции (Подъяпольский 1986: 73, 74). Традиционно считается, что в русском военном зодчестве отразились черты именно североитальянских замков, в первую очередь Кастелло Сфорцеско в Милане. Именно этот замок в Милане, как полагают многие, послужил образцом для строительства Московско-

го Кремля. В качестве подтверждения приводят письма Алевиза Фрязина (Алоизио да Карезано). Этот итальянский мастер прибыл в Москву в 1494 г. из Милана, а в 1496 г. написал своим родственникам в Италии два письма. Оригиналы писем до нас не дошли. Их содержание известно только из другого документа — письма секретаря герцогской канцелярии Гуальтеро Сервуло миланскому герцогу Лодовико иль Моро (письмо датируется 19 ноября 1496 г.). В этом последнем письме со ссылкой на Алоизио да Карезано сообщается, что «Государь [Иван III — К. Н.] хочет, чтобы ему сделали замок наподобие этого что в Милане» (перевод С.С. Подъяпольского)³. Настоящее время («хочет») звучит довольно странно, учитывая, что к моменту написания письма (1496 г.) Московский Кремль уже был выстроен или почти закончен (он строился с 1485 по 1495/1499 г.). Это письмо получило широкую известность и, опираясь на него, на подобие Московского Кремля миланскому замку указывали авторы произведений как XVI в. (Пирлинг 1912: 257), так и современные итальянские и русские исследователи (Beltrami 1912: 117–128; Хрептович-Бутенев 1914: 49; Чиняков 1960: 21, 22; Мильчик 1994: 200). Дошедшее до нас через третьи руки сообщение Алевиза воспринималось большинством исследователей как догма. Однако проведенный сравнительный анализ планировки и архитектурных форм Московского Кремля и Кастелло Сфорцеско показывает, что отличий в военной архитектуре конкретно этих двух памятников военного зодчества больше, чем сходства (Носов 2019: 35–51). Поэтому нам представляется, что в этом письме секретарь герцогской канцелярии просто хотел польстить миланскому герцогу, представив желание московского князя выстроить замок наподобие миланского.

Выходцем из Милана был и другой итальянский мастер, строивший Московский

² Здесь и далее спорные датировки отмечены косой чертой.

³ В оригинале: «Sig[nore] uole li faza uno Castello a la similitudine de questo de M[i]ll[an]» (Подъяпольский 1991: 233).

Кремль, чье настоящее имя нам известно — Пьетро Антонио Солари. Поэтому неудивительно, что аналоги крепостных сооружений Московского Кремля и других кремлей в итальянском стиле исследователи чаще всего ищут именно в Ломбардии (Бартенев 2011: 35; Воротникова 2014: 125, 138, 143). В.Н. Лазарев прямо написал: «работавшие в Кремле итальянцы занесли на Русь традиции ломбардского крепостного строительства» (Лазарев 1978: 285). Однако мнения исследователей основывались на умозрительных заключениях, чисто внешнем сходстве отдельных форм. Комплексный сопоставительный анализ до сих пор не проводился. В данной работе мы попытаемся провести сравнительный архитектурно-планировочный анализ крепостных сооружений миланских герцогов Сфорца с русскими кремлями в итальянском стиле. Династия герцогов Сфорца правила в Ломбардии с 1450 до 1535 г., т.е. как раз в то время, когда в Россию приезжали итальянские мастера. Более того, именно при дворе герцогов Сфорца в Милане работали многие известные нам мастера перед отъездом в Россию (Аристотель Фьораванти, Пьетро Антонио Солари) (Подъяпольский 1991: 228, 229). Ко двору Лодовико Сфорца прибывали русские посольства для найма мастеров, и здесь их радушно встречали (Флоря 1980: 14, 16). Поэтому именно архитектура Сфорца могла послужить образцом для создания новых памятников в далекой Москве.

ЛОМБАРДСКОЕ ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО МИЛАНСКИХ ГЕРЦГОВ СФОРЦА

С VI по XIX в. единого государства на территории Апеннинского полуострова не существовало. Различные государственные образования боролись за господство на полуострове. В разных регионах существенно отличались культура, обычаи, язык, система мер и весов и, конечно же, архитектура. Не стала исключением и военная архитектура. В Северной, Центральной и Южной Италии оборонительное зодчество развивалось своими собственными путями, заимствования происходили редко и с большой задержкой, предпочтение отдавали исторически сложившимся в регионе архитектурным формам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что изобретенные в Тоскане новые формы военной архитектуры

(бастион и другие формы с исходящим углом) в Северной Италии получили распространение лишь спустя десятилетия.

До прихода к власти в 1450 г. династии Сфорца Миланом управляла семья Висконти (с 1277 г. как лорды, а с 1395 по 1447 г. как герцоги). Архитектура Сфорца во многом опирается на предшествующую ей архитектуру Висконти, поэтому для лучшего понимания истоков нужно вкратце остановиться и на военном зодчестве Висконти. Последние придавали огромное значение замкам как опорным пунктам для защиты от внешних и внутренних врагов. Самыми известными замками Висконти стали выстроенные заново замки в Милане и Павии. Архитектура этих двух замков объединяла военные соображения с представительной функцией, они были одновременно резиденциями и правительственными зданиями, являясь отражением военной и политической мощи дома Висконти.

Замки Висконти, как правило, имеют квадратный план с высокими квадратными башнями на каждом из четырех углов; в центре замка устроен двор, окруженный по периметру примыкающими к куртинам зданиями различного назначения, часто с портиками. По мнению А. Винченчи, эти замки совмещали испытанные средневековые оборонительные принципы (угловые башни, обеспечивавшие фланговый огонь) с архитектурой гражданских построек Ломбардии XIII в. (ратуша, палаццо комунале) (Vincenti 1981: 28). Именно такой план имеют замки Павии (1360), Милана (1368), Пандино (1379) и др.

Основным материалом для равнинных замков Висконти служил кирпич, в то время как горные замки чаще построены из камня. При отсутствии естественной защиты в виде реки или крутых склонов замок, как правило, получал ров с постоянным заполнением водой или возможностью такого заполнения в случае опасности. Через ров перекидывался подъемный мост, пазы от балок которого до сих пор можно видеть в некоторых замках. Большой мост часто дополнялся небольшим пешеходным подъемным мостиком рядом. Ворота устраивали либо просто в куртине, либо изредка в башнях. Дополнительной защитой служила опускаемая решетка в воротах. Башни эпохи Висконти квадратные, обычно высокие и узкие, что характерно для средневековой фортификации. Но уже

при Висконти башни и куртины в нижней части получили небольшой откос (талус), отделенный от верхней вертикальной стены пояском. Во второй половине XIV в. в замках Висконти стали применять машикули на консолях. Ломбардский климат очень холодный зимой и жаркий летом, весьма дождливый в предгорьях. Поэтому А. Винченти отмечает такое важное нововведение в замках Висконти как обязательное покрытие кровлей куртин и башен (Vincenti 1981: 28, 29, 33, no. 5).

Сфорца получили в наследство многочисленные замки Висконти. Однако наследство это было довольно жалким: замки либо сильно пострадали во время осад Франческо Сфорца (Виджевано, Аббатеграццо, Меленьяно), либо были разрушены восставшими горожанами (Миланский замок и цитадель Комо), либо просто находились в неудовлетворительном состоянии (Новара, Треццо, Кассано, Бинаско, Сончино), о чем свидетельствуют неоднократные жалобы kastелянов (Vincenti 1981: 103). Но главное — они устарели с военной точки зрения и не отвечали требованиям нового оружия (огнестрельной артиллерии).

Придя к власти, Франческо Сфорца сразу приступил к возведению новой резиденции для себя (Кастелло Сфорцеско в Милане) и модернизации крепостей по реке Адда: Лекко, Треццо, Кассано и Лоди. Строительство Кастелло Сфорцеско в Милане на руинах Рокка Висконти началось в 1450 г. и продолжалось вплоть до захвата Милана французами (1499).

В 1454 г. в Лоди было заключено мирное соглашение, которое завершило серию войн за гегемонию в Северной Италии. Миланские и венецианские территории были разграничены по реке Адда. Однако, понимая непрочность заключенного мира, Франческо Сфорца продолжил модернизацию пограничных крепостей. Наибольший интерес представляет модернизация замка Лоди, начавшаяся в 1456 г. Здесь к четырехугольному форту Висконти в северо-западном углу замка была добавлена мощная, выступающая за стены, круглая башня. Любопытно и необычно, что эта круглая башня была пристроена снаружи к уже существовавшей четырехугольной башне (Vincenti 1981: 103).

Галеаццо Мария Сфорца продолжил политику отца в отношении строительства крепостных сооружений. За десять лет его

правления (1466–1476) были построены мощные форпосты на западной границе — замки в Новаре (1468–1476) и Галлиате (1476), а также форпост на юго-западе — Рокка Сфорцеска в Сончино (1473–1475). Более того, в 1472 г. Галеаццо Мария Сфорца сумел приобрести Имолу, расположенную далеко к югу от Милана, за Болоньей. Сюда немедленно был направлен Данезио Майнери для превращения устаревшей крепости в современную *рокку* (Monumenti 1978: 305, 306).

Если в вышеперечисленных пограничных замках основное внимание уделялось военным функциям, то в других замках, оказавшихся внутри территории миланского герцогства, таких как Павия, Виджевано, Аббатеграццо, Меленьяно, главную роль играли жилые и представительские функции, и эти памятники все больше приобретали вид замков-дворцов. Самой роскошной из этих резиденций стал, конечно, Кастелло Сфорцеско в Милане. Однако замки-дворцы в Павии и Виджевано не сильно уступали миланскому.

Переходя от истории строительства крепостных сооружений Сфорца к их архитектуре, следует вслед за А. Винченти сразу отметить, что только Рокка Сфорцеска в Сончино можно считать полностью творением Сфорца (рис. 1). Все другие крепостные сооружения Сфорца, от пограничных фортов до великолепных замков-дворцов, представляют собой лишь масштабную переработку построек Висконти. Наиболее отчетливо эта преемственность видна в планировке крепостных сооружений (Vincenti 1981: 106, 107). Планировка эта почти всегда прямоугольная: как правило, почти идеальный квадрат (Кастелло Сфорцеско в Милане, цитадели в Новаре, Сончино, Лоди). И лишь редкие исключения имеют другую планировку: в Галлиате это четырехугольник, у которого один угол немного выдвинут в сторону; но и здесь такая нерегулярная планировка предположительно стала следствием сохранения более ранней планировки замка Висконти.

Что касается архитектурных форм, крепостные сооружения Сфорца, строившиеся уже в период доминирования огнестрельной артиллерии, по мнению А. Винченти, характеризуются более толстыми стенами, низкими круглыми башнями и мощными предвратными укреплениями (известными у итальянцев как

Рис. 1. Рокка Сфорцеска в Сончино. Фото автора, 2017 г.

«равелины») при продолжающемся использовании машикули на консолях и тонкого зубчатого парапета. Важную роль в военной архитектуре Сфорца играют такие конструктивные решения, как размещение лестниц в толще внутренних стен, устройство туалетов и возможность изолировать башню кастеляна от остальной части крепости. Последнее достигалось прерыванием доступа к главной башне с куртин подъемными мостиками и ловушками под ними, устройством отдельных входов и выходов, потайных бойниц. Эти устройства до сих пор можно ви-

деть в крепостных сооружениях Милана, Сончино и Галлиате (Vincenti 1981: 112, 118).

Круглые башни, действительно, использовались архитекторами Сфорца, но, к нашему удивлению, не стали доминирующей формой башен (табл.). В миланском замке из шести башен лишь две угловые круглые, остальные четырехугольные; в цитаделях Сончино и Лоди на одну круглую башню приходится по три четырехугольных угловых и одна четырехугольная воротная. В Галлиате и Новаре нет ни одной круглой башни. И только в Рокка ди Имола — крепости, построенной Сфорца далеко на юго-вос-

Типы башен в военной архитектуре Сфорца

Памятник	Число круглых башен	Число четырехугольных башен
Кастелло Сфорцеско в Милане сегодня (сохранился не полностью)	2	3 глухих + 2 воротные
Кастелло ди Лоди	1	3 глухих + 1 воротная
Рокка Сфорцеска в Сончино	1	3 глухих + 1 воротная
Кастелло Сфорцеско в Галлиате	–	4 (две из них открытые изнутри, т.е. L-образные)
Кастелло ди Новара	–	4 (тоже открытые с очень слабым выступом)
Рокка Сфорцеска в Имоле (регион Эмилия-Романья)	4	1 (старая главная башня <i>мастио</i>)

Рис. 2. Рокка Сфорцеска в Имоле. Фото автора, 2017 г.

токе, за Болоньей, — все угловые башни круглые, а прямоугольная только башня-мастио, оставшаяся от замка XIII в. (рис. 2). Рокка Сфорцеска в Имоле была полностью перестроена Данезио Майнери в 1472–1474 гг. Крепость подверглась полной метаморфозе: многочисленные четырехугольные башни старой крепости были снесены или искусно включены в большие по размеру круглые башни. Эта цитадель в Эмилии-Романье стала своего рода исключением из архитектурного стиля Сфорца, что можно объяснить либо расположением ее в другой

архитектурной среде и соответствующим внешним влиянием, либо полной свободой от преемственности архитектурного стиля Висконти.

Надо заметить, круглые башни в крепостных сооружениях Сфорца в Ломбардии существенно выше и стройнее, чем синхронные башни в Тоскане или Эмилии-Романье. Это хорошо видно при сравнении круглых башен Castello Sforzesco в Милане или Рокка Сфорцеска в Сончино с круглыми башнями в Рокка Бранкалеоне в Равенне, Монте Поджиоло, Остии, Форли или в той же

а

б

с

Рис. 3. Сравнение круглых башен Ломбардии и Эмилии-Романьи. Фото автора, 2017 г.: а — Castello Sforzesco в Милане (Ломбардия); б — Рокка Сфорцеска в Сончино (Ломбардия); с — Рокка Сфорцеска в Имоле (Эмилия-Романья)

Рис. 4. Castello Сфорцеско в Милане. Очень незначительный выступ прямоугольной башни явно не позволяет вести фланговый огонь, поэтому на боковой стороне башни нет бойниц. Правда, эта часть замка, по-видимому, является наследием Висконти. Фото автора, 2017 г.

Имоле (рис. 3). То есть пропорции круглых башен (отношение высоты к диаметру) в крепостях Сфорца в Ломбардии ближе средневековым формам фортификации, чем формам Переходного периода в Тоскане или Эмилии-Романье. Но куда большее удивление вызывает

тот факт, что подавляющее большинство башен в крепостях Сфорца даже не круглые, а квадратные, лишь слабо выступающие за прилегающие куртины (рис. 4, 5). В то время как в Центральной Италии во второй половине XV в. уже практически полностью перешли на угловые круг-

Рис. 5. Кастелло ди Новара. Башни и куртины снабжены многочисленными вытянутыми по горизонтали прямоугольными бойницами, обрамленными белокаменными плитами. Выступ угловых башен крайне мал, однако в их боковых сторонах все же встречаются бойницы для флангового огня. Фото автора, 2017 г.

лые башни или даже бастионы с сильным выносом их наружу, в крепостной архитектуре Сфорца продолжают возводить архаичные прямоугольные башни, почти лишенные возможности флангового огня. А. Винченци называет фланговый огонь с башен по краям куртин новым критерием защиты, получившим большое распространение в фортификации XV в. и позднее вытеснившим огонь фронтальный (Vincenzi 1981: 117). Но если круглые башни Сфорца достаточно вынесены за периметр и отвечают требованиям ведения флангового огня, то прямоугольные башни в тех же памятниках напрочь лишены этой возможности. И если это еще можно объяснить нежеланием полной перестройки уже существовавших замков Висконти, то для новой *рокки* в Сончино это можно истолковать лишь как следование устоявшейся традиции.

Единственная круглая башня Рокка Сфорцеска в Сончино имеет наименьший диаметр на высоте примерно 1/3 от земли — совершенно уникальная конструкция. Кроме того, эта башня имеет два уровня машикули, что встречается крайне редко. По-видимому, такую конструкцию башня приобрела в ходе надстройки уже существовавшей здесь башни.

Известно, что цитадель в Сончино строили на месте женского монастыря, и при строительстве использовали юго-восточную и юго-западную стены и угловую башню монастыря (Occhio 2016: 8). При надстройке башни почему-то решили сохранить узкую нижнюю часть и машикули. С точки зрения устойчивости к артобстрелу не самое лучшее решение, так как наибольшие объем здания и масса сосредоточены вверху.

Приписать все новшества в военном зодчестве Сфорца какому-то одному архитектору не удастся. Поначалу привлекательной кажется идея приписать внедрение круглых башен Бартоломео Гадео. Известно, что именно он ответствен за возведение круглых башен Миланского замка. Он же принимал участие в строительстве крепостных сооружений в Сончино и Лоди, где появилось по одной круглой башне. Но также известно, что он проектировал реконструкцию замка в Новаре, где нет ни одной круглой башни. Данезио Майнери построил новаторскую для Сфорца крепость в Имоле с четырьмя угловыми круглыми башнями. Но он же практически одновременно принимал участие в перестройке памятников в Новаре и Галлиате, где круглых

башен нет совсем. Складывается впечатление, что герцогские архитекторы не имели полной свободы в выборе дизайна крепостей (за исключением разве что Рокка ди Имола) и то ли были подчинены консервативным требованиям миланских герцогов, то ли были очень ограничены в средствах.

Все крепостные сооружения Сфорца завершаются машикули на консолях и парапетом с зубцами в форме «ласточкин хвост». Нам представляется, что стройные кирпичные консоли машикули нельзя считать характерной чертой архитектуры миланских герцогов Сфорца, к чему склоняется А. Винченти (Vincenti 1981: 109). Ведь подобные кирпичные консоли встречаются и на памятниках Эмилии-Романьи (Доцца, Монте Поджиоло, Равенна, Чезена, Форлимпополи и другие) и даже Лацио (Остия).

В толще башен и куртин бойницы встречаются крайне редко. В искаженных поздними перестройками памятниках (Кастелло Сфорцеско в Милане и Галлиате) сегодня проделаны большие окна, и судить о первоначальном расположении бойниц и их форме практически невозможно. В рокке в Сончино бойницы в башнях представлены очень редкими небольшими прямоугольными отверстиями; на куртинах их нет совсем. Только

в Новаре в башнях и пряслах чуть выше белокаменного пояса можно видеть многочисленные вытянутые по горизонтали прямоугольные бойницы, причем здесь встречаются даже бойницы для флангового огня в боковых сторонах угловых башен, несмотря на их очень слабый вынос наружу. Более разнообразны по расположению и форме бойницы в Рокка ди Имола (в основном это «французские бойницы»), но, как говорилось выше, эта крепость впитала местные традиции и сильно отличается от других памятников Сфорца. Ни в одном памятнике Сфорца автору этих строк не удалось обнаружить классические для XV в. в соседних регионах бойницы в форме перевернутой замочной скважины.

Ворота в памятниках военного зодчества Сфорца устроены в прямоугольных башнях (рис. 6), которые либо совсем не выступают за периметр стен (Милан, Галлиате, Новара), либо выступают очень слабо, явно находясь под прикрытием более мощных угловых башен (Сончино). В Имоле ворота вообще размещены в куртинах. Перед воротами неизменно устраивали подъемные мосты; как правило, большой и малый.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что военная архитектура миланских герцогов Сфорца не была новатор-

Рис. 6. Северная сторона Кастелло Сфорцеско в Галлиате. Видно, что воротная башня поставлена вровень со стенами. Фото автора, 2017 г.

ской для Апеннинского полуострова. Скорее наоборот — она была консервативной, в архитектурно-планировочном плане следовала традициям предшествующего периода Висконти с привнесением лишь небольших нововведений, таких как круглые башни (довольно редкие) и, возможно, более мощные предвратные укрепления (пятиугольные в плане). Такое отставание в развитии военного зодчества Сфорца А. Винченци предлагает объяснять, с одной стороны, повторным использованием замков Висконти, а с другой стороны, стремлением Сфорца создать впечатление преемственности в управлении миланским государством, в том числе посредством образа замка (Vincenti 1981: 112, 115).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ КРЕМЛЕЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ СТИЛЕ С ВОЕННОЙ АРХИТЕКТУРОЙ СФОРЦА

Архитектурные черты, привнесенные из итальянской оборонительной архитектуры, не имевшие распространения на Руси до прибытия итальянских мастеров, принято называть «итальянизмами». К ним можно отнести: зубцы в форме «ласточкин хвост» (рис. 7) или его имитация, сочетание белокаменного цоколя-талуса внизу и кирпичных стен вверху, валик-поясок (белокаменный или кирпичный), аркаду с внутренней стороны прясел, бойницы подошвенного и среднего боя в пряслах, машикули на башнях и пряслах, дымоотводы в огневых позициях, от-

водные башни и трехстенные пристройки перед воротными башнями, подъемные мосты, опускаемые решетки (герсы).

Не все русские крепости испытали итальянское влияние и приобрели комплекс «итальянизмов». Наиболее сильному влиянию подверглись шесть памятников оборонительного зодчества Центральной России конца XV – первой трети XVI в.: Новгородский (1484–1491), Московский (1485–1495/1499), Нижегородский (1508–?), Тульский (1514–1520), Коломенский (1525–1530/1531) и Зарайский (1528–1531) кремли. В их архитектуре есть большинство указанных «итальянизмов», можно сказать комплекс «итальянизмов», поэтому именно их мы называем кремлями в итальянском стиле. Посмотрим более внимательно на каждый из этих памятников.

Вполне естественно ожидать наибольшего влияния архитектуры Сфорца на Московский Кремль, над возведением которого работали как минимум четыре итальянских зодчих (Антон Фрязин, Марк Фрязин, Пётр Фрязин и Алевиз Фрязин). И действительно, в Московском Кремле мы видим много черт сходства. Большинство башен четырехугольные, причем очень слабо вынесенные за периметр стен. Лишь в ключевых позициях (по углам) поставлены две круглые и одна многогранная башни. По числу «итальянизмов» Московский Кремль занимает лидирующее положение, но все же имеет не все, а только 11 из 13 выделенных «итальянизмов» (Носов 2023: 142–150).

Рис. 7. Зубцы в форме «ласточкин хвост». Тульский кремль. Фото автора, 2006 г.

Нижегородский кремль, в строительстве которого принимал участие один итальянский зодчий (Пётр Фрязин), обнаруживает много «итальянизмов» (10 из 13), но при этом совершенно иные, чем в архитектуре Сфорца, тактические принципы обороны. D-образные башни в архитектуре Сфорца вообще не встречаются. Этот кремль больше других похож на итальянские памятники, но только не на памятники Сфорца. Он ближе к замкам Тосканы или Эмилии-Романьи. Об этом свидетельствуют: сильно вынесенные за периметр стен D-образные башни (рис. 8), некоторые из которых имеют только фланкирующие бойницы без фронтальных; своды в нижних ярусах башен; дымоотводы у огневых позиций; сложная система защиты ворот, включавшая подъемные мосты, герсы, *murder holes* и уникальные направленные в проезд внутренние бойницы, очень похожие на итальянские огневые позиции. И, пожалуй, главное сходство — наличие огневых позиций с бойницами фронтального огня в примыкающих к башням куртинах, причем позиции в куртинах соединены галереями с помещениями башен. Лишь полное отсутствие машикули вызывает удивление. Строивший Нижегородский кремль Пётр Фрязин мог быть родом из Тосканы или Эмилии-Романьи. По крайней мере, на памятники именно этих регионов он ориентировался при возведении Нижегородского Кремля в России.

Рис. 8. Коромыслова башня Нижегородского кремля. Фото автора, 2019 г.

Тульский и Зарайский (рис. 9) кремли демонстрируют много «итальянизмов» (8 и 7 соответственно), но по фортификационным решениям значительно прогрессивнее замков Сфорца. По углам поставлены сильно вынесенные за периметр стен круглые или многогранные башни. Ворота защищены Г-образным

Рис. 9. Зарайский кремль. Фото автора, 2019 г.

Рис. 10. Многогранная Маринкина башня Коломенского кремля. Фото автора, 2019 г.

проездом и ловушкой внутри (Тульский кремль), либо трехстенной пристройкой (Никольская башня Зарайского кремля). В куртинах устроены многочисленные бойницы подошвенного боя.

Коломенский кремль с его 8 «итальянизмами» во многом напоминал Московский. В ключевых местах поставлены высокие многогранные или круглые башни (рис. 10). Но большинство башен все же четырехугольные, хотя эти башни значительно вынесены за периметр стен по сравнению как с замками Сфорца, так и с Московским Кремлем.

Кремль Новгорода Великого (рис. 11) с его поставленными на валах криволинейными стенами для огнестрельной эпохи конца XV в. является анахронизмом. По нашему мнению, его возводили русские зодчие в первую очередь как зримый монумент власти Москвы в только что присоединенном городе. Полагая, что именно по аналогии с Московским Кремлем он получил зубцы в форме «ласточкин хвост» и другие «итальянизмы» (общим числом 6).

Рис. 11. Кремль Новгорода Великого. Фото автора, 2019 г.

Более детально оборонительная архитектура русских кремлей в итальянском стиле была рассмотрена в других работах (Nossov 2020: 72–107; Nossov 2022: 147–160). Здесь же мы обратим внимание на целый ряд отличий русских кремлей от памятников оборонительного зодчества Сфорца.

Все устроенные в городах цитадели Сфорца намерено встраивались в городские стены так, чтобы они имели выход как в город, так и в сельскую местность (Милан, Галлиате, Новара, Сончино, Имола). Это вообще распространенная на Апеннинском полуострове тенденция, отраженная в трактате Альберти (Альберти 1935: 134, 135). Однако на Руси этому принципу не следовали: кремли (городские цитадели) строились у рек и окружались городскими стенами по всему периметру, либо за исключением прибрежной стороны.

Применение многогранных башен в военной архитектуре Сфорца нам не известно. Да и вообще, такие башни крайне редко встречаются на Апеннинском полуострове. Но они имели распространение в русских кремлях.

В военном зодчестве Сфорца воротные башни играли лишь пассивную роль. В русских же кремлях воротные башни всегда вынесены наружу и имеют возможность вести фланговый огонь. Они играли важную роль в обороне. Особенно это заметно в Нижегородском Кремле.

Столь любимые на Апеннинском полуострове и обязательные в военном зодчестве Сфорца машикули на Руси не получили такого признания. В Московском Кремле машикули были только на башнях; на пряслах машикули нет и никогда не было. В Тульском и Коломенском кремлях машикули были даже не на всех башнях. В Новгородском, Нижегородском и Зарайском кремлях машикули не было нигде — ни на башнях, ни на куртинах.

В Каstellо Сфорцеско в Милане и Рокка Сфорцеска в Сончино между боевым ходом куртин и некоторыми башнями есть проемы-ловушки, преграждавшие путь по боевому ходу и перекрывавшиеся подъемными мостиками. Ни в одном из кремлей таких устройств не было. И вообще, из всех русских крепостей они были только в каменной крепости Ивангород.

Нигде в кремлях не реализована популярная в зодчестве Сфорца идея изо-

лирования одной башни специальными входами-выходами, подъемными мостиками, потайными бойницами. В России не было принято делать какую-либо башню главной, предназначая ее для проживания коменданта и особым образом укрепляя.

Аналоги русским тайничным комплексам среди памятников военного зодчества Сфорца нам не известны.

В недавно опубликованных работах был проведен сопоставительный анализ бойниц в башнях и подошвенного боя в куртинах русских кремлей с итальянскими аналогами (Носов 2020: 24–41; Носов 2021: 63–79). Здесь мы не будем повторяться и останавливаться на этих архитектурных деталях. Отметим лишь существенные их отличия от синхронных итальянских памятников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Признавая влияние ломбардской военной архитектуры Сфорца на русские кремли, надо вместе с тем признать, что кремли имеют множество отличий как от ломбардской военной архитектуры, так и от итальянской Переходного периода в целом.

Русские кремли конца XV – первой трети XVI в. не стали слепой копией каких-то конкретных итальянских памятников или даже военного зодчества целого региона или одной эпохи. Нам представляется, что они стали симбиозом итальянской военной архитектуры и русских традиций.

На русской почве предложения итальянских зодчих, по-видимому, серьезно обдумывались и корректировались, выбирались казавшиеся лучшими варианты. Важную роль в этом явно играл заказчик строительства (великий князь Иван III), который определил стилистику, по крайней мере, Московского Кремля. Определяющими при выборе того или иного архитектурного решения, видимо, были не только военные соображения, но и представительная функция.

При перестройке Московского Кремля в конце XV в. был заложен тот столичный стиль, которому позднее по аналогии, с разной степенью подражания, следовали в Новгороде Великом, Нижнем Новгороде, Туле, Коломне, Зарайске и других городах России вплоть до XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Альберти 1935 — Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве / пер. В.П. Зубова. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935.
- Бартенев 2011 — Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Т. 1. М.: Русский импульс, 2011. (Издание, почти стереотипное первому: М.: Синодальная типография, 1912).
- Воротникова 2014 — Воротникова И.А. К истории строительства оборонительных сооружений Московского Кремля в конце XV–XVI веке // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М.: БуксМАрт, 2014. С. 119–153.
- Лазарев 1978 — Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.) // Византийское и древнерусское искусство. М.: Наука, 1978. С. 227–296.
- Мильчик 1994 — Мильчик М.И. Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. СПб., 1994. Вып. 5 (15). С. 184–202.
- Носов 2019 — Носов К.С. Московский Кремль и Кастелло Сфорцеско: опыт архитектурно-планировочного сравнения военной архитектуры // Архитектурное наследство. Вып. 71. 2019. С. 35–51.
- Носов 2020 — Носов К.С. Башенные бойницы русских кремлей «в итальянском стиле» конца XV – первой трети XVI века: классификация и сравнение с бойницами в итальянском оборонительном зодчестве // Архитектурное наследство. Вып. 73. 2020. С. 24–41.
- Носов 2021 — Носов К.С. Бойницы дошвенного боя в прясах русских кремлей в итальянском стиле (конец XV – первая треть XVI века) // Южный Урал: история, историография, источники. Вып. 9. М.: Каллиграф, 2021. С. 63–79.
- Носов 2022 — Носов К.С. Участие иностранных зодчих в крепостном строительстве в России в конце XV – первой половине XVI века: факты и предположения // Архитектурное наследство. Вып. 76. 2022. С. 35–53.
- Носов 2023 — Носов К.С. Кремли в итальянском стиле: Статистический подход к итальянскому влиянию // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Смоленск, 2023. С. 142–150.
- Пирлинг 1912 — Пирлинг О. Россия и папский престол. Т. 1. М.: Современные проблемы, 1912.
- Подъяпольский 1986 — Подъяпольский С.С. Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI в. // Советское искусствознание. № 20. 1986. С. 62–91.
- Подъяпольский 1991 — Подъяпольский С.С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. Вып. 1. М., 1991. С. 218–233.
- Флоря 1980 — Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1980. С. 12–18.
- Хрептович-Бутенев 1914 — Хрептович-Бутенев К.А. Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // Старая Москва. Вып. 2. М., 1914. С. 24–49.
- Чиняков 1960 — Чиняков А.Г. О некоторых особенностях древнерусского градостроительства // Архитектурное наследство. № 12. 1960. С. 3–22.
- Beltrami 1912 — Beltrami L. Vita Aristotele da Bologna. Bologna: Libreria Luigi Beltrami, 1912.
- Monumenti 1978 — Monumenti d'Italia. I castelli: Architettura e difesa del territorio tra Medioevo e Rinascimento. Novara: Istituto geografico de Agostini, 1978.
- Nossov 2020 — Nossov K. Russian Kremlins in the Italian Style (the late fifteenth to first third of the sixteenth century) // Fort. Vol. 48. 2020. P. 72–107.
- Nossov 2022 — Nossov K. Italian Renaissance influence on Russian defensive architecture of the late 15th –18th centuries // Annali di Architettura. No. 34. 2022. P. 147–160.
- Occhio 2016 — Occhio F. Benvenuti nella rocca di Soncino. Soncino, 2016.
- Vincenti 1981 — Vincenti A. Castelli viscontei e sforzeschi. Milano: Rusconi Immagini, 1981.

REFERENCES

- Vorotnikova I.A. K istorii stroitel'stva oboronitel'nykh sooruzhenii Moskovskogo Kremlya v kontse XV–XVI veke (On the history of the construction of defensive structures of the Moscow Kremlin in the late 15th–16th centuries). *Moskovskii Kreml' XVI stoletiya. Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki (Moscow Kremlin of the 16th century. Ancient shrines and historical monuments)*, book 1. Moscow: BooksMArt Publ., 2014, pp. 119–153 (in Russian).
- Lazarev V.N. Iskusstvo srednevekovoi Rusi i Zapad (XI–XV vv.) (Art of Medieval Rus' and the West (11th–15th centuries). *Visantiiskoe i drevnerusskoe iskusstvo (Byzantine and Old Russian art)*. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 227–296 (in Russian).
- Milchik M.I. Ital'yanskii mestera — stroiteli Ivangorodskoi kreposti (Italian masters — builders of the Ivangorod fortress). *Novgorodskii istoricheskii sbornik (Novgorod Historical Collection)*. Saint-Petersburg, 1994, issue 5 (15), pp. 184–202 (in Russian).
- Nossov K.S. Moskovskii Kreml' i Castello Sforcesco: opyt arkhitekturno-planirovchnogo sravneniya voennoi arkhitektury (Moscow Kremlin and Castello Sforzesco: experience in architectural and planning comparison of military architecture). *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, issue 71, 2019, pp. 35–51 (in Russian).
- Nossov K.S. Bashennyye boinitsy russkikh kremlei "v ital'ianskom stile" kontsa XV – pervoi treti XVI veka: klassifikatsiya i sravnenie s boinitsami v ital'ianskom oboronitel'nom zodchestve (Tower loopholes in the late 15th – first third of the 16th century Russian kremlins "in Italian style": their classification and comparison with loopholes in Italian defensive architecture). *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, issue 73, 2020, pp. 24–41 (in Russian).
- Nossov K.S. Boinitsy podoshvennogo boia v priaslakh russkikh kremlei v ital'ianskom stile (konets XV – pervaya tret' XVI v.) (Foot-level loopholes in the curtains of Italian style Russian kremlins (late 15th – first third of the 16th century)). *Yuzhnyi Ural: istoriya, istoriografiya, istochniki (Southern Urals: history, historiography, sources)*, issue 9. Moscow: Kalligraf, 2021, pp. 63–79 (in Russian).
- Nossov K.S. Uchastie inostrannykh zodchikh v krepostnom stroitel'stve v Rossii v kontse XV – pervoi treti XVI veka: fakt i predpolozheniya (Participation of foreign architects in Russian fortification building in the late 15th – first half of the 16th centuries: Facts and suppositions). *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, issue 76, 2022, pp. 35–53 (in Russian).
- Nossov K.S. Kremli v ital'yanskom stile: Statisticheskii podhod k ital'yanskomu vliyaniyu (Kremlins in Italian style: Statistical approach to the Italian influence). *Nauchnyi sbornik Gosudarstvennogo museya "Smolenskaya krepost'" (Scientific collection of the State Museum "Smolensk Fortress")*. Smolensk, 2023, pp. 142–150 (in Russian).
- Pod'yapol'skii S.S. Deyatel'nost' ital'yanskikh mestero na Rusi i v drugih stranah Evropy v kontse XV – nachale XVI veka (The activities of Italian masters in Rus' and other European countries in the late 15th – early 16th centuries). *Sovetskoe iskusstvoznanie (Soviet art history)*, issue 20, 1986, pp. 62–91 (in Russian).
- Pod'yapol'skii S.S. Ital'yanskii stroitel'nye mestera v Rossii v konce XV – nachale XVI veka po dannym pis'mennykh istochnikov (opyt sostavleniya slovary) (Italian construction masters in Russia in the late 15th – early 16th century according to written sources (experience in compiling a dictionary)). *Restavratsiya i arkhitekturnaya archeologiya: Novye materialy i issledovaniya (Restoration and Architectural Archaeology: New Materials and Research)*, issue 1. Moscow, 1991, pp. 218–233 (in Russian).
- Florya B.N. Russkie posol'stva v Italiyu i nachalo stroitel'stva Moskovskogo Kremlya (Russian embassies in Italy and the beginning of the construction of the Moscow Kremlin). *Gosudarstvennyye musei Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya (State Museums of the Moscow Kremlin: Materials and Research)*, issue 3. Moscow, 1980, pp. 12–18 (in Russian).
- Chinyakov A.G. O nekotorykh osobennostyakh drevnerusskogo gradostroitel'stva (About some features of old Russian urban planning). *Arkhitelturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, issue 12, 1960, pp. 3–22 (in Russian).

- Monumenti d'Italia. I castelli: Architettura e difesa del territorio tra Medioevo e Rinascimento*. Novara: Istituto geografico de Agostini Publ., 1978.
- Nossov K. Russian Kremlins in the Italian Style (the late fifteenth to first third of the sixteenth century). *Fort*, vol. 48, 2020, pp. 72–107.
- Nossov K. Italian Renaissance influence on Russian defensive architecture of the late 15th–18th centuries. *Annali di Architettura*, no. 34, 2022, pp. 147–160.
- Occhio F. *Benvenuti nella rocca di Soncino*. Soncino, 2016.
- Vincenti A. *Castelli viscontei e sforzeschi*. Milano: Rusconi Immagini Publ., 1981.

АРХИТЕКТУРА НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

*Architecture
of Modern History*

И.Е. Кушелев

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РЕДКОГО КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ПО ЗАСТРОЙКЕ ОРЛА В XVIII ВЕКЕ КАК ОСНОВА ДЛЯ АПРОБАЦИИ ГЕНЕАЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

В статье вводится в научный оборот малоизвестный картографический источник по дорегулярной планировке и застройке города Орла — план его Заорлицкой части 1780 г. Документ сохранился в виде фотокопии в Альбоме архитектора С.И. Фёдорова в фондах ГАОО и ООКМ и ранее никогда не публиковался. В литературе краеведческой направленности лишь упоминалась его фрагментарная копия начала XX в., сам план находился вне поля внимания исследователей, и его огромный потенциал для изучения градостроительной истории Орла до сего дня оставался не востребуемым. Проблема состояла в том, что документ был значительно поврежден — от экспликации сохранился лишь небольшой фрагмент, и установить большинство дворовладельцев было нельзя, что сильно ограничивало те возможности для анализа градостроительной динамики данной территории, которые он мог бы дать. В ходе проводимого автором комплексного исследования нового вида источников, который открывает большие перспективы для изучения русского города дорегулярной поры — Полевых записок Генерального межевания последней четверти XVIII в. — стало понятно, что они могут послужить материалом для реконструкции утраченной части памятника. С успехом проведенная, такая реконструкция позволила почти полностью восстановить его содержание и впервые опубликовать источник и его копию не только в сохранившемся, но и в реконструированном виде. Это дало основу для наблюдения за динамикой социальной структуры рассматриваемой территории города в неразрывной связи с особенностями ее пространственно-планировочного построения и позволило провести первую апробацию предлагаемого автором генеалого-топографического метода реконструкции планировки русских городов в XVII – начале XVIII в.

Ключевые слова: Русское градостроительство XVIII в., дорегулярная планировка городов, Генеральное межевание, карты и планы XVIII в., реконструкция картографических памятников, городские дворянские усадьбы, генеалого-топографический метод реконструкции

I.E. Kushelev

RESTORATION OF THE RARE CARTOGRAPHIC SOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF ORYOL IN THE XVIII CENTURY AS A BASIS FOR APPROBATION OF THE GENEALOGICAL-TOPOGRAPHICAL METHOD OF RECONSTRUCTION OF THE LATE MEDIEVAL CITY

The article introduces into scientific circulation a little-known cartographic source on the pre-regular planning and development of the city of Oryol — the plan of its Zaorlitskaya part of 1780. In the literature of local lore orientation, only its fragmentary copy of the early XX century was mentioned, the plan itself was out of the field of attention of researchers, and its huge potential for studying the urban planning history of Oryol has remained unclaimed to this day. The problem was that the document was significantly dam-

aged — only a small fragment of the explication survived, and it was impossible to identify most of the household owners, which greatly limited the possibilities for analyzing the urban dynamics of this territory that it could give. In the course of the author's comprehensive study of a new type of sources, which opens up great prospects for the study of the Russian city of the pre-regular period — the Field Notes of the General Land Survey of the last quarter of the XVIII century — it became clear that they could serve as material for the reconstruction of the lost part of the monument. Such a reconstruction, which was successfully carried out, made it possible to almost completely restore its content and for the first time to publish the source and its copy not only in a preserved, but also in a reconstructed form. This provided the basis for observing the dynamics of the social structure of the city territory under consideration in an inextricable connection with the features of its spatial and planning structure and made it possible to conduct the first approbation of the genealogical-topographic method of reconstruction of the layout of Russian cities in the XVII – early XVIII centuries

Keywords: Russian urban planning of the XVIII century, pre-regular planning of cities, General land surveying, maps and plans of the XVIII century, reconstruction of cartographic monuments, urban noble estates, genealogical-topographical method of reconstruction

Данная статья продолжает задуманную автором серию публикаций, где рассказывается о тех возможностях, которые открывает перед исследователем русского средневекового города вновь выявленная разновидность источников, прежде не использовавшаяся для его изучения. Речь идет о Полевых записках Генерального межевания последней четверти XVIII в. Поквартальный обход екатерининскими межевными инженерами всей застроенной части городов с последовательным обозначением улиц, смен направлений движения, номеров кварталов, участков, их габаритов, имен и социальной принадлежности владельцев рисует целостный и весьма детализированный портрет русского города, каким он предстает в завершении средневекового этапа своего существования, накануне перестройки по регулярным планам. Еще раз укажем на то, что эта документация наследует традиции писцовых описаний периода Московского царства XVI – начала XVII в., и для тех городов, включая Орёл, где в силу объективных исторических обстоятельств (отсутствие или незначительность посадского элемента в социальной структуре, руинирование и временное замирание жизни после так называемых «литовских разорений» 1610-х гг.) писцовые книги по застройке отсутствуют, в известной мере, пусть и на более позднем временном срезе, восполняет эту лакуну. Особая ценность рассматриваемых источников в том, что они позволяют провести многоплановую исследовательскую работу и создать сразу несколько взаимосвязанных реконструкций, пока-

зывающих различные аспекты градостроительной структуры русского средневекового города. Первым этапом такой комплексной реконструкции стало полное восстановление дорегулярной топониими города Орла, результаты которого уже опубликованы (Кушелев 2024а). Расшифровав названия улиц, переулков и площадей на Генеральном межевом плане 1778 г., исследователь получает ключ, позволяющий проникнуть внутрь кварталов, приложить их подробные описания в Полевых записках к картографическому источнику и таким образом привязать к месту, т.е. провести полную подворовую реконструкцию города на 1778 г. Эта работа стоит в центре всего проводимого автором исследования и должна открыть возможность понимания не только дальнейшей трансформации градостроительных структур — в сопоставлении с имеющимися детальными картографическими и письменными источниками XIX и XX вв., — но и, что самое интересное, комбинируя предложенный А.С. Щенковым метод «обратного хода» с разрабатываемым авторским так называемым «генеалого-топографическим методом», реконструировать, хотя бы отчасти, детальную планировку города в начале XVIII, конце и середине XVII в.

Методический принцип «обратного хода» при реконструкции пространственно-планировочной структуры города в ходе обсуждения общей темы проводимого автором исследования А.С. Щенков изложил так: «Сначала рассматривается более поздний период, поскольку по нему больше информации, она точнее,

детальной. Этот поздний период включает в себя много элементов наследия предыдущего этапа развития. Переходя затем к этому предыдущему периоду, мы уже можем опереться на некую информативную базу, которую затем обогащаем материалом из других источников. Так, по ступенькам движемся вглубь истории».

Суть генеалого-топографического метода раскрыта в специальной статье, где представлена одна его сторона — генеалогическая реконструкция всего города по основным социальным группам в соответствии с общей системой расселения (Кушелев 2024b). Для того чтобы связать результаты этой реконструкции с топографической основой и попытаться таким образом выявить устойчивые, сохраненные по крайней мере с XVII в. планировочные структуры, нужно такую основу создать: ею и должна послужить полная детальная картина подворового расселения всего города на период Генерального межевания. Эта масштабная, кропотливая работа ведется автором и близится к завершению.

Вместе с тем в источниковой базе по Орлу имеется документ, который локально, в отношении одной из частей города — его нагорного левобережья — уже отчасти содержит искомый результат: это датированный 1780 г. «План части города Орла, лежащей по левому берегу реки Орлика», который хранится в виде фотокопии в личном фонде архитектора С.И. Фёдорова¹ в ГАОО (ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 5) (рис. 1).

С.И. Фёдоровым собран большой материал по истории градостроительного становления этого города, некоторые источники, в том числе картографические, выявлены им впервые. При неоспоримом значении исследовательской работы С.И. Фёдорова нельзя умолчать и об отрицательных сторонах его деятельности в целом — именно он активно поддерживал высотное строительство в центре Орла начиная с 1960-х гг. (Фёдоров 1975: 128). Он был одним из инициаторов сноса почти всего капитального каменного двухэтажного центра регулярного города

конца XVIII–XIX вв. (Фёдоров 1975: 110, 111; Фёдоров 1987: 82). Вопреки факту сохранности на начало 1970-х гг. в Орле десятков каменных зданий второй половины XVIII в. он «определил» на роль «старейших гражданских зданий Орла» только Магистрат (1799 г.) и Народное училище (1796 г.). С.И. Фёдоров косвенно причастен к сносу Преображенской церкви (XVIII–XIX вв.) в самом центре Орла (Кушелев 2020: 48); игнорирование им в своих исследованиях существования материальных остатков Успенского мужского монастыря конца XVII в. привело к уничтожению в 1980 г. действительно старейших церковных построек Орла (вопреки утверждению С.И. Фёдоровым в таком качестве Богоявленского собора) — к одной из самых поздних по времени утрат архитектуры XVIII в. в нашей стране. В ряду ключевых выводов диссертации С.И. Фёдорова — признание «неудачного расположения» исторически сложившегося центра Орла, несоответствия его современным требованиям и необходимости формирования его заново, что последовательно осуществлялось под руководством самого С.И. Фёдорова и его преемников на посту главного архитектора (Фёдоров 1967: 213). Недооценивал С.И. Фёдоров и некоторые источники. В частности, уникальный «рисованный» Чертеж г. Орла 1741 г., где впервые в условной аксонометрии показана застройка, в том числе изображены храмы Успения Богородицы и Михаила Архангела², он охарактеризовал как «не вносящий ничего существенно нового в наши представления о застройке Орла того времени» (Фёдоров 1975: 21). Подобные ошибки недопустимы на современном этапе развития науки и архитектурной практики в старых городах, поэтому на них необходимо указывать. По-видимому, не придавал особенного значения С.И. Фёдоров и рассматриваемому документу — в его работах мы не нашли анализа этого плана. Тем дороже для нас факт сохранения его в альбоме архитектора.

За время, прошедшее с момента выхода публикаций С.И. Фёдорова, градостроительная наука ушла далеко вперед.

¹ С.И. Фёдоров (1915–2005) — архитектор, выпускник МАРХИ, кандидат искусствоведения (1968, Институт истории искусств Министерства культуры СССР), автор ряда общественных, жилых зданий и сооружений в Курске, Орле периода послевоенного неоклассицизма и следовавшего затем неофункционализма, много лет посвятивший изучению историко-культурного наследия городов Центрального Черноземья — Курска, Орла, Белгорода (Фёдоров 1975), Болхова, Мценска, усадебной архитектуры — Шаблыкина, Марьино. В 1958–1965 гг. — главный архитектор г. Орла.

² Чертеж опубликован с расшифровкой и комментарием (Кушелев 2023).

Рис. 1. «План части города Орла, лежащей по левому берегу реки Орлика с копированной (частью — И. К.)³ из Высочайше подтвержденного городу Орлу плана» (ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 5)

Уникальная ценность рисованных чертежей прочно утвердилась в современной научной парадигме, и после таких работ, как монография Г.В. Алфёровой (Алфёрова 1989), фундаментальные исследования В.С. Кусова и его учеников (Кусов 1989; Кусов 1993; Кусов 2007), История русского градостроительства под ред. Н.Ф. Гуляницкого (Гуляницкий 1993), не подлежит сомнению. Изменился сам ракурс исследовательской работы — взгляд ученых стал более пристальным, скрупулезно всматривающимся в детали. Существенно поднялись ценностные ориентиры, усложнились и усовершенствовались методы исследования градостроительной истории. Круг изучаемых явлений стал неизмеримо шире, а объем исследовательской работы приобретает подчас титанические масштабы. В последние годы вышли статьи Е.В. Пашиной (Пашина 2024), А.К. Моргунова с соавт. (Моргунов 2021), О.С. Ворониной (Воронина 2022). В них раскрывается роль картографических источников в реконструкции детальной планировки городов дорегуляр-

ного периода, понимание исторической ценности градостроительной структуры выходит на уровень внутриквартального сегмента, парцеллы. Реконструкции детальной планировки русских средневековых городов посвящены исследования Е.М. Караваевой (Караваева 1964), А.С. Щенкова (Щенков 1982). Особенный вклад в эту тему вносят работы Л.Д. Мазур (Мазур 2006), (Мазур 2009), (Мазур 2010), (Мазур 2011a), (Мазур 2011b), (Мазур 2012a), (Мазур 2012b), (Мазур 2012c).

План, рассматриваемый в данной статье, интересен тем, что в нем поверх фона нанесенной проектируемой регулярной сетки улиц и кварталов показана существовавшая на тот момент дорегулярная планировка и внутриквартальная парцелляция: подробно прорисованы не только домовладения, но и внутренняя застройка каждого двора, включая хозяйственные строения. Это самый детальный из всех известных нам планов Орла (его части) до планов Ильинской площади и близлежащих кварталов середины XIX в. (ГАОО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1609),

³ То есть с наложением выкопировки из Регулярного плана.

(Кушелев 2020: рис. 123) и Плана архитектора А.С. Вишневого 1879 г. (ООКМ. Инв. № 15481), где впервые отображены все без исключения здания и сооружения города. Каждый участок пронумерован, экспликация раскрывает имя и социальный статус владельца, некоторые детали застройки двора. Кроме того, отмечаются все каменные здания, оценивается возраст и техническое состояние построек. *Поэтому вернее всего будет расценивать этот документ как рабочий чертеж, фиксирующий исходные данные для перепланировки данной части города в соответствии с Регулярным планом 1779 г.* В сущности, он являет нам в готовом и более точном виде тот результат, которого автор добивается посредством кропотливой детальной реконструкции всего города на основе Полевых записок.

Однако ряд проблем, содержащихся в источнике, существенно сокращает его информативность, делает его ценнейшие данные недоступными для исследователя. Качество фотокопии из альбома С.И. Фёдорова далеко от безупречного. Документ представлен в оборванном виде — большая часть экспликации утрачена. Сам подлинник предположительно, судя по расплывшейся печати, хранился в фондах ГАОО, и, вероятно, тоже утрачен. Его частичная копия начала XX в. (ГАОО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 68) компенсирует утраты минимально (рис. 2). Исследуемые автором Полевые записки Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 40. Л. 31–40) дают возможность полного восстановления потерянных почти 3/4 экспликации путем сопоставления уцелевшей части с их данными: в тексте записок осуществлялся поиск сохранившихся в экспликации фамилий домовладельцев — так определены литеры кварталов, и далее уже по порядку обхода квартала, отраженному в записках, выяснялись имена владельцев участков, не попавших в уцелевший фрагмент экспликации. Этим способом были установлены все дворовладельцы Заорлицкой части, за исключением лишь нескольких случаев (7 из 112), когда дворы, имеющиеся на плане, в Полевых записках не отражены, либо номера их не поддаются прочтению. Стоит отметить бросающуюся в глаза закономерность: поквартальная нумерация Полевых записок, как правило, последовательно идет в направлении, противоположном общей нумерации Плана.

Так проведена *реконструкция* частично утраченного важнейшего источника по градостроительной истории Орла (рис. 3). Это позволяет впервые полноценно ввести его в научный оборот и осуществить первую публикацию. Стоит отметить, что ранее он, хотя и упоминался в отдельных работах краеведческого уровня, не получил в них даже верной атрибуции — его отождествляли с копией 1901 г. — и никогда не ставился в контекст научной проблематики, служа лишь поставщиком отрывочных сведений (Саран 2016: 20–22).

Выполненная автором реконструкция источника позволяет провести анализ отдельных интересующих нас аспектов градостроительной структуры Орла дорегулярного периода. Кроме того, имея аутентичное изображение дорегулярной подворовой планировки Заорлицкой части, мы получаем возможность уже сейчас, до того как дворовая сетка будет восстановлена во всем городе, сделать предварительную апробацию предлагаемого генеалого-топографического метода на этом фрагменте.

Оценивая масштаб застроенной территории в этой части города, всегда уступавшей по площади двум другим, нельзя ориентироваться на наложение на нее регулярной сетки — оно вводит в заблуждение; необходимо делать это в условиях реального пространства: так оказывается, что и в дорегулярное время она была весьма обширна. Застройка равномерно заполняла пологий склон в большой излучине реки Орёл в форме главной дуги, постепенно, террасами, поднимаясь в гору. Ни о какой «стихийности», «скученности», «хаотичности», мнящейся здесь неопытному взгляду, не может идти речи. Усадьбы достаточно ровными, последовательными «порядками» выстроены вдоль улиц, образуя хотя и не идеально прямые, но отчетливо выраженные линии проездов, названия которых вместе с их этимологией расшифрованы автором в отдельной работе (Кушелев 2024а). В целом система складывается на основе объединения двух принципов планировки вокруг сакральных архитектурно-пространственных градостроительных узлов: лучевого принципа — расходящихся лучей двух Болховских дорог с Афанасьевским погостом (Введенским монастырем) в развилке, и прямоугольного — сетки кварталов

Рис. 3. План части города Орла, лежащей по левому берегу реки Орлика, восстановленный автором статьи. Крупными жирными цифрами дана нумерация подлинного плана. Литеры кварталов и нумерация мелким тонким шрифтом реконструированы по Полевым запискам. Названия улиц — реконструкция автора (Кушелев 2024а). В экспликациях представлены данные Полевых записок (РГАДА, ф. 1325, Оп. 1, Д. 40. 1778 г. Полевые записки города Орла на дворовые места купечества и мещанства. Л. 31–40), дополненные в скобках данными сохранившихся частей экспликаций Плана 1780 г. (жирный курсив) и его копии 1901 г. (курсив). Нумерация — подлинного плана

Экспликация к плану:	
1. Д. и о. к. Степ. Ив. Акулова	32. Колпекс, асес. Федос. Вас. Авсянникова
2. Д. и о. в. канц. ж. Матрёны Анис. Аловени-ковой	33. Капеиста Егора Немирова Стародубцова (дом ... ветхий)
3. Д. и о. к. Степ. Ив. Акулова	34. Д. и сад титул. сов. Ив. Ив. Брусенцова (на нем жилой дом новый, другой ветхий)
4. Д. и о. к. Фед. Ив. Акулова	35. Д. и сад губерск. секл. Михайлы Данил. Житкова
5. Д. и о. купец Вас. Як. Акулова	36. Капеиста Ив. Осип. Евсеева (дом ... ветхий)
6. Д. и о. м. Акинфия Ив. Наземцова	37. Д. и сад в. канцеляр. жене Марьи Ив. Евсеевой
7. Д. и о. м. Ив. Борис. Мезинцова	38. Д. и сад колеск. регистр-ши Марьи Ал. Алексеевой
8. Д. и о. м. Прох. Ив. Груздева	39. Д. и сад саборн. ц. протопота Никол. Фёдорова
9. Сад и о. секл. Петра Ив. Аловеникова	40. В. канцелярист ж. Акс. Григ. Истоминой
10. Д. и сад умерш. к. Фед. Аким. Сушинкова	41. Д. и сад колпекс. рег. Як. Фед. Мерцалова
11. К-в Ал. Кирилы Прох. Квасниковых	42. Земля подвором саборн. ц. Рождства Пресвятыя Богородицы протопота крепостная
12. Д. и сад к. Ив. Прох. Квасникова	43. Д. и сад колл. регистр. Никиты Ив. Соймонова
13. Д. и сад колл. асес. Андр. Ал. Селихова, жены ево Анны Сем. доч.	44. Капитана Ив. Осип. Евсеева
14. —	45. Д. и сад помеш. Ив. Аф. Аловеникова
15. В. регистр-ши Анны Дороф. Фёдоровой	46. Д. и сад помеш. Вас. Аф. Аловеникова
16. В. к. ж. Еддок. Герас. Дубровиной	47. Д. и сад. помеш. Кирилы Аф. Аловеникова
17. Д. и сад моск. к. Никол. Мих. Митрофанова, и жены ево Ал-дры Никол. доч. (дом ... ветхий)	48. Д. и сад к. Тимоф. Григ. Анцифорова
18. Д. и сад. Секунд. Майора Никиф. Антип. Абалмасова	49. Д. и сад ц. Богоявл. Гдня свщ. Ив. Ильина
19. Д. и сад секл. Мих. Зин. Иевлева (дом ... приходит в ветхость)	50. Д. и сад в. рег-ши Анны Ив. Соймоновой
20. Д. и сад регистр. Андр. Евсев. Андреева (дом ... приходит в ветхость)	51. М. Ал. Лар. Селиверстова
21. Гвардии капрала Мих. Пракоф. Саковнина (дом каменной помещика Соковнина)	52. Д. сад к. Афон. Сем. Шушлонова (на нем ветхий ветхой)
22. —	дом каменной, а пристройки на дворе деревянные, кои приходит в ветхость)
23. —	53. Богодельная ветхая
24. —	54. Секлет. Петра Ив. Аловеникова ветхий
25. Д. и сад м. Ив. Ил. Аристова (дом ... деревянный ветхой)	55. Д. и сад секлет. Андр. Вас. Дубровина (дом ... приходит в ветхость)
26. М. Петра Ил. Аристова (дом ... ветхий)	56. Канцеляр. Ал-дра Григ. Асташова
27. К. Логина Ил. Аристова (дом ... приходит в ветхость)	57. В. к. ж. Акиньи Андр. Кочетовой
28. Капитана Ив. Вас. Аловеникова (дом ... приходит в ветхость)	
29. 30. 31. Д. и о. ц. Георг. Страстотерпца свщ. и церк служ-лей (29 — дом ... приходит в ветхость, 30 — дом ... новый, 31 — дом ... новый)	
	58. Д. и сад к. Фамы Вас. Кочетова
	59. В. м. ж. Тат. Никиф. Неручевой
	60. Агар. секл. Андр. Вас. Дубровина
	61. Д. и сад колл. рег. Ив. Дан. Соймонова
	62. —
	63. —
	64. Отст. канцеляр. Ив. Вас. Дубровина
	65. Канцеляр. Аф. Матв. Фёдорова
	66. —
	67. Канцеляр. Петра Данил. Фёдорова (дом ... ветхий)
	68. Д. и сад подканцеляр. Ив. Данил. Фёдорова (дом ... ветхий)
	69. В. подручничковой ж. Анны Ал. Аловениковой (дом ... новый, а пристройки на дворе ветхий)
	70. Д. и сад секл. Данилы Ил. Соймонова (дом каменной ... а на дворе деревянная пристройка приходит в ветхость)
	71. К-в Ал. Ив. Ив. Телетинных (дом ... деревянный ветхий)
	72. О. ж. Авд. Ив. Воласатой (дом о-ца Ив. Волосатова ветхой)
	73. 74. Д-ры и о-ды девичьева мон-ря свщ-церк. служ-лей (дом монастырского пола Афонсы новый; дом монастырского дьячка Сем. Яковлева ветхой)
	75. Д. и сад к. Михайлы Дм. Кузнецова (дом каменной купца Кузнецова, при нем служ-бы деревянные новая)
	76. Колл. асес. Ал. Данил. Житкова (дом ... ветхой)
	77. К. Андр. Вас. Дубровина (дом ... приходит в ветхости)
	78. К. Петра Емельян. Дубровина (приходит в ветхости)
	79. Д. и сад в. к. ж. Евдокеи Герас. Дубровиной (дом купца Михаила Дубровина новый каменный, а другие деревянные, которые, как и пристройки, приходят в ветхости)
	80. Д. и сад канцеляр-та духов. правл. Петра Як. Телетина (двор Осипа Телетина, на коем одна жилила изба ветхая)
	81. Д. и о. к-в Ал. Ив. Ив. Телетинных (дом ... новый)
	82. Д. и о. к. Ив. Ив. Телетина (дом ... ветхий)
	83. Секунд. майора Никол. Осип. Телетина (дом ... новый)
	84. Д. и сад протоколиста Вас. Бор. Устинова (дом ... ветхий)
	85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. Д-ры и сады секл. Ал-др. Лаврент. Гардеева
	92. Д. и сад секунд. майора Никол. Петр. Протасова
	93. 94. Д. и сад секл. Льва Львова Бухвостова
	95. Д. и о. в. канцеляр. ж. Евдокеи Ив. Сарокиной, сына ее Григ. Володимирова с.
	96. Д. и о. к. Осипа Аким. Радина
	97. Д. и о. волын. челов. (разночница) Матв. Ал. Алексеева (спор с м. Аф. Дм. Булатовым)
	98. Д. и сад. канцеляр-та Савы Вас. Авсянникова
	99. Д. и сад к. Исаа Ис. Русанова (?)
	100. Д. к. Сем. Иевл. Карякина
	101. Д. м. Ив. Констент. Карякина
	102. Д. к. Казьмы Тит. Калмакова
	103. Д. и о-д м. Аким. Микит. Радина
	104. Д. и о-д к. Матв. Казм. Радина
	105. Д. к. Матв. Аф. Радина
	106. Д. и о-д наместн. правл. секл. Ал. Мих. Павлова
	107. Д. и сад. к. доч. Авд. Як. Николаевой
	108. Д. и сад Орл. наместничества губерск. стряпчаеа Петра Мих. Какавинского, жены ево Дарьи Фед. доч.
	109. Д. и сад к. Григ. Мих. Кудрявцова
	110. Д. и сад м. Никиф. Кандр. Андросова
	111. Д. и сад помещика Григ. Герас. Лунина
	112. Питейный дом

вокруг храма Великомученика Георгия. Объединяет обе локации условная дуга Егорьевской улицы с продолжениями в оба конца, очерчивающая весь застроенный сегмент в излучине реки Орёл и по ломаной линии дублированная межевой границей Острожной земли с Ямской слободой и пустошью Данилова починка на последнюю четверть XVIII в. Общая картина предстает в виде своеобразной «гирлянды», когда от условно полукольцевой объединяющей трассы на вершине склона к реке последовательно, местами ветвясь, спускается ряд улиц и переулков. В эту «гирлянду» по центру как бы вклинивается вилка Наугорской и Болховской дорог (рис. 4). На этом этапе — схематического обобщения дорегулярной системы — сопоставление с регулярной сеткой оказывается плодотворным: оно выявляет строгую преобладание средневековой и екатерининской планировки. В регулярном решении остается нетронутой двухлучевая система расходящихся Болховских дорог — Болховской и Введенской улиц; «ниспадающая» по склону к реке Орёл

условно прямоугольная сетка экстраполируется на новые кварталы; в старой части, помимо «вилки», сохраняется условно полукольцевая линия Егорьевской улицы, а также обе системы проездов на ее концах — развилка Наугорской дороги с Горовым переулком (в XIX в. — Узко-Введенский, с 1929 до 1970 г. — пер. 7 Ноября; ликвидирован (Емельянов 1986: 94, 95)) и четыре Егорьевских переулков вокруг храма (один из них, параллельный ул. Болховской, в XIX в. носил название Узко-Георгиевского, ныне — Почтовый пер. (Емельянов 1986: 62, 63)). Эти проезды как существующие или в виде следов во внутриквартальном пространстве четко просматриваются на всех детальном планах Орла XIX – начала XX в. — Н.П. Древитца 1877 г., А.С. Вишневого 1879 г., А. Андерсена 1901 г.

Ранее мы уже отмечали бросающуюся в глаза в этой части Орла характерную «просторность кварталов старого русского города» (Тверской 1953: 190, 191), указывая на среднее число дворов в квартале — 6–10, преимущественно

Рис. 4. Схема дорегулярной планировки Заорлицкой части Орла

одностороннюю застройку и пустующие внутриквартальные пространства (Кушелев 2024а). На данном этапе исследования необходимо уточнить, что анализируемый здесь реконструированный источник показывает границы *только застроенных территорий усадеб, дворовой их части*. Именно Полевые записки позволяют понять, что общая площадь участков *в ряде случаев (не всегда)* значительно превосходит эти границы, включая землю под гумнами, садами и огородами, которая на нашем плане попадает во внутриквартальную территорию. Сделанные наблюдения наводят на мысль, что примыкания ко двору столь обширных, иногда почти до 200 сажень в длину сельскохозяйственных земель характерны скорее для самых старых дворовладений, образовавшихся здесь еще в XVII в., в пору существования Орла как военно-земледельческого, а не торгово-ремесленного поселения (Кушелев 2024б). Полная реконструкция внутриквартальной планировки Заорлицкой части будет представлена на этапе готовности ее по всему городу.

В ранее опубликованном исследовании автора по социальному и родовому составу населения Орла в XVII–XVIII вв. отмечалась *моносоциальная тенденция* в рассматриваемой части города (Кушелев 2024б), в целом нехарактерная для социальной топографии русских городов (Гуляницкий 1993: 212). По документам 1635–1636 гг. видно, что в XVI в. ее населяли почти исключительно дети боярские, точнее, те немногие из них, кто имел осадный двор в городе (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 59. Л. 114, 115). Неслучайно поэтому посвящение ее главного храма Великому чену Георгию Победоносцу — святому, олицетворяющему воинскую доблесть и славу, — и, по всей вероятности, идущее издревле значение Георгиевского кладбища вокруг него как воинского захоронения. Во второй половине XVII в. к этой части примкнули и те, чьи поместья имели непосредственное касание «грацких» земель — несколько владельцев Данилова починка и сельца Андреянова, вместе с этими своими поместными землями (Кушелев 2023). Документально подтверждено, что в развилке Болховских дорог, у Афанасьевского погоста, другого сакрального узла всей территории, уже в XVI в. сформировалось землевладение священно-церковнослу-

жителей Калининых–Телегиных, к концу XVII – началу XVIII в. выросшее в довольно обширную «патрономию», в XVIII в. только увеличивавшуюся, несмотря на передачу их земель Введенскому монастырю (пустые пространства в центре квартала F — гумна и огороды монастыря) (РГАДА. Ф. 281. Оп. 14. Д. 8578). Надо полагать, что уже в XVI в. здесь частично присутствовало и стрелецкое усадебное землевладение — стрелецкие пашни на участках нынешних Весёлой слободы и Приборо-строительной улицы, протяженный «животинный прогон» по левому берегу реки Орёл от Старого городского рва (Большого острога XVI в.) до Царёва брода бесспорно отведены еще в XVI столетии (Кушелев 2023). В 1643 г. здесь хозяйствует стрелец «Васька Телегин» (видимо, отпрыск упомянутого рода церковников, пошедший в служилое сословие: таких переходов мы видим немало) (Кушелев 2023; Кушелев 2024б), а в 1690-е гг. в документах упоминается двор отставного стрельца Ивана Радины, который в конце XVIII в. тоже предстает уже в виде небольшой «патрономии» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 14. Д. 8578). Переписная книга 1718 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 301. 1718 г. Лл. 287–519) показывает преобладание во Введенском и Георгиевском приходах сословия *подьячих*, происхождение которого относится как к классу бывших военных (детей боярских), так и, в меньшей степени, церковников. Старые орловские подьячие долитовского периода, XVI в. — Оловенинковы, возвращаются в Орёл из Мценска в 1635 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 65. Л. 178). В последней четверти XVIII в., в Полевых записках 1779 г., все представители подьяческих фамилий — тех, которые удалось рассмотреть в почти угасшем начале Переписной книги 1718 г., — значатся в чинах канцеляристов, подканцеляристов, «секлетарей» и т.п., т.е. составляют класс чиновничества. *Так мы наблюдаем процесс формирования коренного дворянского сословия в Орле и стабильность его расселения в рассматриваемой части города.*

Выполненная реконструкция источника показывает точное местоположение их усадеб на 1780 г. и дает возможность применить *генеалого-топографический метод* для выяснения контуров застроенной территории Заорлицкой части на 1718 г. Сопоставляя списки подьячих Введенского и Егорьевского приходов

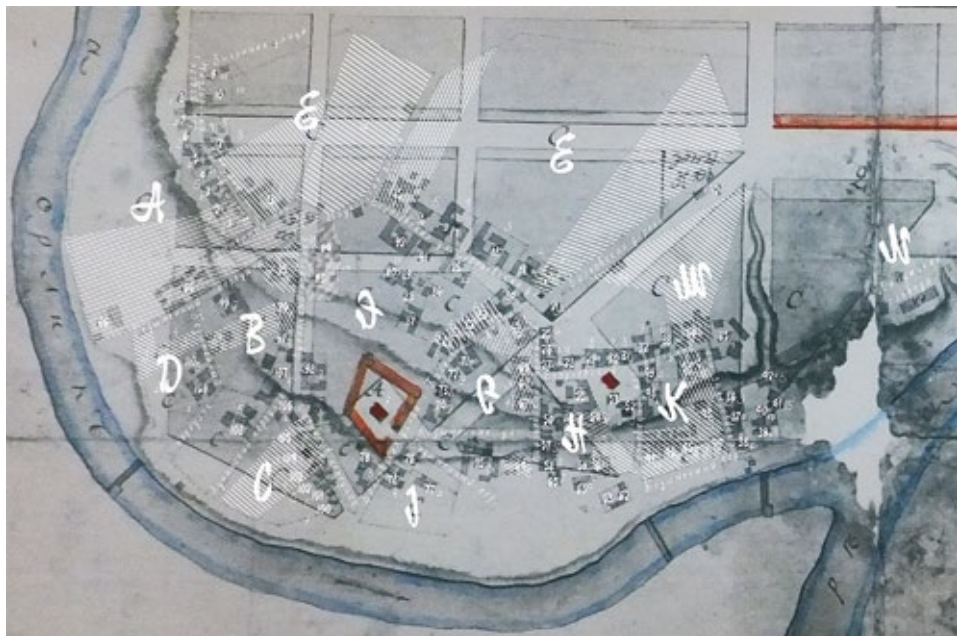

Рис. 5. Фрагментарная реконструкция планировки Заорлицкой части Орла на 1718 г. генеалого-топографическим методом. Показано штриховкой

1718 г. с восстановленной экспликацией плана 1780 г., находим на плане соответствующие фамилиям и чину дворы — иногда обнаруживается прямое наследование: имя в списке 1718 г. в экспликации 1780 г. становится отчеством. С учетом всей площади владений, установленной по Полевым запискам, выделяем эти дворы на плане 1780 г. штриховкой — таким образом выделенное показывает расположение некоторых дворов на 1718 г. и контуры городской планировки в тот период (рис. 5). Конечно, надо учитывать рост семейств, когда из 1, 2, 3 дворов образуются целые группы, но сосредоточены они, как правило, в одном месте, что представляет процесс нового дворообразования как деления крупного двора на более мелкие — на это уже обращалось внимание (Кушелев 2024b) — и в данном случае подтверждается восстановленным источником. Плохая сохранность начала Переписной книги 1718 г. позволяет провести данную реконструкцию лишь частично: выявлены места локализации на 1718 г. усадеб орловских подьячих Луниных, Телегиных, Оловениковых, Селиховых, Бухвостовых, Сорокиных, Фёдоровых, Брусенцовых, Соймоновых. Несмотря на некоторую долю гипотетичности такого метода, —

при наблюдаемой в городе общей закономерности нового дворообразования делением крупного домовладения на более мелкие параллельно разрастанию семейств и формирования таким образом *патрономического «родового гнезда»*, предлагаемая *ретроспективная генеалого-топографическая реконструкция планировки* представляется в целом достоверной. По ней мы видим, что площадь селитьбы на 1780 г. была освоена уже в 1718 г. и *говорить о выраженном «росте города» нет оснований*.

Данная статья вносит определенный вклад в изучение русского средневекового города, в частности, в его методологию. В продолжение уже опубликованных работ автора (Кушелев 2024a; Кушелев 2024c) в ней демонстрируется потенциал нового источника по истории русского градостроительства — Полевых записок Генерального межевания XVIII в. Первая публикация Плана части г. Орла 1780 г., его реконструкция на основе Полевых записок с показом методики ее проведения не только вводит в научный оборот уникальный документ для изучения этого города, но и показывает, что аналогичные источники должны существовать и по другим русским городам, где проходил тот же процесс перестройки

по Регулярным планам, с которым непосредственно связан восстановленный памятник. Первая апробация *генеалогическо-топографического метода* реконструкции средневековой планировки русских городов также значима сама по себе, поскольку этот метод предполагает универсальное применение и не может быть привязан к одному конкретному городу. Основной вывод при его использовании применительно к Орлу заключается в том,

что границы территории селиться в показанной части города в начале и конце XVIII в. принципиально не изменились. Не исключено, что данный метод покажет аналогичную динамику и в других городах. Наряду с ранее вышедшими публикациями автора это развеивает мифическое представление о непрерывном росте города, показывая его существование в истории как *внутреннюю трансформацию в целом стабильной структуры*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агар. — «агарод»

В. к. ж. — вдовы купеческой жены

В. м. ж. — вдовы мещанской жены

Вольн. чел. — вольного человека

В. регистр-ши — вдовы регистраторши
Губерск. секл. — «губерского секлетаря»

Д. — двор

Доч. — дочери

Коллеск. асес. — «коллеского асесора»

К. — купца

К-в — купцов

М. — мещанина

Мон-ря — монастыря

Моск. — московского

О. — огород

О. ж. — однодворческой жены

Отст. — «отставного»

О-ца — однодворца

Помещ. — помещика

Рег. — регистратора

Саборн. — «саборной»

Свщ. и церк. служ-лей — священно-
и церковнослужителей

Секл. — «секлетаря»

Титул. сов. — титулярного советника

Умерш. — умершего

Ц. — церкви

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ГАОО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1609 — Государственный архив Орловской области. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1609. Геометрической план города Орла Ильинской площади. Б/д.

ГАОО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 68 — Государственный архив Орловской области. Ф. 88. Оп. 2. Д. 68. Выкопировка с Плана части города Орла, лежащей по левому берегу реки Орлика, 1901 г.

ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 5 — Государственный архив Орловской области. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 5. План части города Орла, лежащей по левому берегу реки Орлика с копированной из Высочайше подтвержденного городу Орлу плана. После 1779 г.

ООКМ. Инв. № 15481 — Орловский областной краеведческий музей. Инв. № 15481. План г. Орла 1879 г. Издан архитектором А.С. Вишневым.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 59 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 59. Документы, касающиеся управления и состояния города Орла, 1635–1636 гг.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 65 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 65. Документы о построении г. Орла после

Литовского разорения на старом орловском городище, 1635–1636 гг.

РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономики. Оп. 14. Д. 8578 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономики. Оп. 14. Д. 8578. Выпись воеводы М.А. Челищева г. Орла Введенского монастыря игуменьи Евдокии на землю под кельи и огороды, 1693 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 301. 1718 г. Лл. 287–519 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 301. 1718 г. Лл. 287–519. Книги переписные церковей г. Орла.

РГАДА. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 40. 1778 г. — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 40. Полевые записки города Орла на дворовые места купечества и мещанства, 1778 г.

Алфёрова 1989 — Алфёрова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., Стройиздат, 1989.

Воронина 2022 — Воронина О.С. Картография Сибири XVII–XX вв.: исследовательский потенциал и методика работы с картографической информацией // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. № 5. 2022. С. 60–70.

- Гуляницкий 1993 — Древнерусское градостроительство X–XV веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993.
- Емельянов 1986 — Емельянов В.Г. Улицы города Орла. История названий. Справочник. Тула: Приокское книжное издательство, 1986.
- Караваяева 1964 — Караваяева Е.М. Градостроительное развитие Суздаля // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 1. М., 1964.
- Кусов 1989 — Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989.
- Кусов 1993 — Кусов В.С. Чертежи Земли Русской XVI–XVII вв.: Каталог-справочник. М.: ИИА Русский мир, 1993.
- Кусов 2007 — Кусов В.С. Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007.
- Кушелев 2020 — Кушелев И.Е. Пространство Орла как художественное целое. История формирования городского ландшафта. XVIII – середина XX в. Орёл: Картуш, 2020.
- Кушелев 2023 — Кушелев И.Е. Территориальная структура города Орла в средневековый период // Архитектурное наследие. Вып. 79. 2023. С. 39–61.
- Кушелев 2024а — Кушелев И.Е. Опыт реконструкции дорегулярной топонимики города Орла на материале Полевых записок Генерального межевания 1778 г. // Вопросы всеобщей истории архитектуры. № 1 (22). 2024. С. 109–125.
- Кушелев 2024б — Кушелев И.Е. Генеалогический топографический метод реконструкции русского города XVII–XVIII вв. (на примере Орла) // Урбанистика. № 4. 2024. С. 64–103.
- Кушелев 2024с — Кушелев И.Е. Новые архивные данные по конфигурации плана кремля города Орла в XVI–XVIII веках // Архитектурная археология. Вып. 6. 2024. С. 226–234.
- Мазур 2006 — Мазур Л.Д. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. Тула: ИПП «Гриф и К», 2006.
- Мазур 2009 — Мазур Л.Д. Процесс дворообразования на посадских землях. По материалам генеральных переписей XVII века Владимира, Суздаля, Шуи, Юрьева-Польского // Academia. Архитектура и строительство. № 3. 2009. С. 78–82.
- Мазур 2010 — Мазур Л.Д. Социальная топография посадских людей Владимира, Суздаля, Шуи, Юрьева-Польского. По материалам генеральных переписей первой трети XVII века // Academia. Архитектура и строительство. № 2. 2010. С. 87–91.
- Мазур 2011а — Мазур Л.Д. Изобразительные источники по истории города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма (Владимир, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский) // Architecture and Modern Information Technologies. № 3 (16). 2011. С. 1–21.
- Мазур 2011б — Мазур Л.Д. Обеленное и тяглое начала в русском городе XVII в. (на примере Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьева-Польского) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1. 2011. С. 21–24.
- Мазур 2012а — Мазур Л.Д. Планировочная и объемно-пространственная структура Суздаля XVII века // Architecture and Modern Information Technologies. № 1 (18). 2012. С. 1–22.
- Мазур 2012б — Мазур Л.Д. Реконструкция плана подворных владений Шуи 1629 г. // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1. 2012. С. 43–48.
- Мазур 2012с — Мазур Л.Д. Владимир XVII века глазами чиновников // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 4. 2012. С. 37–45.
- Моргунов 2021 — Моргунов А.К., Муратов С.Ф., Таратутин И.Б., Гук П.А. К вопросу о самом стабильном элементе градостроительных структур — кадастре, о Комиссии строевых, правилах землепользования и застройки как факторах влияния на формирование городской среды // Наука, образование и экспериментальное проектирование. № 1. 2021. С. 131–134.
- Пашина 2024 — Пашина Е.В. Роль картографических источников в проектной деятельности по сохранению объектов культурного наследия // Геодезия и картография. № 10. 2024. С. 22–31.
- Саран 2016 — Саран А.Ю. Как пойдешь по Болховской... Орёл: РАНХиГС, 2016.
- Тверской 1953 — Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка городов. Л., М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.

Фёдоров 1967 — Фёдоров С.И. Планировка и застройка городских общественных центров Курска, Орла и Белгорода (некоторые вопросы историко-архитектурного и художественного развития) : дис. ... канд. искусствоведения. Орёл, 1967.

Фёдоров 1968 — Фёдоров С.И. Планировка и застройка городских общественных центров Курска, Орла и Белгорода (некоторые вопросы историко-архитектурного и художе-

ственного развития) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1968.

Фёдоров 1975 — Фёдоров С.И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода — комплексные памятники истории и культуры. Л.: Стройиздат, 1975.

Фёдоров 1987 — Фёдоров С.И. Записки архитектора. Тула: Приокское книжное издательство, 1987.

Щенков 1980 — Щенков А.С. Опыт реконструкции плана Твери XVII в. // Архитектурное наследство. № 28. 1980. С. 29–36.

REFERENCES

Alferova G.V. *Russkie goroda XVI–XVII vekov (Russian cities of the 16th–17th centuries)*. Moscow: Stroizdat Publ., 1989 (in Russian).

Voronina O.S. Kartografiia Sibiri XVII–XX vv.: issledovatel'skii potentsial i metodika raboty s kartograficheskoi informatsiei (Cartography of Siberia in the 17th–20th centuries: research potential and methods of working with cartographic information). *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova (Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov)*, no. 5, 2022, pp. 60–70 (in Russian).

Drevnerusskoe gradostroitel'stvo X–XV vekov (Old Russian Urban Planning of the X–XV Centuries). Ed. N.F. Gulianitskogo. Moscow: Stroizdat Publ., 1993 (in Russian).

Emel'ianov V.G. *Ulitsy goroda Orla. Istoriia nazvanii. Spravochnik (Streets of the city of Oryol. History of names. Handbook)*. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986 (in Russian).

Kusov V.S. *Kartograficheskoe iskusstvo Russkogo gosudarstva (Cartographic art of the Russian state)*. Moscow: Nedra Publ., 1989 (in Russian).

Kusov V.S. *Chertezhi Zemli Russkoi XVI–XVII vv.: Katalog-spravochnik (Drawings of the Russian Land in the 16th–17th centuries: Catalogue-reference book)*. Moscow: Russkii mir Publ., 1993 (in Russian).

Kusov V.S. *Moskovskoe gosudarstvo XVI – nachala XVIII veka: Svodnyi katalog russkikh geograficheskikh chertezhei (Moscow State of the 16th – early 18th centuries: Consolidated Catalogue of Russian Geographical Drawings)*. Moscow: Russkii mir Publ., 2007 (in Russian).

Kushelev I.E. *Prostranstvo Orla kak khudozhestvennoe tseloe. Istoriia formirovaniia gorodskogo landshafta. XVIII –*

ser. XX vv. (The space of the Orel as an artistic whole. The history of the formation of the urban landscape. XVIII – mid. XX centuries). Orel: Kartush Publ., 2020 (in Russian).

Kushelev I.E. Territorial'naia struktura goroda Orla v srednevekovyi period (Territorial structure of the city of Oryol in the medieval period). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, no. 79, 2023, pp. 39–61 (in Russian).

Kushelev I.E. Opyt rekonstruktsii doregularnoi toponimiki goroda Orla na materiale Polevykh zapisok General'nogo mezhvaniia 1778 g. (The Experience of Reconstruction of the Pre-Regular Toponymy of the City of Oryol on the Material of the Field Notes of the General Land Survey of 1778). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 1 (22), 2024, pp. 109–125 (in Russian).

Kushelev I.E. Genealogo-topograficheskii metod rekonstruktsii russkogo goroda XVII–XVIII vv. (Na primere Orla) (Genealogy and Topographical Method of Reconstruction of the Russian City of the XVII–XVIII Centuries (On the Example of the Orel)). *Urbanistika*, no. 4, 2024, pp. 64–103 (in Russian).

Kushelev I.E. Novye arkhivnye dannye po konfiguratsii plana kremliia goroda Orla v XVI–XVIII vekakh (New archival data on the configuration of the plan of the Kremlin of the city of Oryol in the XVI–XVIII centuries). *Arkhitekturnaia arkhologiya (Architectural archaeology)*, vol. 6, 2024, pp. 226–234 (in Russian).

Mazur L.D. *Russkii gorod XI–XVIII vv. Vladimirskaia zemlia (Russian city of the 11th–18th centuries. Vladimir land)*. Tula: IPP “Grif i K” Publ., 2006 (in Russian).

- Mazur L.D. Protsess dvoroobrazovaniia na posadskikh zemliakh. Po materialam general'nykh perepisei XVII veka Vladimira, Suzdalia, Shui, Iur'eva-Pol'skogo (The process of courtyard formation on the posad lands. Based on the materials of the general censuses of the 17th century of Vladimir, Suzdal, Shuya, Yuryev-Polsky). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo (Academy. Architecture and construction)*, no. 3, 2009, pp. 78–82 (in Russian).
- Mazur L.D. Sotsial'naia topografiia posadskikh liudei Vladimira, Suzdalia, Shui, Iur'eva-Pol'skogo. Po materialam general'nykh perepisei pervoi treti XVII veka (Social topography of the tradesmen of Vladimir, Suzdal, Shuya, Yuryev-Polsky. Based on the materials of the general censuses of the first third of the 17th century). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo (Academy. Architecture and construction)*, no. 2, 2010, pp. 87–91 (in Russian).
- Mazur L.D. Izobrazitel'nye istochniki po istorii goroda do perioda ego reguliarnykh preobrazovaniy epokhi klassitsizma (Vladimir, Suzdal', Shuia, Iur'ev-Pol'skii) (Visual sources on the history of the city before the period of its regular transformations of the Classicism era (Vladimir, Suzdal, Shuya, Yuryev-Polsky)). *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 3 (16), 2011, pp. 1–21 (in Russian).
- Mazur L.D. Obelennoe i tiagloe nachala v russkom gorode XVII v. (na primere Vladimira, Suzdalia, Shui i Iur'eva-Pol'skogo) (Whitewashed and taxable beginnings in a Russian city of the 17th century (based on the example of Vladimir, Suzdal, Shuya and Yuryev-Polsky)). *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN (Academic bulletin UralNIiproekt RAASN)*, no. 1, 2011, pp. 21–24 (in Russian).
- Mazur L.D. Planirovochnaia i ob'emno-prostranstvennaia struktura Suzdalia XVII veka (Planning and spatial structure of Suzdal in the 17th century). *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 1 (18), 2012, pp. 1–22 (in Russian).
- Mazur L.D. Rekonstruktsiia plana podvornykh vladenii Shui 1629 g. (Reconstruction of the plan of the courtyards of Shuya in 1629). *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN (Academic Bulletin of UralNIiproekt RASN)*, no. 1, 2012, pp. 43–48 (in Russian).
- Mazur L.D. Vladimir XVII veka glazami chinovnikov (Vladimir of the 17th century through the eyes of officials). *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN (Academic Bulletin of UralNIiproekt RASN)*, no. 4, 2012, pp. 37–45 (in Russian).
- Morgunov A.K., Muratov S.F., Taratutina I.B., Guk P.A. K voprosu o samom stabil'nom elemente gradostroitel'nykh struktur — kadastru, o Komissii stroenii, pravilakh zemlepol'zovaniia i zastroiки kak faktorakh vliianiia na formirovanie gorodskoi sredy (On the issue of the most stable element of urban development structures — the cadastre, the Building Commission, land use and development rules as factors influencing the formation of the urban environment). *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie (Science, Education and Experimental Design)*, no. 1, 2021, pp. 131–134 (in Russian).
- Pashina E.V. Rol' kartograficheskikh istochnikov v proektnoi deiatel'nosti po sokhraneniui ob'ektov kul'turnogo nasledii (The role of cartographic sources in project activities for the preservation of cultural heritage sites). *Geodeziia i kartografiia (Geodesy and cartography)*, no. 10, 2024, pp. 22–31 (in Russian).
- Saran A.Iu. *Kak poidesh' po Bolkhovskoi... (As you walk along Bolkhovskaya...)*. Orel: RANKhiGS Publ., 2016 (in Russian).
- Fedorov S.I. *Tsentry gorodov Orla, Kurska i Belgoroda — kompleksnye pamiatniki istorii i kul'tury (The city centers of Orel, Kursk and Belgorod are complex historical and cultural monuments)*. Leningrad: Stroiizdat Publ., 1975 (in Russian).
- Fedorov S.I. *Zapiski arkhitekтора (Notes of an Architect)*. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987 (in Russian).
- Shchenkov A.S. Opyt rekonstruktsii plana Tveri XVII v. (Experience of reconstructing the plan of Tver in the 17th century). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, no. 28, 1980, pp. 29–36 (in Russian).

О.В. Баева, А.С. Шесторкина

АРХИТЕКТУРА ДОМА ДУДЕКОВЫХ В ПАНАГЮРИШТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭПОХУ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ¹

Статья посвящена всестороннему анализу Дома Дудековых (Дудекова къща) в болгарском городе Панагюриште как выдающегося памятника архитектуры болгарского Возрождения (XVIII – 1870-е гг.). Авторы исследуют архитектурно-художественные и функциональные особенности здания, раскрывая его социальное и историческое значение. Дом, построенный в 1853–1856 гг., принадлежал торговцу Петру Дудекову и отразил социокультурные изменения эпохи, вызвавшие потребность в формировании идентичности. В статье рассматриваются симметричная планировка, декоративные элементы (алафранги, резьба по дереву), а также ставятся вопросы о влияниях разных традиций на становление архитектурного стиля. Внимание уделяется роли дома в событиях Апрельского восстания 1876 г., что подчеркивает его мемориальную ценность. Исследование основано на библиографических, архивных и натурных данных.

Ключевые слова: болгарское Возрождение, архитектура Болгарии, Дом Дудековых, Панагюриште, национальная идентичность

O.V. Baeva, A.S. Shestorkina

THE ARCHITECTURE OF THE DUDEKS' HOUSE IN PANAGYURISHTA AS A REFLECTION OF SOCIOCULTURAL CHANGES DURING THE BULGARIAN NATIONAL REVIVAL

The article presents a comprehensive analysis of the Dudeks' House (Dudekova kash-ta) in the Bulgarian town of Panagyurishte as an outstanding architectural monument of the Bulgarian National Revival (18th century – 1870s). The authors examine the architectural, artistic, and functional features of the building, revealing its social and historical significance. Constructed between 1853 and 1856, the house belonged to the merchant Petar Dudekov and reflected the sociocultural transformations of the era, which necessitated the formation of a bourgeois identity. The article discusses the symmetrical layout, decorative elements (alafranga, woodcarving), and raises questions about the influence of various traditions on the development of the architectural style. Special attention is given to the house's role in the events of the April Uprising of 1876, highlighting its memorial value. The research is based on bibliographic, archival, and field data.

Keywords: Bulgarian National Revival, Bulgarian architecture, Dudeks' House, Panagyurishte, national identity

ВВЕДЕНИЕ

Архитектура эпохи Возрождения в Болгарии (XVIII в. – 1870-е гг.) представляет значимый этап в истории национального зодчества. После столетий ограничений, наложенных османским владычеством, этот период ознаменовался культурным и национальным про-

буждением и созданием архитектурных объектов, ставших символами идентичности — от домов зарождающейся буржуазии до общественных зданий, храмов и школ. В этих памятниках органично соединились народное художественное наследие и эстетические представления, стремление к культурному возрождению, а также восточные и западные влияния.

¹ О.В. Баева выполнила исследование в филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ по Плану фундаментальных исследований РААСН и Минстроя России на 2025 год, тема 1.1.1.2

Изучение архитектуры болгарского Возрождения имеет давнюю традицию: от общих трудов первой половины XX в. до современных исследований, в которых решались различные вопросы и развлеклись дискуссии о влияниях и стилистических особенностях жилого зодчества, о генезисе форм и их местных народных истоках, о региональных типах жилищ и в целом о том, что понимать под «османским» или «балканским» домом, который с одной стороны демонстрирует некие устойчивые черты, а с другой — имеет отличия в разных странах.

Несмотря на значительный объем накопленных знаний, многие вопросы и сегодня остаются дискуссионными, включая проблему соотношения внешних влияний и локальных традиций. Однако введенный в научный оборот фактический материал, аргументированные положения и выводы, разработанная хронология эволюции жилого дома периода болгарского Возрождения позволяют сосредоточиться на изучении отдельных объектов. Особого внимания заслуживает анализ конкретных памятников, которые, несмотря на свою известность, не становились предметом комплексного историко-архитектурного исследования. К таким объектам относится Дом Дудека (Дудекова къща) в Панагюриште — выдающийся образец жилой архитектуры, связанный с историей освободительного Апрельского восстания 1876 г. Хотя его историческая судьба хорошо известна (Обновиха 2020), архитектурные особенности до сих пор не получили системного осмысления.

Цель данной статьи — комплексный анализ Дома Дудека в Панагюриште как памятника эпохи болгарского Возрождения, раскрытие его архитектурно-художественных, функциональных особенностей и культурного значения. Материалами исследования служили библиографические, архивные и натурные исследования авторов.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Изучение жилой архитектуры указанной эпохи развивалось по нескольким ключевым направлениям, имеющим принципиальное значение для последующего анализа таких объектов, как Дом Дудека. Основное внимание исследова-

телей было сосредоточено на следующих аспектах: типология региональных вариантов жилых домов, эволюция архитектурных форм на разных этапах болгарского Возрождения, а также на проблеме генезиса и трансформации архитектурных и декоративных элементов под влиянием различных культурных влияний.

Систематические исследования болгарской архитектуры, появившиеся в 1930–1940-е гг., связывали ее развитие с социально-экономическими изменениями и формированием зажиточного слоя торговцев и производителей. Т. Златев в своих работах (Златев 1937; Златев 1948) выделил основные типы сельского и городского жилища, подчеркивая их региональное разнообразие, обусловленное как природными условиями, так и традициями. Автор считал, что на архитектуру национального Возрождения, распространявшуюся в болгарских городах, повлиял итальянский ренессанс, особенно ярко представленный в пловдивских домах («пловдивский стиль»). Он показал, что новые постройки, сохраняя определенную функциональную преемственность и региональные варианты, отличались от традиционных асимметричных деревянных домов строгой симметрией плана и большим использованием кирпича или камня (Златев 1937). Период национального Возрождения Т. Златев называл этапом рождения нового болгарского дома, вместе с тем ставил вопросы о появлении турецкого дома и этническом происхождении хозяев.

М.П. Цапенко, развивая эти мысли, акцентировал внимание на вариативности региональных планировочных решений в довозрожденческий период и на этапе возрождения. Он подчеркивал роль влияния соседних стран — России, Румынии, Греции и Сербии на архитектуру нового типа дома. Автор так описал изменения в структуре жилого дома эпохи зрелого возрождения: группировка комнат вокруг очага, характерная для старых сельских домов, заменяется четким зонированием жилых и хозяйственных помещений, деревянные нижние этажи вытесняются каменными, появляется центральная парадная лестница. Теперь ключевыми компонентами планировки стали расположенные по центральной оси главный вход, вестибюль и лестница. В фасадном оформлении автор отмечал усвоение элементов европейской клас-

сики и барокко, проявлявшееся в таких деталях, как навесы на тонких колонках и барочные декоративные мотивы (Цапенко 1953).

Авторы второй половины XX в. продолжали дискуссию об архитектурных влияниях и стилевых особенностях. Если одни исследователи, вслед за Т. Златевым, видели отражение итальянских ренессансных влияний, то другие, как М. Бичев, настаивали на преобладании европейских барочных элементов. О последнем, по мнению автора, свидетельствовали динамичная роль лестницы в композиции, четко очерченные оси симметрии, вогнуто-выпуклые элементы на фасаде, такие как изогнутые фронтоны, эркеры и другое. Он отмечал, что было три разных центра архитектурного влияния: Одесса, Вена и Стамбул, указывая на то, что влияние Вены недооценивается (Бичев 1955).

При этом исследователи обращали внимание на сложное взаимодействие заимствованных и местных традиций, подчеркивая не слепое копирование, а творческую переработку внешних влияний и значение народной сельской архитектуры в становлении нового дома эпохи национального подъема. Другие авторы старались вывести генезис возрожденческой жилой архитектуры исключительно из местной строительной традиции, отказывая во влиянии османскому центру (Кожухаров, Ангелова 1971), но не вдавались в подробности этнического происхождения заказчиков и анализа аналогов на Балканском полуострове. Эта тенденция признания домов болгарского Возрождения как чисто болгарских преобладала (Дечев 2010: 5).

Г. Стойков и Г. Кожухаров прямо указывают на то, что в конце XVIII – XIX в. местные типы жилищ получают дальнейшее развитие — помещения становятся выше, светлее, появляются специализированные зоны. Этот процесс проходит два основных этапа: с конца XVIII в. по 1830-е гг., когда формируются новые местные типы, и с 1840-х по 1870-е гг., когда происходит их обогащение новыми архитектурными элементами. Процесс этот достиг своей высшей точки в пловдивском районе, где на основе местных строительных традиций складывается уникальная архитектура состоятельных горожан и рождается пловдивский стиль. Ранние постройки 1850-х гг. еще сохраняют асимметричную

планировку. Однако уже в этот период появляются и симметричные композиции (например, дом Десева), где комнаты группируются вокруг центральных холлов первого и второго этажа. Также распространение в этот период получают волнообразные линии фасадов. Их симметрия, подчеркнутая навесом над входом и центральной лестницей, придает этим постройкам особую статусность, отвечающую запросам владельцев. Одновременно растет количество и размер окон, увеличивается высота жилых этажей, а потолочные украшения усложняются — геометрический орнамент дополняется композициями в виде соляных знаков. Авторы особо подчеркивают, что в этой архитектуре переосмысливаются формы барокко, чувствуется влияние классицизма, но «эти элементы настолько изменены и подчинены общей композиции зданий, что невозможно говорить о барокко и классицизме в болгарской архитектуре рассматриваемого времени», а надо указать на создание оригинального национального их варианта (Стойков, Кожухаров 1969).

В современных исследованиях темы поднимаемые в XX в. остаются актуальными. Как отмечают в своих работах Р. Райчева и С. Полван, болгарские исследователи признают наличие иностранных влияний, однако подчеркивают, что местные строительные традиции прошли длительную эволюцию, сформировав в итоге уникальный национальный архитектурный язык. Авторы доказывают, что, несмотря на отдельные сходства, турецкие и болгарские жилые дома демонстрируют существенные различия (Raycheva 2012; Polvan, Raycheva 2012).

Ч. Маринов, напротив, обращает внимание на то, что вестернизация первоначально затронула придворную архитектуру османской столицы, и лишь затем, будучи переработанной в Стамбуле, проникала в провинции империи. Так называемые «барочные» элементы в архитектуре Пловдива XIX в., по его мнению, представляли собой проявление «османского барокко». Парадоксальным образом, считает автор, чем активнее провинции перенимали западные влияния, тем более «османский» характер приобретала их архитектура. Этот процесс преимущественно затрагивал городское строительство.

Особенно показателен пример Пловдива, где в 1830–1840-х гг. сложился само-

бытный архитектурный стиль, оказавший значительное влияние на городскую архитектуру Болгарии. В городе и его окрестностях массово строились богатые дома с симметричными планами и ярко выраженными элементами «османского барокко/рококо». Их связь с официальным стилем османской архитектуры XVIII–XIX вв. очевидна, считает Маринов (Marinov 2017).

Особого внимания заслуживает характерный элемент пловдивского стиля — изогнутый фронтон (щипец) на главном фасаде, известный в Болгарии как «кобилица»². Происхождение этого элемента остается предметом научных дискуссий. Болгарские исследователи Г. Кожухаров и Р. Ангелова находят его корни в средневековой доосманской церковной архитектуре (Кожухаров, Ангелова 1971), а Ч. Маринов отмечает, что нельзя отрицать того, что в XIX в. этот дугообразный силуэт получил распространение не только в гражданской, но и в церковной архитектуре других городов османского влияния (Marinov 2017).

Таким образом, до настоящего момента дискуSSIONными остаются вопросы о генезисе архитектурных форм периода болгарского Возрождения, включая проблему культурных заимствований и определения реального масштаба влияния на местные строительные традиции. Не до конца решенным остается тезис о различии между сельской и городской архитектурой, отмечаются тенденции выводить вторую из первой (Ангелова, Жукова 2024). С другой стороны, многие исследователи отмечают, что именно городская среда стала основной площадкой для архитектурных новаций эпохи Возрождения (Marinov 2017).

В то же время современная историография демонстрирует определенный консенсус по ряду ключевых аспектов истории архитектуры болгарского Возрождения. Прежде всего это признание определяющей роли внутренних социально-экономических процессов на болгарских землях, которые стали движущей силой национального Возрождения. К ним относятся процессы урбанизации и формирование зажиточного слоя горо-

жан, выступивших основными заказчиками новых домов.

В научной литературе также устоялась периодизация эволюции жилой архитектуры болгарского Возрождения. Первый этап (конец XVIII в. – 1830-е гг.) характеризуется формированием местных типов домов, сохранявших асимметричные композиции. Второй этап (1840-е – 1870-е гг.) отмечен утверждением симметричных планировочных решений и появлением новых архитектурных элементов, знаменовавших становление зрелых форм городского жилища эпохи Возрождения. Важно отметить, что в разных регионах Болгарии этот процесс протекал неравномерно. Если в Пловдиве к 1850-м гг. сформировались симметричные композиции, то в некоторых районах асимметричные планы сохранялись дольше. Это позволяет рассматривать ранние постройки 1850-х гг. как важный источник для понимания региональных различий в архитектуре болгарского Возрождения.

Таким образом, историографический анализ позволил выделить ключевые аспекты, необходимые для анализа архитектуры Дома Дудека. Прежде всего, особое значение приобретает анализ стилистических особенностей, позволяющий определить место дома в эволюции болгарской жилой архитектуры. Не менее важным аспектом является социально-исторический контекст создания памятника. Дом Дудека требует рассматривания через призму процессов урбанизации и формирования нового слоя состоятельных горожан. Эти и другие выявленные аспекты в их взаимосвязи позволяют перейти к комплексной оценке Дома Дудека как памятника архитектуры болгарского Возрождения.

ИСТОРИЯ ДОМА ДУДЕКА

Дом находится в центральной части Южной Болгарии, в Панагюриште — небольшом горнолыжном курортном городке, расположенном у подножия Средна-Горы. Через город протекает река Луда Яна, которая является основным источником водоснабжения региона. Высота над уровнем моря составляет около 540 м, рельеф преимущественно холмистый. Территория муниципалите-

² Слово «кобилица» происходит от болгарского «кобила» (лошадь; «конёк» — по аналогии с коньком крыши). Это — декоративный коромыслообразный элемент, венчающий фасады домов болгарского Возрождения. Чаще всего встречается в домах Пловдива, но также присутствует в других городах Болгарии (например, в Копривштице, Травне).

та Панагюриште относится к переход-но-континентальной климатической зоне, с теплым летом и мягкой зимой. Среднегодовая температура составляет около 10 °С, а продолжительные морозы зимой случаются редко. Лето теплое, но из-за высоты над уровнем моря жара не бывает сильной. Благодаря рельефу и климату природа вокруг Панагюриште красива и привлекательна.

Дом, возведенный в 1853–1856 гг., принадлежал Петру Дудекову — успешному торговцу, специализировавшемуся на шелке, мехах и сукне (Обновиха 2020). Как представитель формирующейся буржуазии, Дудеков стремился подчеркнуть свой социальный статус через архитектуру жилища. Репрезентативная функция здания была реализована посредством богатого декоративного убранства: изысканной резьбы по дереву, тщательно проработанных архитектурных деталей и росписи, украшавшей стены, дверных проемов и потолочных конструкций. Эти элементы наглядно демонстрировали финансовые возможности и эстетические запросы владельца.

Дом Дудековых занимает особое место в истории болгарского национально-освободительного движения как свидетель трагических событий Апрельского восстания 1876 г. Иван Дудеков, сын вла-

дельца дома, входил в состав революционного комитета Васила Левского, а семья Дудековых активно поддерживала подготовку восстания, оказывая ему в том числе и финансовую помощь. Во время штурма Панагюриште турецкими войсками дом стал убежищем для женщин и детей, укрывавшихся в подвале от башибузуков. Однако нападавшие ворвались внутрь, и семья Дудековых погибла. Эти события сделали дом важным мемориальным объектом, символизирующим борьбу болгарского народа за освобождение.

В настоящее время Дом Дудековых входит в состав музейного комплекса, расположенного в историческом центре Панагюриште. В ходе реставрации 1990–1996 гг. памятник был приведен в первоначальный вид с максимальным сохранением всех исторических деталей. Особое внимание было уделено консервации следов разрушений — отметин от ятаганов и другого оружия, оставшихся со времен трагических событий 1876 г. Интерьеры дома были восстановлены, что позволяет посетителям в полной мере ощутить атмосферу эпохи болгарского Возрождения и драматических моментов национально-освободительной борьбы.

Рис. 1. Ворота Дома Дудекова. Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

ДОМ ДУДЕКА КАК ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Несмотря на сложный холмистый рельеф Панагюриште, строителям удалось найти оптимальное место для возведения дома, расположив его в историческом центре города. Архитектурный комплекс включает главное здание, размещенное в центре двора, обнесенного каменной оградой высотой более метра. Особенности местного ландшафта обусловили расположение въездных ворот — они ориентированы по диагонали к улице, что обеспечивало удобный подъезд для транспорта. Деревянные ворота, ведущие во внутреннее пространство двора, подчеркивают переход от общественной городской среды к частной территории (рис. 1). Двор выполняет важную буферную функцию, четко отделяя жилую зону от уличного пространства. Уже при первом взгляде на организацию двора — каменные дорожки, продуманное благоустройство — становится очевидным высокий социальный статус семьи Дудековых, их стремление к комфорту и репрезентативности жилой среды (рис. 2). В отличие от архитектуры прошлого периода, здесь наблюдается тесная связь с окружающим пространством.

Квадратный в плане дом демонстрирует симметрию, выраженную в объемно-пространственной композиции и фасадном решении. Главный фасад визуально членится на два яруса (рис. 3). Переход от нижнего к верхнему уровню акцентирован деревянным карнизом, который отделяет незначительно нависающий верхний этаж. Центральная ось фасада подчеркнута парадной входной группой, над которой расположена эркереобразная конструкция верхнего этажа. Этот выносной объем, поддерживаемый тонкими деревянными колоннами, увеличивает площадь верхнего этажа и придает фасадной композиции пластическую выразительность и вертикальный ритм. Горизонтальные и вертикальные членения фасада — стойки и балки каркаса, наличники окон с сандриками и ставнями, опорные колонны — все объемные деревянные элементы окрашены в темный насыщенный цвет. Они выделяются из плоскости однотонных оштукатуренных стен кирпичного цвета, создавая глубину и обогащая визуальное восприятие фасада. Крыша покрыта черепицей и имеет широкие свесы, которые защищают фасад от осадков. Над эркером кровля приобретает характерный коромыслообразный излом.

Декор фасадов не перегружен и сосредоточен на деревянных элементах. Это профилированные горизонтальные

Рис. 2. Двор и Дом Дудекова. Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

Рис. 3. Главный фасад Дома Дудекова. Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

и вертикальные элементы каркаса, наличники окон с треугольными сандриками, ставни и массивный карниз, а также геометрический орнамент (рис. 4).

С тыльной стороны расположен дополнительный вход, обеспечивающий

функциональную связь с хозяйственными постройками усадьбы.

Архитектурной новацией дома является отказ от традиционных элементов — внешней лестницы и открытой веранды. Это решение демонстрирует

Рис. 4. Декоративные элементы главного фасада Дома Дудекова. Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

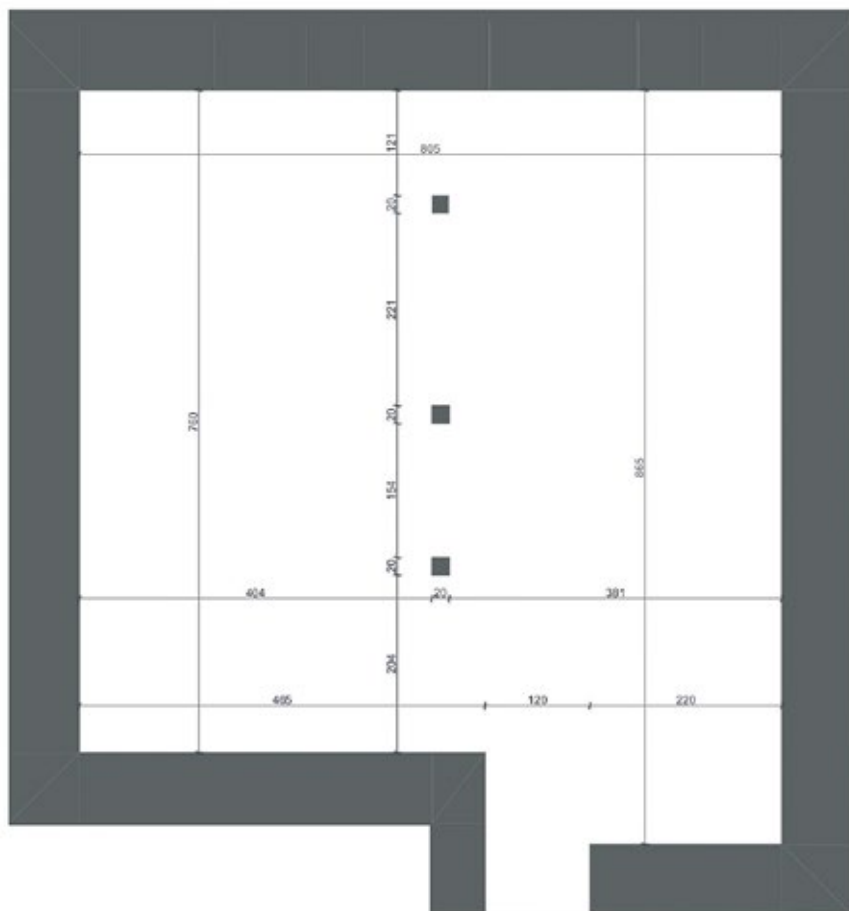

Рис. 5. План подвала Дома Дудекова. Чертеж А.С. Шесторкиной

новую систему организации жилого пространства, где все функциональные зоны органично интегрированы в единый объем.

Еще одной особенностью жилой архитектуры данного периода является продуманное устройство подвала (зимник/изба/маза) (рис. 5). Он, тесно связанный с бытовыми и хозяйственными нуждами семьи, создавался как часть цокольного этажа двухэтажных домов или как полностью заглубленное помещение. В данном случае подвал решен как полузаглубленное помещение. Доступ в него осуществляется через отдельный вход с низкой дверью и каменными ступенями, расположенными справа от главного портала. Подвал устроен в середине дома и имеет три несущие колонны, которые не только поддерживают конструкцию дома,

но и придают выразительность этому утилитарному пространству.

Визуально оба этажа кажутся одинаковыми по высоте, однако это впечатление создается за счет полузаглубленного цокольного уровня. Первый этаж оказывается несколько ниже второго, но при этом сохраняются пропорции ярусов фасадов здания. Благодаря такому решению дом приподнят над землей на 50–60 см, что демонстрирует мастерство болгарских зодчих в адаптации к местному рельефу и климату. Естественная теплоизоляция позволяет поддерживать комфортную температуру на первом жилом этаже зимой.

Первый этаж Дома Дудековых служил основным местом для повседневной жизни семьи (рис. 6). Его высота 2,5 м (меньшая по сравнению с верхним этажом) отражает рациональный подход к организации жилого пространства.

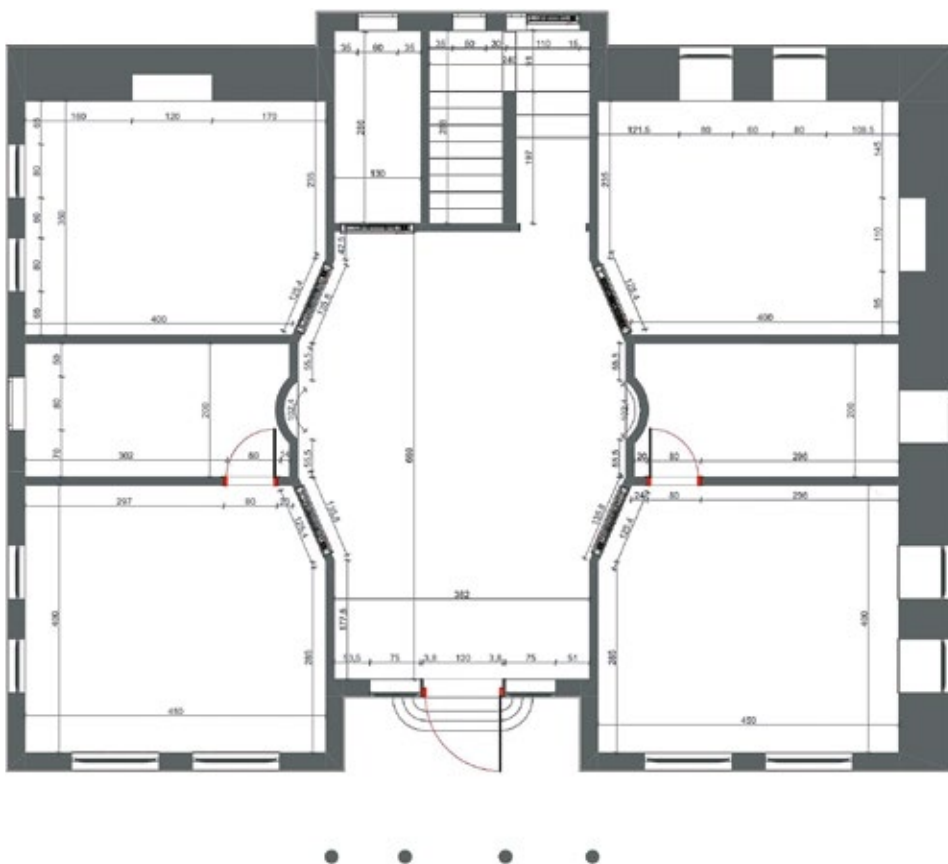

Рис. 6. План первого этажа Дома Дудекова. Чертеж А.С. Шесторкиной

Конструктивные особенности включают отсутствие внутренних несущих колонн, наличие тонких межкомнатных перегородок и различающуюся толщину наружных стен — 25 см с южной стороны и 80 см с северной, что обеспечивает эффективную теплоизоляцию в зимний период.

Первый этаж организован по принципу симметрии и включает помещения с зеркальным расположением дверных проемов, сгруппированных вокруг центральной комнаты. Композицию завершает лестничный марш, обеспечивающий связь между уровнями (рис. 7).

Здесь выделяются специализированные хозяйственные зоны, выполнявшие функции кухни. Каждое помещение отводилось для отдельной семьи/домохозяйства и каждая зона отделена дверью, благодаря чему они изолировались. Жилые комнаты («соби») выходят окнами во двор, на юг, а рабочая зона и кухня находятся в северной части дома. Очаг расположен

на кухне, встроенный в восточную стену дома. Это был основной источник отопления зимой.

Взгляд привлекает изысканная деревянная резьба, украшающая потолки и дверные проемы. Важной отличительной чертой интерьера эпохи выступают алафранги — декоративные ниши, расположенные по центру внутренних стен. Эти живописные элементы украшены фресками с растительными мотивами (рис. 8). В каждой комнате имеется свое отдельное пространство для хранения вещей (кладовка). Кладовки служили также естественной шумоизоляцией между комнатами.

Переход между этажами символизирует важную границу в организации жилой среды — от утилитарного бытового пространства к представительскому. На втором этаже открывается иное пространство, отражающее статусные аспекты жизни владельцев. Этот уровень

Рис. 7. Интерьер Дома Дудекова. Лестница.
Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

демонстрирует трансформацию традиционного жилого пространства в репрезентативную зону, где архитектурные

решения подчеркивают социальную функцию помещений. Высота его потолков и увеличенная площадь, преобразование балкона («чардака») из открытого в закрытое пространство отражают новые тенденции в жилой архитектуре. Особенностью становится замкнутая композиция с группировкой помещений вокруг центрального салона, который выполняет роль архитектурного и социального ядра этажа (рис. 9).

В отличие от традиционной веранды или галереи, салон сочетает коммуникационные и репрезентативные функции, приобретая парадный характер. При сохранении общей симметричной схемы, аналогичной первому этажу, здесь пространство организуется по новому принципу, где на первый план выходят вопросы статусности и комфорта. Такая трансформация отражает эволюцию жилой среды, когда архитектурные формы начали в большей степени отвечать социальным запросам формирующегося буржуазного класса. Центральным элементом становятся потолочные балки, украшенные сложным солярным орнаментом, символизирующим традиционные народные мотивы. Особое внимание привлекают алафранги с растительной росписью. Интерьерный ансамбль допол-

Рис. 8. Интерьер Дома Дудекова. Первый этаж. Фото А.С. Шесторкиной, 2022 г.

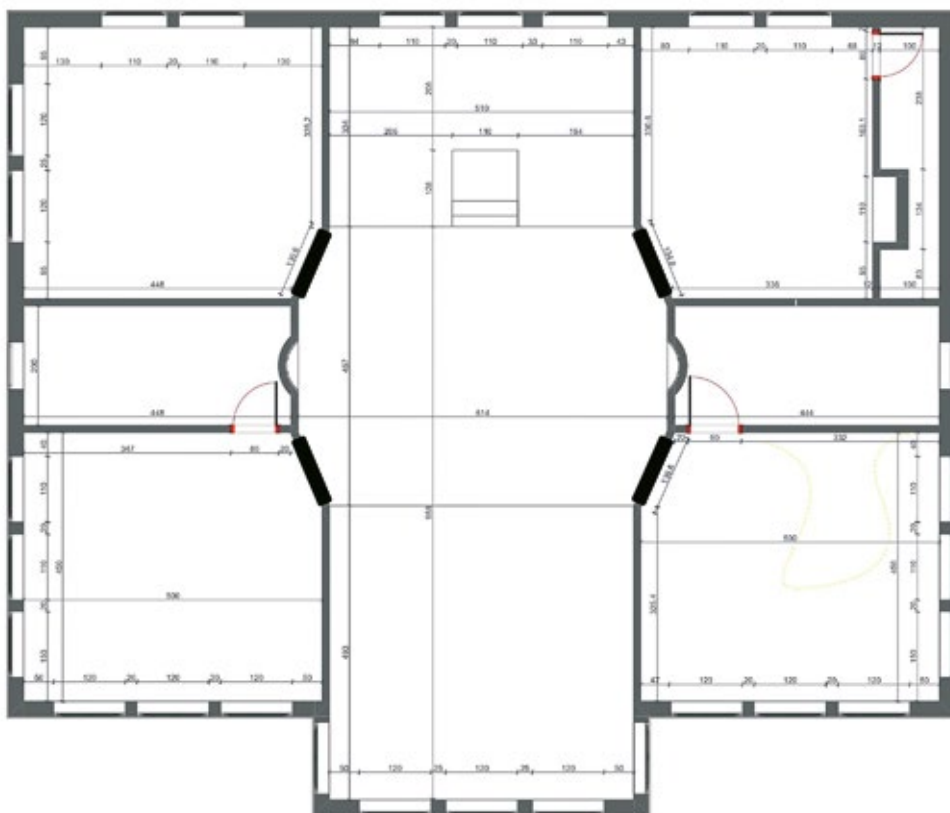

Рис. 9. План второго этажа Дома Дудекова. Чертеж А.С. Шесторкиной

няют мебель, отражающая переход от традиционных форм к более современным.

Второй этаж имеет четкое разделение пространства на мужское и женское. Правая часть этажа образует мужскую зону, включающую кабинет главы семьи (северная комната) и мужскую туалетную комнату (южная). Левая сторона отведена под женскую половину с парадной кухней и комнатой для приема гостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитектурно-пространственная организация Дома Дудековых демонстрирует синтез традиционных и новых элементов. Здание является ярким примером архитектуры болгарского Возрождения, объединившей устоявшиеся строительные приемы, эстетические предпочтения и функциональные требования эпохи. Характерные особенности дома позволяют говорить о том, что он относится к одному из ранних проявлений утверждавшегося пломбидского стиля.

Социально-исторический контекст раскрывает взаимосвязь архитектуры с формированием нового слоя зажиточных горожан и урбанизацией, охватившей национальные провинции Османской империи. Объемно-планировочные и функциональные решения (симметричная композиция, выделение жилой, хозяйственной и парадной зон, разграничение на мужскую и женскую половины и т.д.) и узнаваемые архитектурно-художественные особенности дома демонстрируют тесную связь с социальными процессами формирования буржуазной идентичности в середине XIX в. Увеличение площади домов и их богатый декор (алафранги, украшенные потолочные конструкции) были не только решением эстетики и комфорта, но и имели статусную функцию, подчеркивая положение владельца.

Необходимо отметить возможные перспективы дальнейших исследований, которые вытекают из проведенного историографического анализа и долж-

ны подтвердить, что архитектура болгарского Возрождения представляет собой не механическое заимствование, а сложный процесс культурного синтеза, где локальные традиции выступают основой для творческой трансформации внешних влияний. Для этого требуется уточнить такие вопросы, как механизмы

заимствования и адаптации архитектурных форм на болгарской земле, степень влияния конкретных культурных центров и региональные особенности строительных технологий, критерии разграничения «сельского» и «городского» в жилой архитектуре болгарского Возрождения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ангелова, Жукова 2024 — Ангелова А.А., Жукова Д.И. Особенности объемно-планировочной организации жилого дома времени Болгарского Возрождения (1762–1878 гг.) // Инженерный вестник Дона. № 5 (113). 2024. С. 515–530.
- Бичев 1955 — Бичев М. Български Барок. София, 1955.
- Дечев 2010 — Дечев С. В търсене на българското: мрежи на национална интимност XIX–XXI век. София: Институт за изследване на изкуствата, 2010.
- Златев 1937 — Златев Т. Българската къща в своя архитектурничен и културно-исторически развой // Известия ИГА. Градска къща. Кн. 2. София, 1937.
- Златев 1948 — Златев Т. Българска битова архитектура. Кн. 1. София: Научни цели, 1948.
- Кожухаров, Ангелова 1971 — Кожухаров Г., Ангелова Р. Пловдивската симетрична къща. София: БАН, 1971.
- Обновиха 2020 — Обновиха експозициите в Дудековата и Тутевата къща в Панагюрище по проект. 24.10.2020 // PAle информационен сайтс. URL: <https://pa1-media.bg/обновиха-експозициите-в-дудековата-и-тутевата-и/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Стойков, Кожухаров 1969 — Стойков Г., Кожухаров Г. Архитектура Болгарии с 1770 по 1870-е гг. // Всеобщая история архитектуры. Т. VII. Западная Европа и Латинская Америка. XVII – первая половина XIX вв. / под ред. А.В. Бунина (отв. ред.), А.И. Каплуна, П.Н. Максимова. М.: Стройиздат, 1969.
- Цапенко 1953 — Цапенко М.П. Архитектура Болгарии. 1953.
- Raycheva 2012 — Raycheva R. Architecture of Residential Buildings in Bulgaria from the Revival Period // Architecture and Urban Planning. Vol. 6. 2012. DOI: 10.7250/aup.2012.003
- Polvan, Raycheva 2012 — Polvan S., Raycheva R. Comparative Analysis of 19th c Dwelling Architecture in Turkey and Bulgaria // Инновации в горската промишленост и инженерния дизайн. No. 1. 2012. P. 63–70.
- Marinov 2017 — Marinov T. The “Balkan House”: Interpretations and Symbolic Appropriations of the Ottoman-Era Vernacular Architecture in the Balkans // Entangled Histories of the Balkans. Vol. 4. Brill, 2017. P. 440–593. DOI: 10.1163/9789004337824_008

REFERENCES

- Angelova A.A., Zhukova D.I. Osobennosti ob'emno-planirovochnoi organizatsii zhilogo doma vremeni Bolgarskogo Vozrozhdeniia (1762–1878 gg.) (Features of the spatial planning organization of a residential building during the Bulgarian Renaissance (1762–1878)). *Inzhenernyi vestnik Dona* (Engineering Bulletin of the Don), no. 5 (113), 2024, pp. 515–530 (in Russian).
- Dechev S. V m'rsene na b'lgarskomo: mrežu na natsionalna unumumnost XIX–XXI vek (In the middle of the b'lgarskomo: networks of national 19–21 century). Sofia: Institutum za izsledane na izkustvata Publ., 2010 (in Bulgarian).
- Raycheva R. Architecture of Residential Buildings in Bulgaria from the Revival Period. *Architecture and Urban Planning*, vol. 6, 2012. DOI: 10.7250/aup.2012.003
- Polvan S., Raycheva R. Comparative Analysis of 19th c Dwelling Architecture in Turkey and Bulgaria. *Innovatsii v gorskata promishlenost i inzhenerniia dizain* (Innovations in mining industry engineering design), no. 1, 2012, pp. 63–70.
- Marinov T. The “Balkan House”: Interpretations and Symbolic Appropriations of the Ottoman-Era Vernacular Architecture in the Balkans. *Entangled Histories of the Balkans*, vol. 4. Brill, 2017, pp. 440–593. DOI: 10.1163/9789004337824_008

М.П. Терентьева

ТИПОЛОГИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ ХРАМОВ БЕНГАЛИИ НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА КАЛНА

К XVI в. на территории Бенгалии утверждается абсолютно новый тип индуистского храма как по материалам (так называемые «терракотовые храмы»), так и по форме (многоскатные, одно- и многобашенные храмы без привычной башни-шикхары над святилищем). Они стали возникать через несколько столетий после мусульманского завоевания конца XIII в. на территориях индуистских княжеств как способ укрепить свою религию под сильным влиянием мусульманского протектората. Городу Амбика-Кална на территории бывшего индуистского княжества Бардхаман по разнообразию типов храмовой архитектуры нет равных во всей Бенгалии. В городе сохранились удивительные храмовые вариации, практически не встречающиеся более нигде как на территории Бенгалии, так и в рамках всего полуострова Индостан. Например, сто восемь храмов, объединенных в один комплекс, или храм с двадцатью пятью башнями-навершиями. Несмотря на храмовое разнообразие, город Кална почти не фигурирует в немногочисленной историографии (в отличие от более известного Бишнупура), но является излюбленным туристическим местом для жителей Колкаты и ее окрестностей. В статье предлагается впервые обратиться к типологии индуистской храмовой архитектуры Бенгалии на материале малоизученного храмового города Кална.

Ключевые слова: терракотовые храмы, Кална, Бишнупур, храмовый город, типология храмов, архитектура Бенгалии, индуизм

M.P. Terenteva

TYPOLOGY OF TERRACOTTA TEMPLES OF BENGAL, BASED ON THE MEDIEVAL CITY OF KALNA

By the 16th century, a completely new type of Hindu temple was established in Bengal, both in terms of materials (the so-called "terracotta temples") and in form (multi-pitched, single- and multi-pinnacled temples without the usual shikhara tower above the sanctuary). They began to appear several centuries after the Muslim conquest of the late 13th century in the territories of Hindu principalities as a way to strengthen their religion under the strong influence of the Muslim protectorate. The city of Ambika Kalna in the territory of the former Hindu principality of Bardhaman has no equal in the variety of types of temple architecture in the whole of Bengal. There are amazing temple variations in the city, which are practically not found anywhere else, both in Bengal and throughout the Indian Subcontinent. For example, one hundred and eight temples combined into one complex, or a temple with twenty-five towers-tops. Despite the temple diversity, the city of Kalna almost does not appear in a few historiographies (unlike the more famous Bishnupur), but it is a favorite tourist destination for residents of Kolkata and its surroundings. The article proposes for the first time to address the typology of Hindu temple architecture in Bengal based on the little-studied temple city of Kalna.

Keywords: terracotta temples, Kalna, Bishnupur, temple city, typology of temples, Bengali architecture

Город Кална в округе Пурбо Бардхаман (Восточный Бардхаман) располагается в восьмидесяти пяти километрах к северу от столицы Бенгалии — Колкаты.

Сейчас город Кална — одно из любимых мест для досуга среди жителей столичной Колкаты. Этим объясняется огромное количество брошюр, путеводителей,

заметок путешественников в блогах. Но полноценного архитектурного анализа или же статей по архитектуре города зарубежными исследователями выпущено не было. Нет материала на заданную тему и в отечественной историографии. Стоит отметить, что памятники города настолько гармонично выстраиваются типологически, что на основе собранного материала можно рассмотреть историю и типологию так называемой бенгальской «терракотовой»¹ архитектуры, ранее не введенной в отечественный научный оборот, в отдельно взятом городе. Храмовые постройки возводились в Калне с середины XVIII по начало XIX в. и организованы в два комплекса: комплекс Раджбари (дворцовый комплекс) и комплекс Нобо Кайлаш (сто восемь храмов Шивы), находящиеся друг напротив друга. На территории города также сохранились отдельно стоящие храмы и малые храмовые группы. Задачи статьи — рассмотреть типологические особенности оригинальной индуистской храмовой архитектуры Калны на материале, собранном в рамках поездок по региону в 2024 г.

Возведение терракотовых храмов на территории Бенгалии начинается в XVI в. — после долгого строительного затишья, связанного с мусульманским завоеванием начала XIII в. К XVI в. почти четыре сотни лет индуистские княжества Бенгалии находились под властью мусульман. Но с возникновением в XV в. в пределах Бенгальского региона традиции гаудия-вайшнавизма², которая стала поддерживающей индуистским княжествам для укрепления позиций своей религии и противостояния религии мусульман, индуистские правители мелких местных княжеств, крупные землевладельцы и торговцы активно стали заниматься храмовым строительством. Уже к XVII в. складываются основные типы терракотовой храмовой архитектуры региона, отраженные в постройках самого известного храмового города Бенгалии — Бишнупура

(Mangaonkar 2011: 16). Храмы Бишнупура неплохо освещены в историографии. Типологически они включают храмы с двумя, четырьмя, восьмью скатами, храмы с одной и пятью башнями, павильоны для временной демонстрации божества, а также храмы северо-индийского стиля — деул. А в XVIII в. типология значительно расширяется, и с появлением новых типов появляются новые храмовые центры и города. Таким примером и является малоизученный храмовый город Амбика Кална, или больше известный как Кална, находившийся в ареале влияния раджей индуистского княжества Бардхаман.

Княжество Бардхаман было основано в 1657 г. При махарадже Кирти Чандре Рае (1702–1740) княжество расширилось, включив в себя многие мелкие индуистские владения вокруг. Однако самым крупным подвигом раджи Бардхамана стал поход на могущественное индуистское княжество Бишнупур, переживавшее свой расцвет в конце XVIII в. Кирти Чандра одержал победу над правителем Бишнупура и сумел включить некоторые территории княжества в состав своего землевладения (Peterson 1910: 28), что повлияло на строительную активность в Калне, куда, возможно, переехали строители из Бишнупура. Это подтверждается и датировкой памятников. Наиболее выдающиеся памятники терракотового зодчества Бишнупура относятся к XVI–XVIII вв., а храмы Калны датируются промежутком 1-й половины XVIII в. вплоть до 1-й половины XIX в. Складывается впечатление, что архитектура Калны становится следующим этапом развития бенгальской храмовой традиции, и на этой территории можно увидеть настоящие архитектурные эксперименты.

В Калне есть храмы всех трех основных и самых ранних типов бенгальского зодчества — *чала* (скатный), *ратна* (башенный) и *монча* (павильон), как и в храмовом городе Бишнупуре. Тип чала трансформировался из сельской архитектуры, где основой является скатная

¹ Кирпичные «терракотовые» храмы Бенгалии особенного типа активно строились в промежуток с XVI по середину XIX в. Эти храмы существенно отличаются от традиционных храмов южного, северного и западного стилей индуистской архитектуры. Ко всему прочему храмы выделялись своим уникальным декором, выполненным из терракоты, что дало им название «терракотовые». К понятию «терракотовые храмы» мы можем относить не только храмы, построенные из обожженного кирпича и украшенные терракотовыми фигурными панелями, но и храмы, построенные из камня и других материалов, но соответствующие общей типологии, выработанной в промежуток с XVI по XVIII в.

² Гаудия-вайшнавизм — особая ветвь вайшнавизма, созданная Чайтаньей Махапрабху (1486–1534). Основным аспектом гаудия-вайшнавизма является преданное поклонение Богу, или бхакти. Бхакти — это духовная связь с божеством, основанная на поклонении, почитании и привязанности адепта к выбранному им божеству, при этом отношения между ними строятся на примере человеческих взаимоотношений.

Рис. 1. Виджай Ваидьянатх,
середина XVIII в.
Фото автора

крыша. Разделяется на подгруппы в зависимости от количества скатов на крыше — скатов может быть от двух до двенадцати. В типе ратна структура храма остается той же, но на четырехскатной крыше появляются башни-надстройки, а также дополнительные ярусы — башен бывает от одной до двадцати пяти. Монча — это не совсем традиционный храм, а скорее павильон для временной демонстрации изображения божества во время праздника. Он разделяется на три подтипа, отличающиеся размером. Но в Калне еще представлены также типы поздней бенгальской архитектуры: сгруппированный храмовый комплекс и далан.

Наибольшая концентрация терракотового храмового зодчества в городе приходится на комплекс Раджбари (или дворцовый). Он состоит из ряда хра-

мов и других сооружений, построенных на протяжении более чем ста лет в разные временные промежутки. Пик строительства на территории комплекса пришелся на время правления племянника Кирти Чандра — раджи Тилок Чандра Рая (1744–1770), который находился в хороших отношениях с уже слабеющей могольской властью. От шаха Алама II (1759–1806) он получил титулы Махараджа Адхираджа Бахадура³ и Пандж Хазари, или командующего пятидесяти тысячным войском (Peterson 1910: 31).

На территории комплекса Раджбари представлен самый часто встречаемый подтип бенгальской храмовой архитектуры — *аат-чала* (восьмискатный) — храм Виджай Ваидьянатх (рис. 1). Храмы типа чала, вероятно, являются самыми ранними терракотовыми храмами в Бенга-

³ Бахадур — почетный титул у монгольских и тюркских народов, который давался за военные заслуги.

Рис. 2. Панча ратна,
XIX в. Фото автора

лии, потому как свою конструктивную особенность они наследуют из сельской архитектуры. Это изогнутые коньки, карнизы и ребра крыш. Виджай Ваидьянатх построил махарадж Тилок Чандра в середине XVIII в. Храм гармоничен в своих пропорциях и является классическим примером храма аат-чала на территории Бенгалии.

Самая примечательная часть terracotta храма — это крыша, использование разных конструкций крыш определило внешний вид храмов. Именно из-за вариаций во внешнем виде крыш возникло разнообразие типов terracotta архитектуры, в то время как планы и основание у всех типов terracotta архитектуры практически не имеют типологических отличий (Guha, Bandyopadhyay 2017: 47). В основном у всех храмов прямоугольный или квадратный план, одно внутреннее помещение — святилище, перед святилищем находится небольшой прямоугольный

в плане притвор. Храмы имеют платформу с круговым обходом, а также трехарочный портик-проем со стороны фасада, разделенный двумя фигурными колоннами. У храма подтипа аат-чала восемь скатов, которые образованы в два яруса по четыре ската, где верхний ярус — это уменьшенная копия нижнего. Воздвигнутый на возвышенной платформе храм Виджай Ваидьянатх имеет квадратное основание, в которое вписан прямоугольный небольшой притвор и пространство непосредственно самого святилища. Храм был посвящен Богу Шиве.

Подтип аат-чала используется в terracotta архитектуре как единица для формирования сгруппированного типа. На территории комплекса присутствует и такой пример, однако более поздний по времени — относится он к XIX в. Это пять миниатюрных храмов подтипа аат-чала, которые расположены в одну линию (рис. 2). Интересно, что все эти храмы разной высоты и базируются на разно-

Рис. 3. Лалджи, 1739 г. Фото автора

высотных платформах, и в целом каждый храм группы имеет небольшие различия в пропорциональных соотношениях. Фасады четырех храмов обращены к центральной площади комплекса, но пятый храм стоит «спиной» к остальным четырем. Комплекс был известен под названием «Панчаратна» — *панч* (пять) и *ратна* (драгоценность). Но *панчаратна* — это также «пять башен» — одна из разновидностей типа *ратна* (башенного) с использованием пяти башен-надстроек. Тип *ратна*, по-видимому, возник в XVI в. и был любимым стилем раджей княжества Малла (*Mangaonkar* 2012: 8). Терракотовые храмы могли быть такими маленькими, что их внутреннее пространство теряло значение, и именно поэтому их группировка и композиция становились более важной задачей.

Особенностью башенного типа *ратна* было наличие на скатной крыше определенного количества башенок, которые определяют внешний вид и композицию храма. Любопытно, что башенки

имеют декоративное значение и никак не совмещаются с внутренним пространством. На территории комплекса Раджбари среди храмов башенного типа *ратна* присутствует наиболее громоздкий и удивительный подтип храмов *ратна* — *панчабимшати*, содержащий двадцать пять башен-надстроек. Башни в этом подтипе устраиваются на трех ярусах: на первый приходится двенадцать башен, на второй — восемь, на третий — пять, с доминирующей по размеру центральной башней на самой вершине. Храмов подобного подтипа на территории Бенгалии насчитывается всего пять экземпляров. Два из них — на территории комплекса Раджбари, и третий — на территории самого города Кална.

Храм Лалджи 1739 г. (рис. 3) и храм Кришначандраджи 1751–55 гг. находятся на территории Раджбари. Храм Лалджи — самый старый в комплексе. Он был воздвигнут по желанию матери Кирти Чандры Рая и посвящен Кришне. У храма имеется внушительная по разме-

рам пристройка (четыре колонны по узкой стороне и шесть по широкой стороне) типа чала с четырехскатной крышей (*чар-чала*), пристройка является натамандапой — павильоном для танца. Подтип чар-чала — один из редчайших в терракотовой архитектуре, он выступает в качестве пристроек к храмам. По заказу раджи Кирти Чандры возводилось множество храмов на территории всего княжества Бардхаман. Что любопытно, храмы имели и вишнуитское и шиваитское посвящение. Например, в местечке, где основатель династии правителей Бардхамана осел, Кирти Чандра в 1732 г. воздвиг храм, посвященный Шиве (McLane 2002: 151).

Спустя почти 15 лет на территории комплекса был возведен алогичный по структуре и габаритам храм Кришначандраджи. Храм построил махарадж Тилок Чандра в память о матери Лакшми Кумари Деви. Храм значительно проще по насыщенности терракотовыми рельефами и имеет небольшую пристройку-притвор подтипа чар-чала с классическим для терракотовой архитектуры трехарочным проемом на фасаде. Стоит храм на высокой платформе. За «спиной» храма Кришначандраджи почти вплотную располагается восьмискатный храм Виджай Ваидьянатх (рис. 1).

Интересно то, что на территории Калны есть еще один храм подтипа *панчабимшати-ратна*, третий храм этого редкого подтипа в городе. Храм Гопалджи построен в 1766 г. представителем правящей семьи Бардхамана во время правления махараджа Тилок Чандра. У храма также присутствует входной портик-пристройка подтипа чар-чала. Этот храм уже, чем предшественники, за счет чего создается ощущение большей изящности сооружения и устремленности вверх. Его второй и третий ярус в отличие от предшественников представляют собой восьмигранники в основании, что тоже добавляет утонченность облику храма и лишает его тяжеловесности и громоздкости, как у храмов Кришначандраджи и Лалджи. Все три храма имеют вишнуитское посвящение, внутри находились и продолжают находиться культовые изображения бога Кришны и его спутницы Радхи.

Два других храма этого подтипа из пятерки были построены на столетие позже, в 1-й половине – середине XIX в. Храмы

этого сложного подтипа возникли на протяжении двух десятилетий в момент наивысшего могущества княжества Бардхаман. Первый храм панчабимшати-ратна воздвиг раджа Кирти Чандра, который вошел в хроники как крупный храмовый строитель. А его последователи имели достаточное количество ресурсов как финансовых, так и человеческих для строительства настолько сложных храмов.

Храм *Гири Говардхан* (рис. 4) соседствует с храмом Лалджи и построен девятнадцатью годами позднее него, в 1758 г. Храм лишь слегка напоминает храм *до-чала* (двухскатный) с необычными для Бенгалии особенностями дизайна. Как следует из названия, храм воплощает собой священный индуистский холм Говордхан⁴. Крыша храма образована ступенчатыми уступами, каждый «кирпич» на этих уступах имеет шарообразную, скругленную форму. На уступах крыши находятся некрупные скульптурные изображения животных — змеи, крокодилы, львы, а также изображения богов. На центральном фасаде храма, обращенном к храму Лалджи, находится пять арочных проходов. Главный проход фланкируют рельефные изображения павлинов на стенах, павлины — символы Бога Кришны. Внутри храма на стенах находятся рельефные плиты с изображением сцен из жизни Кришны, а также изображения коров, пастушек-гопи и т.д. Кирпичи, образующие арочные проемы, имеют скругленную форму. В раскраске храма участвуют синий, терракотовый и охристый оттенки. Подобных храму Гири Говордхан на территории Бенгалии скорее всего больше нет.

Уникальность комплекса Раджбари заключается еще в том, что здесь находится один из самых ранних примеров храма типа *далан* на территории всего региона Бенгалия (Murshid 2018: 509) — храм *Рупешвар* (рис. 5), построенный в 1765 г. по заказу махарани Рупкумари Деви, первой жены махараджа Тилок Чандры, и назван в ее честь. Храм имеет прямоугольный план и миниатюрные габариты, находится на средней высоте платформы, по которой возможен круговой обход. На фасаде храма богатая терракотовая геометрическая отделка. Две фигурные колонны формируют трехарочный проем. Под плоской крышей храма скрывается

⁴ В особенности холм Говордхан глубоко почитаем в гаудия-вайшнавизме, где Кришна воспринимается верховным Богом.

Рис. 4. Гири Говардхан, 1758 г. Фото автора

неглубокий свод. Подобный тип возникает вместе с усилением влияния европейской архитектуры в регионе в середине XVIII в. До XIX века в Бенгалии встречается сравнительно не много храмов подобного типа, а те, что встречаются, в XIX в. уже не имеют такой богатый терракотовый декор, как храм Рупешвар. Качество терракотовых рельефов подтверждает, что храм Рупешвар является одним из самых ранних примеров храма далан на территории Бенгалии вообще. Кална не была столицей княжества Бардхаман, но уже очень скоро здесь возводят храм нового типа, который был вдохновлен европейской архитектурой. Поэтому можно сделать вывод, что княжество Бардхаман было на «волне» новой моды и в контакте с главным городом владений Британской Ост-Индской компании — Калькуттой.

В Дворцовом комплексе есть храмы не только «современных» для своего времени типов, но встречается и такой тип, который строился как память о храмовой архитектуре Бенгалии до прихода мусульман. Типа деул — классический для Бенгалии вид рехка-деул — храм с криволинейной башней-шикхарой —

Пратапешвар (рис. 6), хоть и возведенный в XIX в., но отличающийся своим обильным и качественным терракотовым фигуративным декором, в котором прочитываются сцены из эпоса «Рамаяна». Рехка-деулы активно возводились на территории Бенгалии с VIII по XIII в., вплоть до мусульманского завоевания (Hoque, Hoque 2019: 9). А после завоевания в силу вступила новая типология уникальных индуистских бенгальских храмов, так что примеры классического канона северо-индийской архитектуры с криволинейными башнями-шикхарами постепенно ушли на задний план. Храм Пратапешвар — искусно выполненная «дань уважения» первоначальной архитектурной традиции региона.

Дополняет храмовое разнообразие Дворцового комплекса один из наиболее выдающихся на территории Бенгалии примеров типа монча (павильон) — это павильон *расамонча* с восьмигранным основанием (рис. 7). Павильон расамонча использовался для демонстрации божества на время праздника раш-ятра, который отмечается на протяжении нескольких дней в октябре – ноябре. Скульптуру божества

Рис. 5. Рупешвар,
1765 г. Фото автора

помещали в центральное восьмигранное в основании святилище. А остальное пространство павильона, предполагается, что использовалось для храмового танца или как сцена для особых ритуальных спектаклей. Мы можем вспомнить о самом знаменитом павильоне региона — в храмовом городе Бишнупуре 1600 г. постройки, самый ранний сохранившийся. Д. Маккатчион утверждает, что тип расамонча стал популярен в XIX в. (McCutchion 1972: 73). Бишнупурская расамонча имеет большое квадратное основание, расамонча в г. Кална имеет меньшую площадь, но ее основание восьмигранное. Крыша у расамончи была утрачена, но по сохранившейся крыше расамончи в Бишнупуре мы можем предполагать, что в Калне крыша была также пирамидальная.

Город Кална может похвастаться примером самой поразительной формы группировки — сто восемь храмов на одной территории. Комплекс Наба Кайлаш (Нобо Кайлаш) или сто восемь храмов Шивы (рис. 8) был построен в 1809 г.

Тедж Чандрой Бахадуром, махараджей Бардхамана. Нобо — значит «новый», а «Кайлаш» — Кайлас, священная гора индуизма, обитель Бога Шивы. Располагается комплекс прямо напротив комплекса Раджбари. А входные части двух комплексов смотрят ровно друг на друга. Храмы в комплексе Нобо Кайлаш сгруппированы в два концентрических круга — один состоит из семидесяти четырех храмов, в то время как другой насчитывает тридцать четыре. Главные фасады храмов направлены внутрь круга. Это маленькие храмы подтипа аат-чала (восьмискатный), в стилистике которых мастера придерживались максимального единообразия, с гладкими крышами и лаконичным декором на центральных фасадах. В данном случае в каждом кругу храмы стоят бок о бок друг с другом, воплощая символическую идею четок, число которых также составляет сто восемь, что является священным в индуизме. Пожалуй, подобным количеством храмов в сгруппированном типе может

Рис. 6. Пратапешвар, XIX в.
Фото автора

гордиться только княжество Бардхаман, на территории которого также существует еще один комплекс из ста восьми храмов, посвященных Богу Шиве.

Слева и справа от главного входа в комплекс Нобо Кайлаш находятся два храма-спутника подтипа *панч-ратна* (пятибашенный) на очень высоких плат-

Рис. 7. Расамонча, XVI–XIX вв. Фото автора

Рис. 8. Нобо Кайлаш, 1809 г. Фото Суджай Чандра

формах-основаниях. У храма подтипа панч-ратна имеется одна главная башня по центру крыши и четыре маленькие башни-надстройки по четырем углам. Храм справа от входа — **Джалешвар**, слева — **Ратнешвар**. По форме, размеру, виду колонн храмы абсолютно идентичны, терракотовый орнамент практически не сохранился. Храмы, как и Нобо Кайлаш, относятся к XIX в., а также имеют шиваитское посвящение и, вероятно, являются частью одного архитектурного ансамбля. Но сейчас храмы панч-ратна и комплекс Нобо Кайлаш разделены проезжей частью.

Одним из старейших в городе храмом считается храм **Сиддхешвари Кали**. Это храм одного из ключевых в Бенгалии типов терракотовой архитектуры — *джор бангла*. Данный тип получил свою популярность в XVII в. и утвердился как самый характерный стиль бенгальского храма. Построен храм в стиле бенгальской хижины. Два архитектурных объема, напоминающих бенгальскую хижину с двускатной изогнутой крышей чала, с изогнутым коньком и карнизами, соединены в одно целое. Как утверждает терракотовая табличка на храме, был построен в 1740 г. Читра Сеной Раем (1740–1744), сыном Кирти Чанда Рая. Однако некоторые исследователи спорят о датировке и считают дату на храме относящейся ко времени реставрационных работ над более старым храмом середины XVI в. Мурти, находящаяся внутри носит имя Амбика Сиддхешвари Кали. Считается, что в честь этого образа город получил свое название Амбика Кална. Справа от главного фасада храма Сиддхешвари есть три храма-спутника

подтипа аат-чала — храмы Шивы. Все три храма слегка отличаются по форме и размерам.

Город Амбика-Кална — единственный в своем роде на территории Бенгалии храмовый город, где практически каждый храм — это архитектурная редкость. Возможно, такое архитектурное многообразие было обусловлено возвышением княжества Бардхаман в середине XVIII в. и потерей могущества княжества Малла, со столицей в городе Бишнупур. Город Кална не был столичным городом княжества, но в средневековье он был известен как портовый город, благодаря этому город был процветающим и богатым. На протяжении практически столетия здесь возводились исключительные по своим формам и видам храмы, на строительство которых раджи Бардхамана не скупились в средствах. Храмы были утверждением власти и могущества каждого нового раджи, и, конечно, храмы были способом усилить индуистскую религию на своих землях. Но важно отметить, что в городе Кална примерно равное соотношение и вишнуитских, и шиваитских храмов.

В то время как Бишнупур по праву считается храмовым городом Западной Бенгалии благодаря своей терракотовой резьбе, Амбика-Кална представляет собой уникальное разнообразие храмовых типов. Значимости этому месту добавляет и тот факт, что нигде на территории всего субконтинента мы не встретим такой поразительной формы группирования храмов, состоящей из ста восьми храмов, и таких необычных многобашенных храмов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Guha, Bandyopadhyay 2017 — Guha S., Bandyopadhyay A. Terracotta Temples of Bengal: A culmination of pre-existing Architectural Styles // Chitrolekha Journal. Vol. 1. No. 1. 2017. P. 46–59.
Hoque, Hoque 2019 — Hoque S., Hoque M. New Understanding of Buddhist Cruciform Temples in Early Me-

dieval Bengal // Pratnatattva. Journal of Department of Archaeology. Vol. 25. 2019. P. 9–35.
Mangaonkar 2011 — Mangaonkar P. Terracotta temples of Bishnupur: Transformation through time and Technology // Chitrolekha International Magazine on Art and Design. Vol. 1. No. 2. 2011. P. 14–32.

- Mangaonkar 2012 — Mangaonkar P. Temples of Bengal: material style and technological evolution // *Chitrolekha International Magazine on Art and Design*. Vol. 2. No 1. 2012. P. 4–17.
- McLane 2002 — McLane J.R. *Land and local kingship in eighteenth-century Bengal*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Murshid 2018 — Murshid G. *Bengali Culture. Over a Thousand Years*. New Delhi: Niyogi Books, 2018.
- MCcutchion 1972 — MCcutchion David J. *Late Mediaeval Temples of Bengal: Origins and Classifications Hardcover*. Calcutta: Asiatic Society, 1972.
- Peterson 1910 — Peterson J.C.K. *Bengal District Gazetteers: Burdwan*. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depot, 1910.

REFERENCES

- Hoque S., Hoque M. New Understanding of Buddhist Cruciform Temples in Early Medieval Bengal. *Pratnatattva. Journal of Department of Archaeology*, vol. 25, 2019, pp. 9–35.
- McLane J.R. *Land and local kingship in eighteenth-century Bengal*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Murshid G. *Bengali Culture. Over a Thousand Years*. New Delhi: Niyogi Books Publ., 2018.
- Mangaonkar P. Terracotta temples of Bishnupur: Transformation through time and Technology. *Chitrolekha International Magazine on Art and Design*, vol. 1, no. 2, 2011, pp. 14–32.
- Mangaonkar P. Temples of Bengal: material style and technological evolution. *Chitrolekha International Magazine on Art and Design*, vol. 2, no. 1, 2012, pp. 4–17.
- Guha S., Bandyopadhyay A. Terracotta Temples of Bengal: A culmination of pre-existing Architectural Styles. *Chitrolekha Journal*, vol. 1, no. 1, 2017, pp. 46–59.
- MCcutchion David J. *Late Mediaeval Temples of Bengal: Origins and Classifications Hardcover*. Calcutta: Asiatic Society Publ., 1972.

О.В. Рыжко, Н.В. Карушкина

ЗАМЫСЕЛ И ПРОЕКТ ДВОРЦА ДЮЛЬБЕР. ТВОРЧЕСКИЙ ТАНДЕМ ЗАКАЗЧИКА И АРХИТЕКТОРА

Дворец Дюльбер на Южном берегу Крыма был построен в 1895–1897 гг. архитектором Н.П. Красновым не только по заказу, но и по эскизам великого князя Петра Николаевича. Случай неординарный для императорского дома Романовых. Однако архивных материалов о работе заказчика и исполнителя над этим проектом почти не сохранилось. Изучая малоизвестную «дюльберскую» коллекцию чертежей, хранящуюся в Музее Академии художеств и не введенную до сих пор в научный оборот, авторы статьи получили новые сведения об истории проектирования и строительства дворца. Атрибутирован цветной эскиз Дюльбера, выполненный самим Петром Николаевичем — находка тем более ценная, что оригиналов рисунков великого князя в России практически не сохранилось. Установлено, что обмерные чертежи здания, не идентифицированного ранее, относятся ко дворцу Али-Сарай, располагавшемуся на земельном участке, приобретенном великим князем для своего имения. Путем сопоставления архивных чертежей и исторических фотографий определено, что Дюльбер был построен непосредственно на месте Али-Сарая. Сохранившиеся проектные материалы Краснова не являлись окончательными, что дополнительно позволило проследить творческий процесс совместной работы заказчика и архитектора от идеи до ее воплощения. Дворец Дюльбер, вобравший в себя множество элементов мавританской архитектуры, но сконструированный по принципам уже зарождающегося модерна, стал оригинальным образцом жилой постройки в Крыму и положил начало новой моде. В подобной стилистике в последующие годы был построен ряд частных вилл по всему крымскому побережью.

Ключевые слова: архитектор Краснов, великий князь Петр Николаевич, Дюльбер, Романовы, мавританский стиль, эклектика, Южный берег Крыма

O.V. Ryzhko, N.V. Karushkina

THE CONCEPT AND DESIGN OF THE DULBER PALACE. A CREATIVE TANDEM OF THE CUSTOMER AND THE ARCHITECT

The Dulber Palace on the southern coast of Crimea was built in 1895–1897 by the architect N.P. Krasnov not only by order, but also based on sketches of the Grand Duke Peter Nikolaevich. The case is unusual for the imperial house of Romanov. However, almost no archival materials about the work of the client and the contractor on this project have survived. Studying the little-known “Dulber” collection of blueprints, stored in the Museum of the Academy of Arts and not yet introduced into scientific circulation, the authors of the article received new information about the history of the design and construction of the palace. A color sketch of Dulber, made by Peter Nikolaevich himself, is attributed. The find is all the more valuable since almost no originals of the Grand Duke's drawings have survived in Russia. It was established that the measured drawings of the building, which had not been previously identified, belong to the Ali-Saray Palace, located on a plot of land acquired by the Grand Duke for his estate. By comparing archival drawings and historical photographs, it was determined that Dulber was built directly on the site of Ali-Saray. The surviving design materials of Krasnov were not final, which additionally allowed us to trace the creative process of the joint work of the client and the architect from the idea to its implementation. The Dulber Palace, which absorbed many elements of Moorish architecture, but constructed according to the principles of the already emerging modern architecture, became an original example of a residen-

tial building in Crimea and laid the foundation for a new fashion. In a similar style, a number of private villas were built in subsequent years along the entire Crimean coast.

Keywords: architect Krasnov, Grand Duke Peter Nikolaevich, Dulber, Romanovs, Moorish style, eclecticism, South Coast of Crimea

Дворец Дюльбер в Крыму был построен архитектором Н.П. Красновым (1864–1939) в 1895–1897 гг. для великого князя Петра Николаевича (1864–1931), представителя Российского императорского дома. Заказчик и первый владелец жил в нем до отъезда в эмиграцию. Особенную известность дворцу в масштабах не только российской, но и мировой истории принесли драматические события весны 1918 г., когда Дюльбер стал одновременно и тюрьмой, и крепостью для большой группы Романовых, оказавшихся после революции в Крыму (Карушкина 2024). Здесь они спасались от произвола ялтинских большевиков, анархистов и просто бандитов. Затем последовала оккупация полуострова — сначала немецкая, затем французская. В апреле 1919 г. недалеко от Дюльбера пришвартовался английский крейсер «Мальборо», на котором Романовы покинули родину. Вслед за окончательным установлением советской власти на полуострове великокняжеский дворец почти сразу стал одним из корпусов ведомственного закрытого санатория, в результате чего сведения о нем перестали попадать в прессу и в архивы, а историки и ученые «забыли» о Дюльбере как об историческом и архитектурном объекте. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что научный интерес к теме Романовых в те времена не приветствовался.

За последние 30 лет ситуация изменилась. Биографии и творческой судьбе архитектора Краснова посвящаются книги (Калинин, Кадиевич, Земляниченко 2017), статьи (Mađanović 2016), выставки и конференции. Дюльбер как один из самых стилистически ярких южнобережных великокняжеских дворцов также не обделен вниманием исследователей. Однако история этого имения довольно мало изучена в связи со скудостью архивных материалов и тем обстоятельством, что музейная экспозиция во дворце, который является объектом культурного насле-

дия федерального значения, открылась только в мае 2024 г. Из «дюльберских» изобразительных материалов Н.П. Краснова опубликованы лишь три акварели, созданные через несколько лет после завершения строительства и хранящиеся в Ялтинском историко-литературном музее (Архитектор 2016). А главным источником по раннему периоду истории дворца до сих пор остается краткая, но емкая и обильно цитируемая статья 1899 г. искусствоведа и византолога Н.П. Кондакова в журнале «Искусство и художественная промышленность» (Кондаков 1899).

Между тем в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств (НИМ РАХ) в Санкт-Петербурге хранятся чертежи, имеющие непосредственное отношение к проекту дворца Дюльбер, которые не были до сих пор введены в научный оборот. Информация о том, откуда поступила эта коллекция, утрачена. Впервые документально она зафиксирована в музейной описи 1932 г. Один из предметов — проект флигеля — был передан в 1936 г. из Массового отд. Ленсовета. В 2024 г. проведена работа по атрибуции части «дюльберской» коллекции, в результате которой определены автор или объект для 20 единиц хранения¹. Анализ материалов НИМ РАХ позволил установить новые факты. Самым важным открытием стал выявленный цветной эскиз руки великого князя Петра Николаевича. Также были атрибутированы чертежи утраченного здания Али-Сарай, на месте которого и был выстроен дворец Дюльбер; прослежена преемственность построек. При рассмотрении в совокупности проектных листов, выполненных архитектором Красновым, и исторических фотографий удалось реконструировать неизвестные подробности проектирования и строительства Дюльбера.

Для постройки южнобережного дворца великий князь купил имение А.А. Полежаева Али-Сарай, о чем рассказывает

¹ В экспертизе наряду с авторами статьи принимал участие консультант по науке проекта Музей во дворце «Дюльбер» В.К. Кожин. Защита атрибуции состоялась на Ученом совете НИМ РАХ 16 декабря 2024 г. Благодарим за содействие в работе с коллекцией главного хранителя НИМ РАХ О.А. Жмурко и научного сотрудника-хранителя фонда архитектуры А.И. Голядкину.

в своих мемуарах² его сын князь Роман Петрович (*Romanov* 1997: 136). Именно этот земельный участок, очень точно определенный в тексте воспоминаний — между дорогой на Ялту, морем и двумя ручьями, и стал основой здешних владений Петра Николаевича. На этой территории до сих пор сохраняется дюльберский парк, спроектированный и оформленный также Н.П. Красновым. Еще до всякого строительства семья великого князя дала имению новое имя — Дюльбер, что в переводе с тюркского означает «прекрасный», «красивый» (это слово на Востоке используется и как имя собственное). Так что с самого начала Петр Николаевич и его супруга Милица Николаевна, черноморская принцесса по рождению, взяли курс на подражание Востоку.

Великий князь Петр Николаевич отличался тягой к изобразительному искусству. Известно, что с детства он много рисовал, а в зрелом возрасте увлекся еще и архитектурой, став автором эскизных проектов нескольких зданий, среди которых Никольский собор Покровского монастыря в Киеве (1896–1914) и храм Христа Спасителя в Мукдене (1911–1912). Идею будущего восточного дворца для своей семьи он также придумал самостоятельно. Источником вдохновения в случае с Дюльбером стали для великого князя образцы старинной архитектуры Каира, где он провел много времени по рекомендации врачей. Дело в том, что после женитьбы в 1889 г. у Петра Николаевича проявился туберкулез, и доктора настояли на смене климата. Великая княгиня Милица Николаевна, знавшая персидский язык и обожавшая поэзию Руми, также была приверженицей ориентальной эстетики. В Египте она зарисовывала понравившиеся ей восточные орнаменты, которые были использованы в дальнейшем для декорирования Дюльбера (*Romanov* 1997: 138).

Князь Роман Петрович чеканно описал стилистическую задумку великокняжеской четы: «Под влиянием Египта, прекрасной арабской архитектуры Каира, мои родители решили построить дворец в стиле, который гармониро-

вал бы и с южной природой, и с местными татарскими зданиями и мечетями. Крымские мечети с их типичными восточными куполами и стройными минаретами, увенчанными полумесяцами, архитектурно очень напоминали арабский стиль, характерный для мечетей Каира. Частные и общественные здания в Крыму, напротив, были построены в турецком стиле. Мой отец не хотел подражать этому турецкому стилю, он предпочитал арабскую архитектуру...»³ (*Romanov* 1997: 135). Н.П. Кондаков, который близко был знаком с великим князем и сотрудничал с ним и Н.П. Красновым в подготовке проекта реставрации Бахчисарайского дворца (*Конкин* 2023: 330–333), назвал стиль Дюльбера «арабским» или «сарацинским» и отметил, что дворец напоминает египетские и, отчасти, сирийские архитектурные образцы (*Кондаков* 1899). Сам Н.П. Краснов обозначал стилистику здания так же, как «арабо-сарацинскую» (*Калинин, Кадиевич, Земляниченко* 2017: 197).

Для реализации проекта великий князь не стал приглашать столичного зодчего, а сделал выбор в пользу молодого главного архитектора Ялты Николая Петровича Краснова, которому в 1895 г. исполнился 31 год, так же, как и великому князю Петру Николаевичу. Не исключено, что заказчик, финансовые дела которого в эти годы были разстроенными (*Калинин, Земляниченко* 2021: 174, 175), искал возможность сэкономить. Но значение имели также опыт Краснова в строительстве на крымском горном рельефе (*Romanov* 1997: 136, 137) и то обстоятельство, что архитектор был специалистом не только в проектировании, но и в организации строительства, хорошо адаптировался к потребностям заказчиков и умел соблюдать сжатые сроки. До Дюльбера Краснов выстроил ялтинское имение Сельбиляр для князей Барятинских (1892–1894). За два года было сооружено 15 зданий, в том числе главный дом, а также разбит роскошный сад⁴. Совместная работа с великим князем Петром Николаевичем, переросшая в долгосрочное сотрудничество и даже

² Книга князя Романа Петровича, сына великого князя Петра Николаевича, была впервые издана в 1991 г. на датском языке под названием «Это был богатый, счастливый дом», в 1997 г. переведена на немецкий язык, получив другое название — «При дворе последнего царя». На русском языке до сих пор не опубликована.

³ Здесь и далее перевод с нем. Н.В. Карушкиной и А.В. Мерзликиной.

⁴ Информация музея «Усадьба княгини Н.П. Барятинской».

Рис. 1. Комплекс зданий в имении Али-Сарай. Справа — здание дворца. Фотография Ф.П. Орлова, конец XIX в.

Рис. 2. Дворец Али-Сарай. Западный фасад. Фотография, конец XIX в. (URL: Pastvu.com)

дружбу, открыла архитектору двери к новым высокопоставленным клиентам. После Дюльбера он создал другие великокняжеские резиденции в Крыму — Чаир, Харакс, Кичкине, построил новый дворец в имении великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор, осуществил несколько проектов для князей Юсуповых. Вершиной его карьеры в России стал заказ на постройку Большого дворца в императорском имении Ливадия, созданный в 1910–1911 гг.

В упомянутой коллекции НИМ РАХ имеются чертежи фасадов и разрезов за подписью Н.П. Краснова, обозначенные как «обмер дворца в Крыму». При сопоставлении их с историческими фотографиями было установлено, что это обмерные чертежи дворца в имении Али-Сарай, который Н.П. Краснов обследовал перед разборкой. При этом необходимо отметить, что двухэтажный старый дворец был невелик по площади, но казался весьма масштабным с виду, так как к северу от него располагался обширный комплекс служб, соединенных с глав-

ным зданием проездной аркой (рис. 1). Чертежи ряда из этих построек также представлены в НИМ РАХ. На фотографиях Али-Сарая можно видеть и круглый фонтан напротив входа во дворец со скульптурой лебедя в центре (рис. 2). Эта (или аналогичная) скульптура была перемещена впоследствии в нижнюю часть парка Дюльбер, где находится и поныне (рис. 3).

Как на фотографиях (рис. 2), так и на обмерных чертежах Али-Сарая на западном фасаде развешивается штандарт (рис. 4). Это означает, что сделаны они были в короткий период между покупкой имения и возведением нового дворца, так как установка штандартов была традицией для императорских и великокняжеских резиденций.

При внимательном рассмотрении фотографий Али-Сарая (рис. 5) и Дюльбера (рис. 6) в их градостроительном окружении и в структуре рельефа на фоне силуэта горной гряды Ай-Петри можно утверждать, что и старый дворец Полежаева, и новый, великокняжеский, выстроены

Рис. 3. Фонтан «Лебедь» в имении Дюльбер. Открытка 1920-х гг.

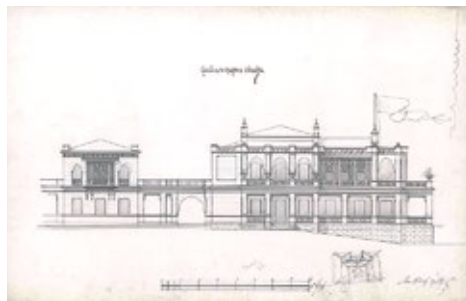

Рис. 4. Н.П. Краснов. Дворец Али-Сарай. Обмерный чертеж западного фасада, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

Рис. 5. Восточный фасад дворца Али-Сарай. Фотография Ф.П. Орлова, конец XIX в.

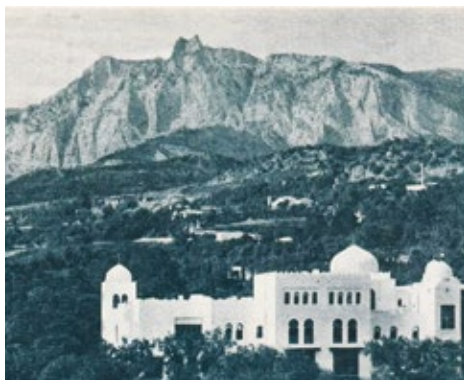

Рис. 6. Восточный фасад дворца Дюльбер. Фотография В.Н. Соколькова, 1914 г.

на одном и том же месте. Отчего же новый владелец решил не сохранять прежний дворец? Не исключено, что строение к тому времени уже обветшало и/или не было предусмотрено для всесезонного проживания. По разрезам Али-Сарая (рис. 7) видно, что здание было выстроено без подвалов, а общая площадь небольших помещений не позволяла разместить семью и двор великого князя. При этом на чертеже сохранились попытки изменения конфигурации кровли, возможно, для потенциального увеличения этажности здания.

Если что и было наверняка известно ранее об истории создания Дюльбера, так это то, что великий князь самостоятельно создал ряд эскизов, на основе которых впоследствии велось проектирование. Один из них был обнаружен в анализируемой коллекции (рис. 8). Это цветное изображение здания, по своей структуре, объему, колористике и характерным деталям очень близкого к претворенному в жизнь варианту. Задачей автора являлась передача образа планируемой постройки.

Рис. 7. Н.П. Краснов. Дворец Али-Сарай. Продольный разрез, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

Рис. 8. Великий князь Петр Николаевич. Дворец Дюльбер. Эскиз, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

Рис. 9. Великий князь Петр Николаевич. Проект богдельни при храме (журнал «Светильник», 1913, № 1)

Рис. 10. Н.П. Краснов. Дворец Дюльбер. Чертеж западного фасада, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

Рис. 11. Н.П. Краснов. Дворец Дюльбер. Чертеж восточного фасада, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

Рис. 12. Н.П. Краснов. Дворец Дюльбер. Чертеж южного и части северного фасада, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАХ)

танский купол и высокий «минарет» над белым массивом дворца, плоская кровля с зубчатым парапетом и балкончик мушараби уже являются «новаторскими».

Исполнение, качество и простота этого эскиза, выполненного в лапидарной манере, позволяют с большой степенью уверенности отнести эскиз к авторству заказчика несмотря на то, что графическое и художественное наследие великого князя едва известно в настоящее время. Тем не менее можно четко проследить схожесть графического языка данного изображения с проектом Петра Николаевича, опубликованным в журнале «Светильник» за 1913 г. (рис. 9).

Все остальные чертежи в коллекции, развивающие предварительную эскизную идею великого князя, сделаны архитектором Красновым. Имеются чертежи фасадов (рис. 10–12) и их фрагментов (рис. 12, 13), а также чертежи интерьеров, отображающие парадный коридор, сени, камин, некоторые детали отделки. Присутствует также акварельный рисунок разбивки цветника и чертеж флигеля у ворот. Проектные листы не являются окончательными, а представляют собой промежуточный вариант, который правился по ходу работы совместно с заказчиком. Чертежи имеют следы карандашных правок, реализованных в ходе строительства. К сожалению, не обнару-

жены чистовые листы фасадов, также отсутствуют поэтажные планы.

При сравнении проектных фасадов с существующими бросается в глаза, что в итоге было внесено несколько кардинальных изменений. Так, например, главный вход был решен в виде высокого портала, напоминающего михраб (или пештак) (рис. 14). Ниша портала завершена сложной арочной трехмерной конструкцией. Складчатый сотовый свод состоит из множества ячеек — мукарн. Выемки в некоторых углах дворца также украшены мукарнами. Оформление в виде небольших михрабов получили и несколько внешних дверных проемов.

Справа и слева от центрального входа появились узкие световые проемы и колонны на постаментах, от которых отходят аркатурные галереи с окнами подковообразной формы, освещающие внутренние коридоры. Этот архитектурный элемент, сочетающий арабскую и византийскую традиции, впоследствии часто встречается в постройках Краснова.

Один из чертежей, изначально трактованный как «проект оформления плафонов», оказался фрагментом дверного заполнения парадного входа (рис. 15). Это стало очевидно при анализе исторических фотографий, а также при сопоставлении масштабов изображения и габаритов существующего проема.

Рис. 13. Н.П. Краснов. Дворец Дюльбер. Чертеж части северного фасада, 1895 г. Публикуется впервые (НИМ РАО)

Рис. 14. Левая часть западного фасада после завершения строительства. Фотография В.Н. Сокорнова, начало XX в.

Дополнительную сложность в исследовании вносит недостаток данных о реконструкции дворца, произведенной в 1940-е гг. Стройгруппой Управделами ЦК ВКП(б)⁵. Неизвестно, пытались ее авторы приблизиться к первоначальному образу Дюльбера или создавали проект «по мотивам». На примере входной двери мы можем сказать, что приблизиться к оригиналу в деталях строителям не удалось. На прежнем дверном полотне в центре размещался орнамент круглой формы, возможно, это была металлическая накладка (рис. 16). Сохранившаяся дверь 1940-х гг. орнаментирована иначе, более просто (рис. 17). Вероятно, еще большим изменениям были подвергнуты планировка помещений и внутренняя отделка. Архивных и изобразительных материалов пока недостаточно для того, чтобы в полной мере оценить подлинность и степень сохранности внутреннего декоративного убранства.

Информации по внешнему облику здания значительно больше. Возвращаясь к чертежам Краснова, можно констатировать, что объемно-пространственная композиция, зафиксированная на них,

Рис. 15. Н.П. Краснов. Дворец Дюльбер. Проект дверного заполнения, 1895. Публикуется впервые (НИМ РАО)

Рис. 16. Дворец Дюльбер. Часть двери. Фотография, конец XIX – начало XX в. (Ялтинский историко-литературный музей)

претерпела существенные изменения. В проектом варианте имелось только два купола — центральный, над главным входом, и малый, венчающий лестничную башню восточного фасада. В процессе было добавлено еще два купола. Один купол, видимый на правках, увенчал в результате новую массивную трехэтажную обитаемую башню в юго-западном углу дворца (рис. 18). Второй купол уравновесил композицию западного фасада, заменив предлагаемую в проекте маленькую четырехскатную крышу над лестничной осью служебного крыла. Здесь же, в северной части здания, вознесся над крышей ложный минарет, в котором была спрятана вентиляционная труба, выходящая из кухонных помещений третьего этажа.

Рис. 17. Дворец Дюльбер. Входная дверь. Фотография Н.В. Карушкиной, 2025 г.

⁵ Данные из архива санатория «Дюльбер».

Поскольку важными задачами для архитектора были увеличение площади дворца по сравнению с Али-Сараем, а также придание ему дополнительной конструктивной жесткости и устойчивости на сложном рельефе, здание получило массивный высокий каменный цоколь с дополнительными помещениями со стороны восточного фасада. Там оборудовали гостиные, «крыло Коцебу» (помещения для О.Р. Коцебу, шталмейстера великого князя) с отдельным входом, а также кладовые для продуктов и винный погреб (Romanov 1997: 140).

Нетрудно заметить, что чертежи Краснова изобилуют привычными для южнобережной архитектуры того периода элементами и деталями. Однако после корректировок архитектурное убранство здания приблизилось к облику, придуманному великим князем Петром Николаевичем. С фасадов исчезли большие закрытые деревянные террасы с кронштейнами и резными подзорами. Их заменили открытые балконы с парапетами и мавританскими решетками. Отказались и от скатных черепичных кровелек на консолях над оконными и дверными

Рис. 20. Н.П. Краснов. Ванное заведение А.И. Рофе в Ялте (1897). Фотография 1900–1905 гг. (URL: Pastvu.com)

проемами. Изменилось оформление наличников и перемычек окон, их расстановка. За счет этого фасады стали более плоскими, на них сильнее стала выделяться тонкая пластика мавританского орнамента. Как пишет М.В. Нащокина, «здание с белыми гладкими стенами получилось необыкновенно выразительным, в нем почти не было многодельных восточных орнаментов и пестрых майоликовых ковров» (Нащокина 2020: 152). Следуя логике архитектуры уже зарождающегося модерна, упорядочилась система оконных проемов, отражая функциональное назначение помещений. Северный блок в итоге был решен крайне просто, так как в этой части здания располагались служебные помещения. Пластика фасадов проявляется тут только за счет игры ризалитов, а не декора. На восточном фасаде справа от лестничной башни был устроен внешний лифтовой подъемник в кухонные помещения верхнего этажа. Он был удален при перестройках, но просматривается на старых фотографиях.

Купола, судя по чертежам, предполагалось покрыть плитками из поливной керамики, но по факту их обшили металлом. Примечательно, что на проектных чертежах Н.П. Краснова уже утвердился окончательный визуальный облик купольных шпилей. Петр Николаевич придумал разместить вместо мусуль-

Рис. 18. Правая часть западного фасада после завершения строительства. Фотография В.Н. Соколовой, начало XX в.

Рис. 19. Дворец Дюльбер после пожара. Фотография, 1941 г. (URL: Pastvu.com)

Рис. 21. Н.П. Краснов. Вилла Селям в Симеизе (1912?)

манских полумесяцев над каждым куполом по три круглых диска. Архитектор не был в восторге от такого решения, но, тем не менее, его исполнил. Эта коллизия отразилась в мемуарах Романа Петровича: «На вершине каждого купола находилась мачта, к которой вместо магометанских полумесяцев были прикреплены золотые диски. Мой отец решил на это изменение, несмотря на горячие протесты Краснова, потому что не хотел, чтобы замок был похож на мечеть. Краснов был очень разочарован золотыми дисками, и когда приезжал к нам в Дюльбер, то часто поднимал глаза и укоризненно заикался: «Я на-на-надеюсь, вам н-н-нравятся ваши та-та-тарелки!» (Romanov 1997: 139).

Акварели Н.П. Краснова, сделанные уже после окончания строительства, свидетельствуют, что орнаменты на фасадах были выполнены плоскостными и бесцветными. Все современники называли дворец «белоснежным». Н.П. Кондаков писал, что «стены и все орнаменты оставлены пока натурального цвета и производят потому впечатление неоконченного [дворца]» (Кондаков 1899: 734). Разные оттенки синего цвета на фасаде, давно уже характеризующие цветовой облик Дюльбера, появились только в процессе послевоенной реконструкции.

А вот надписи арабицей на фасадах были сделаны изначально. Над аркой, примыкающей к западному фасаду дворца, и на башне около ворот санатория сохранилось слово «Дюльбер». Длинный текст арабской вязью на портале главного входа переводится так: «Этот дворец принадлежит Хазрату⁶. Их Императорским Высочествам — Великому князю Петру Николаевичу и Великой княгине Милице Николаевне. Да будут они всег-

Рис. 22. Н.П. Краснов. Вилла Мечта в Симеизе (1913–1917)

да счастливы!» (Цоффка 2018: 15, 16). В тексте содержатся также 3 цифры: 1895, 1896, 1897. Это годы постройки дворца по европейскому летоисчислению, а не по Хиджре, которая обычно использовалась в мусульманской традиции.

Во время Великой Отечественной войны здание дворца пережило серьезный пожар (рис. 19). По-видимому, поджог произошел по приказу советских органов власти накануне прихода немецких войск. С.Г. Щеколдин, директор Алупкинско-го дворца-музея, находившийся в то время в Крыму, писал, что Дюльбер горел одновременно с Малым Ливадийским дворцом в ноябре 1941 г. (Щеколдин 2019: 26). Пожар уничтожил крышу, центральный купол, заполнения оконных и дверных проемов, отделку. Материалы о послевоенной реконструкции режимного объекта были засекречены и не отложились в архивах, так что объем и характер произведенной реконструкции еще предстоит исследовать.

Дворец Дюльбер стал первой гражданской постройкой на Южном берегу, вобравшей в себя такое множество элементов арабской архитектуры. «Восточный образ, созданный Красновым

Рис. 23. О.Э. Вегенер. Дача Стамболи в Феодосии (1909–1915)

⁶ Хазрат — это титул высокопоставленных лиц как светских, так и духовных.

в Дюльбере, получился столь убедительным, что сам по себе стал объектом стилизации в нескольких крымских особняках и дачах», — отмечает М.В. Нащокина (Нащокина 2020: 152). Краснову начинают заказывать проекты в подобной эстетике. Восточный портал ванного заведения А.И. Рофе (рис. 20) на ялтинской набережной архитектор возвел в один год с Дюльбером. Позже он спроектировал многокупольный фасад для виллы Селям в поселке Симеиз (рис. 21). Не так давно

было установлено, что Краснов являлся автором и архитектурного символа Симеиза — виллы Мечта (Карагодин, Петрова, Глубоков 2020: 81), построенной накануне революции и не успевшей получить отделку (рис. 22). Арабскую стилистику заимствовали и другие архитекторы. Так, например, О.Э. Вегенер щедро использовал «дюльберские» элементы при постройке феоодсийской дачи купца И.В. Стамболи (рис. 23).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архитектор 2016 — Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии / сост. О.П. Ткачук, Л.М. Иванова, З.Г. Ливицкая, Л.В. Петренко, Т.М. Коноплянко. Симферополь: Н. Орианда, 2016.

Великий князь Петр Николаевич 1913 — Великий князь Петр Николаевич. Проект богадельни при храме // Светильник. № 1. 1913.

Калинин, Земляниченко 2021 — Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-информ, 2021.

Калинин, Кадиевич, Земляниченко 2017 — Калинин Н.Н., Кадиевич А., Земляниченко М.А. Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь: Бизнес-информ, 2017.

Карагодин, Петрова, Глубоков 2020 — Карагодин А.В., Петрова М.М., Глубоков А.И. Приморские виллы «Мечта» и «Ксения» в Симеизе на Южном берегу Крыма: судьба зданий и их создателей на фоне «столетия крайностей» (1900–1990 гг.) // Человек и культура. № 3. 2020. С. 73–93.

Карушкина 2024 — Карушкина Н.В. Спасение крымских Романовых: личный выбор матроса Задорожного // Вестник Пермского университета. История. № 3 (66). 2024. С. 36–46.

Кондаков 1899 — Кондаков Н.П. Дворец в имении Дюльбер на Южном бе-

регу Крыма // Искусство и художественная промышленность. № 9, 10. 1899. С. 731–734.

Конкин 2023 — Конкин Д.В. О роли Романовых в организации ремонтно-реставрационных работ Бахчисарайского дворца в конце XIX – начале XX вв. // История и археология Крыма. № 20. 2023. С. 326–328.

Кузьменко 1913 — Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. М., 1913.

Нащокина 2020 — Нащокина М.В. Влияние местных культур и строительных традиций на архитектуру крымских усадеб конца XVIII – начала XX века // Художественная культура. № 1. 2020. С. 143–158.

Цоффка 2018 — Цоффка В. Крымские статьи. М.: Издательство «Ким Л.А.», 2018.

Щеколдин 2019 — Щеколдин С.Г. О чем молчат львы: Крым. Алушка. 1941–1944 / сост. Г.Г. Филатова. Симферополь: Н. Орианда, 2019.

Mađanović 2016 — Mađanović M. From Yalta to Thessaloniki — Nikolai Petrovich Krasnov (1864–1939), a Versatile Russian Architect // Актуальные проблемы теории и истории искусства. № 6. 2016. С. 661–667.

Romanov 1997 — Romanow R., Prinz. Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919. München: Zürich, 1997.

REFERENCES

Arkhitektor N. Krasnov: izvestnyi i neizvestnyi. Akvareli i fotografii (Architect N. Krasnov: famous and unknown. Watercolors and photographs). Eds. O.P. Tkachuk, L.M. Ivanova, Z.G. Livitskaia, L.V. Petrenko, T.M. Konoplianko.

Simferopol': N. Orianda Publ., 2016 (in Russian).

Kalinin N.N., Zemlianichenko M.A. Romanovy i Krym. «U vsekh nas ostalas' toska po Krymu...» (The Romanovs and the Crimea. "We all have

- a longing for Crimea..."). Simferopol': Biznes-inform Publ., 2021 (in Russian).
- Kalinin N.N., Kadievich A., Zemlianichenko M.A. *Arkhitektork Vysochaishego Dvora (Architect of the Highest Court)*. Simferopol': Biznes-inform Publ., 2017 (in Russian).
- Karagodin A.V., Petrova M.M., Glubokov A.I. Primorskie villy «Mechta» i «Kseniia» v Simeize na luzhnom beregu Kryma: sud'ba zdani i ikh sozdatelei na fone «stoletii krainostei» (1900–1990 gg.) (Seafront villas “Mechta” and “Kseniya” in Simeiz on the Southern bank of Crimea: Fate of the buildings and their creators on the background of the “age of extremes” (1900–1990s)). *Chelovek i kul'tura (Man and culture)*, no. 3, 2020, pp. 73–93 (in Russian).
- Karushkina N.V. Spasenie krymskikh Romanovykh: lichnyi vybor mat-rosa Zadorozhnogo (Saving the Crimean Romanovs: The personal choice of the sailor Zadorozhny). *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii (Perm University Herald. History)*, no. 3 (66), 2024, pp. 36–46 (in Russian).
- Konkin D.V. O roli Romanovykh v organizatsii remontno-restavratsionnykh rabot Bakhchisaraiskogo dvortsa v kontse XIX – nachale XX vv. (About the role of the Romanovs in the organization of the repair and restoration of the Bakhchisarai Palace in the late XIX – early XX centuries). *Istorii i arkhologii Kryma (History and archeology of Crimea)*, no. 20, 2023, pp. 326–328 (in Russian).
- Nashchokina M.V. Vliianie mestnykh kul'tur i stroitel'nykh traditsii na arkhitekturu krymskikh usadeb kontsa XVIII – nachala XX veka (The influence of local cultures and building traditions on the architecture of Crimean estates of the late 18th – early 20th centuries). *Khudozhestvennaia kul'tura (Art and Culture studies)*, no. 1, 2020, pp. 143–158 (in Russian).
- Tsoffka V. *Krymskie stat'i (Crimean articles)*. Moscow: «Kim L.A.» Publ., 2018 (in Russian).
- Shchekoldin S.G. *O chem molchat l'vy: Krym. Alupka. 1941–1944 (What the lions are silent about: Crimea. Alupka. 1941–1944)*. Simferopol': N. Orianda Publ., 2019 (in Russian).
- Mađanović M. From Yalta to Thessaloniki — Nikolai Petrovich Krasnov (1864–1939), a Versatile Russian Architect. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art)*, no. 6, 2016, pp. 661–667.
- Romanow R., Prinz. *Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919*. München, Zürich Publ., 1997.

ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ
АРХИТЕКТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ

*Issues of Architectural
Heritage Preservation*

Т.В. Иванцык

ВОПРОС РЕСТАВРАЦИИ ГЛАВНОГО ДОМА УСАДЬБЫ ИВАНОВСКОЕ-БЕЗОБРАЗОВО. ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫХ И НАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена главному дому усадьбы Ивановское-Безобразово Волоколамского района Московской области и является продолжением затронутой ранее темы, освещенной в работе «Главный дом усадьбы Ивановское-Безобразово, графическая реконструкция на вторую половину XVIII века», опубликованной в журнале «Вопросы всеобщей истории архитектуры» № 1 (22), 2024 г. В этой статье подробно раскрывались история первых этапов формирования главного дома и выявление его первоначального облика. Однако было бы несправедливо не осветить и последующие этапы существования домовладения и его главной постройки в частности. В связи с чем и возникла потребность в написании настоящей работы.

Целью статьи является рассмотрение раскрытого предшествующим исследованием первоначального «барочного» объема в контексте более поздних, в том числе и ценных, напластований. И как следствие — формирование концепции реставрации столь сложной многосоставной постройки.

В результате проведенной работы удалось выявить ряд архитектурных объемов, различных строительных периодов и архитектурных стилей. На основании полученных данных предложена концепция реставрации памятника, позволяющая в полной мере выразить архитектурный облик постройки 2-й половины XVIII в. В то же время данной концепцией предусмотрено и сохранение более поздних напластований 1-й половины XIX столетия, раскрывающих классицистический этап в судьбе сооружения.

Ключевые слова: усадьба Безобразовых в селе Ивановское, главный дом усадьбы Ивановское-Безобразово, село Ивановское Волоколамского района, М.О. Безобразов, М.Ф. Казаков, классицизм, барокко

T.V. Ivantsyk

THE QUESTION OF RESTORATION OF THE MAIN HOUSE OF THE IVANOVSKOYE-BEZOBRAZOVO ESTATE, BASED ON THE MATERIALS OF HISTORICAL-ARCHITECTURAL AND FIELD STUDIES

The paper concentrates on a main house of the Ivanovskoye-Bezobrazovo Estate, which is placed in the Volokolamskiy district of the Moscow region, and is a continuation of the previously touched upon topic, covered in the work "The main wing of the Ivanovskoye-Bezobrazovo estate, graphical reconstruction for the 2nd part of the XVIII c.", published in the "Questions of the General History of Architecture" journal No. 1 (22), 2024. This article detailed the history of the first stages of the main house's forming and revealed its initial look. However, it would be unfair not to cover the subsequent stages of the household and its main building, in particular. In connection with this, there was a need to write this work.

The aim of this work is to examine the original "Baroque" volume revealed by the previous study in the context of later, including valuable, layers, and, as a consequence, to formulate a concept for the restoration of such a complex multi-component building.

As a result of the performed work, it was possible to identify a number of architectural volumes of various construction periods and architectural styles. Based on the data obtained,

a concept for the restoration of the monument was proposed, which allows for the full expression of the architectural appearance of the building of the second half of the 18th century. At the same time, this concept also provides for the preservation of later layers of the first half of the 19th century, revealing the classicist stage in the fate of the building.

Keywords: Ivanovskoye-Bezobrazovo Estate, main wing of the Bezobrazovih Estate in the Ivanovskoye village, Ivanovskoye village of the Volokolamskiy district, M.O. Bezobrazov, M.F. Kazakov, classicism, baroque

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена главному зданию усадьбы Безобразовых в селе Ивановское, Волоколамского района Московской области, и в некотором роде является продолжением затронутой ранее темы, освещенной в работе «Главный дом усадьбы Ивановское-Безобразово, графическая реконструкция на вторую половину XVIII века» (Иванцык 2024). Являясь памятником архитектуры, созданным во второй половине XVIII – первой половине XIX столетий, здание включило в свой состав объемы различных строительных эпох и архитектурных стилей, о чем и было изложено в предшествующей статье. Там же была предложена графическая реконструкция, раскрывающая облик памятника второй половины XVIII столетия (рис. 1).

Однако рассматривая столь сложную, многосоставную постройку, было бы несправедливо упустить более поздние периоды формирования памятника, в связи с чем и возникла потребность в написании настоящей работы. Рассматривая раскрытый предшествующим материалом первоначальный облик здания в контексте более поздних, в том числе и ценных, напластований, автор предпримет попытку предложить проект реставрации постройки, сохраняющий наиболее цен-

ные элементы памятника. Но прежде обратимся к истории главного дома и рассмотрим все этапы его существования вплоть до настоящего времени.

АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ГЛАВНОГО ДОМА УСАДЬБЫ С УЧЕТОМ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ НАПЛАСТОВАНИЙ

Главное здание усадьбы в селе Ивановском было построено во 2-й половине XVIII в.¹ (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 249. Ч. 2. Д. 15.) М.О. Безобразовым и представляло собой одноэтажный господский дом (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 8. Об.–9), ставший впоследствии основой для возведения в 1-й половине XIX столетия более крупного двухэтажного сооружения, воплощенного в традициях позднего классицизма (Подъяпольская 1998: 50). В ходе историко-архитектурных и натурных исследований были выявлены периметр стен XVIII в. и следы декоративно-художественного убранства фасадов утраченной постройки. Таким образом удалось зафиксировать 1-й и 2-й строительные этапы формирования сооружения (рис. 2). А анализ их стилистических характеристик позволил определиться с барочной направленностью первоначального объема памятника (Иванцык 2024).

Рис. 1. Главный дом усадьбы Безобразовых. Южный фасад. Графическая реконструкция на I строительный период (вторая половина XVIII в.). Московская обл., Волоколамский район, с. Ивановское. Реконструкция Т.В. Иванцыка (Иванцык 2016)

¹ Расположение главного дома, идентичное современному, зафиксировано уже на плане 1786 г.

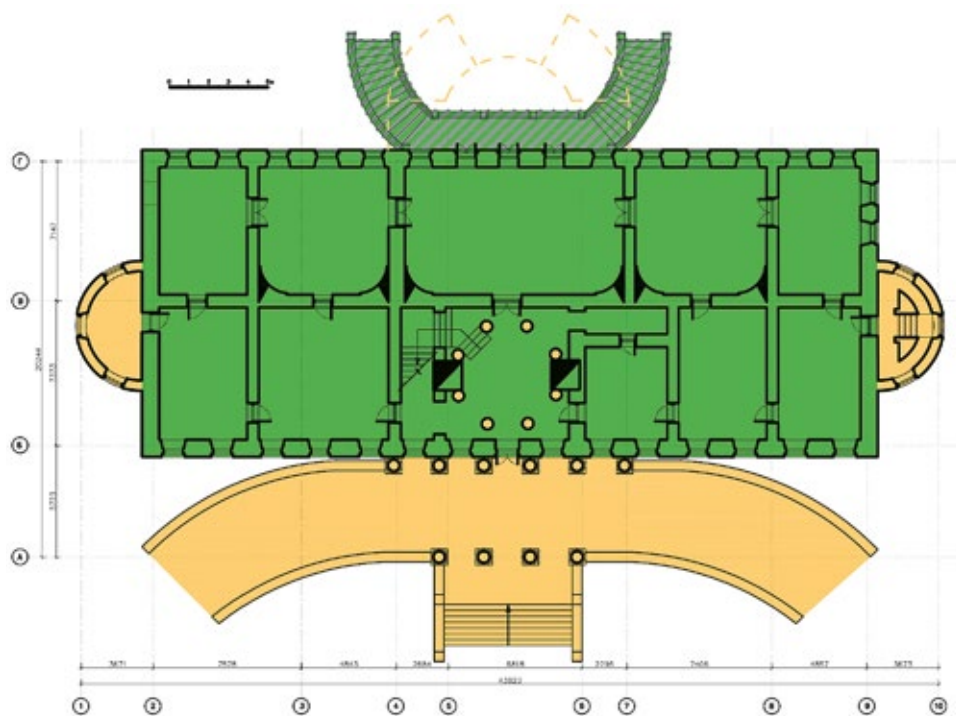

Рис. 2. Главный дом усадьбы Безобразовых. Схема строительной периодизации с учетом утраченных объемов. Московская обл., Волоколамский район, с. Ивановское. Реконструкция Т.В. Иванцыка

Однако обращаясь к историко-библиографическим сведениям, можно отметить, что преобразования главного дома на этом не завершились и были пополнены новыми поновлениями. В результате чего выявленную ранее строительную периодизацию можно дополнить более поздними этапами, раскрывающими ряд строительных работ, некогда проводимых на памятнике (Иванцык 2016).

Так, к 1-му строительному периоду, фиксирующему первоначальный «барочный» облик XVIII в., и 2-му этапу строительных работ (Шармин), представленных «классицистическим» объемом XIX столетия (Подъяпольская 1998: 50), можно добавить 3-й строительный период, хронологические рамки которого целесообразно обозначить концом XIX в. В это время, сохранив общую объемно-пространственную композицию, сооружение приобретает некоторые поновления своей планировочной структуры и декоративно-художественного убранства интерьеров памятника.

В свою очередь 4-й строительный период пришелся на 2-ю треть XX столетия и связан с перепрофилированием здания

под нужды аграрного техникума «Холмогорка», размещавшегося в постройках усадьбы после революции 1917 г. (Салимов, Салимова 2016). Перестройке подвергаются как интерьеры, так и фасады памятника, где появляются дополнительные входные группы.

В таком виде, представляя образец позднего классицизма, здание просуществовало вплоть до недавнего времени, после чего практически полностью было уничтожено пожаром. Сейчас постройка пребывает в руинированном состоянии и представляет собой лишь периметр несущих кирпичных стен 1-го этажа, фиксирующий конфигурацию объемно-пространственной структуры и планировку на различных этапах своего существования (рис. 3).

АНАЛИЗ СОХРАННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ И КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ ГЛАВНОГО ДОМА УСАДЬБЫ

Анализируя строительную периодизацию постройки и выбирая концепцию ремонтно-реставрационных работ, особое внимание стоит обратить на существую-

Рис. 3. Главный дом усадьбы Безобразовых. Вид с северо-запада. Существующее состояние. Московская обл., Волоколамский район, с. Ивановское. Фото Т.В. Иванцыка, 2023 г.

щее состояние памятника и оценить степень сохранности элементов постройки тех или иных строительных периодов (рис. 4, 5). В целом, как было сказано ранее, сохранившееся к настоящему времени сооружение пребывает в руинированном состоянии. В связи с чем можно констатировать практически полную, а в случае со вторым этажом и кровлей полную утрату

объема и декоративно-художественного оформления, датированного первой половиной XIX в. В качестве частично сохранившихся фрагментов классицистического периода можно отметить портик с колоннами и центральную часть северного фасада. В интерьерах к частично сохранившимся фрагментам можно отнести вестибюль главного входа, оформленный

Рис. 4. Главный дом усадьбы Безобразовых. Входная группа главного фасада. Существующее состояние. Московская область, Волоколамский район, с. Ивановское. Фото Т.В. Иванцыка, 2023 г.

Рис. 5. Главный дом усадьбы Безобразовых. Интерьер вестибюля главного входа. Существующее состояние. Московская область, Волоколамский район, с. Ивановское. Фото Т.В. Иванцыка, 2023 г.

кольцом колонн с купольным завершением. Несмотря на то что данные фрагменты также имеют значительные разрушения и утраты, их стилиобразующие формы еще присутствуют в натуре в той или иной степени сохранности, что позволяет принять меры по их дальнейшему сохранению.

Вместе с тем столь значительные разрушения раскрыли более древние детали и элементы памятника, позволяющие выявить первоначальный облик постройки, датированный 2-й половиной XVIII столетия и являющийся образцом архитектурного стиля барокко (Иванцык 2024). Имея столь значительные утраты более

поздних напластований, автор располагает возможностью предложить проект реставрации памятника на 1-й строительный период, соответствующий 2-й половине XVIII в. Однако, учитывая ценность присутствующих более поздних объемов, их целесообразно сохранить в качестве архитектурного раскрытия 2-го строительного периода, соотносящегося с 1-й половиной XIX столетия и принадлежащего к классицистической архитектурной школе (рис. 6).

Таким образом в рамках данной концепции в качестве архитектурного раскрытия 2-го строительного периода целесообразно сохранить и реставрировать входную группу главного фасада, представляющую собой портик на колоннах дорического ордера, с центральной частью стены. Также необходимо сохранить вестибюль главного входа, оформленный круговой колоннадой, перекрытой купольным кирпичным сводом. Остальной объем здания, представляющий собой прямоугольный в плане периметр кирпичных стен, возможно реставрировать на 1-й строительный период, что будет представлять собой образец усадебной постройки 2-й половины XVIII столетия, выполненный в традициях архитектурного стиля барокко.

Так, парковый фасад одноэтажного главного дома представляет собой объем, состоящий из пяти прясел, сформированных широкими пилястрами на профилированных базах. Центральное прясло фасада имеет пять световых осей и акцентировано дверным проемом в центральной его части, организующим выход на крыльцо. Фланкирующие центральную часть прясла имеют по 3 световые оси ближе к центру композиции и по 2 световые оси на пряслах, расположенных ближе

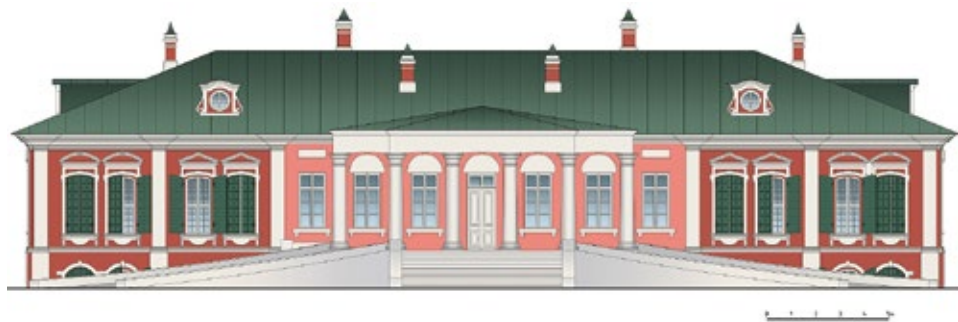

Рис. 6. Главный дом усадьбы Безобразовых. Главный, северный фасад. Графическая реконструкция на 1-й строительный период (2-я половина XVIII в.) с архитектурным раскрытием 2-го строительного периода (1-й половины XIX в.). Московская обл., Волоколамский район, с. Ивановское. Реконструкция Т.В. Иванцыка (Иванцык 2016)

к углам здания. Помимо окон первого этажа, данные световые оси поддержаны небольшими окошками в уровне цоколя, завершенными белокаменным наличником лучковой формы. Окона первого этажа имеют значительно более вытянутую форму и украшены развитым наличником барочного типа. В целом схожие по композиции наличники несколько отличаются в верхней части, имея сандрики как с лучковым очельем, так и завершенные фронтоном. В результате чего прослеживается чередование наличников различных типов, что достаточно часто можно встретить в архитектуре барочного периода (Иванцык, Салимов 2023). В качестве горизонтальных акцентов, подчеркивающих членение фасадной плоскости на ярусы, можно отметить профилированный пояс в завершении цокольной части здания. Венчает композицию широкий профилированный карниз, крепимый пилястрами.

Аналогичный по компоновке и северный, главный фасад здания, также члененный пилястрами на пять прясел. Однако его центральная часть несколько шире той, что формирует центр южного фасада, в результате чего фланкирующие его прясла имеют по 2 световые оси. Декоративно-художественное убранство также аналогично противоположной фасадной

плоскости. Исключением является центральная часть, сохранившая более поздние напластования 2-й половины XIX в. и представленная в рамках архитектурного раскрытия классицистического этапа существования памятника (рис. 6). Это семиосевая плоскость стены, центральная ось которой оформлена дверным проемом, формирующим главный вход в здание. Фланкирует центральный дверной проем по три прямоугольных окна с белокаменными подоконными досками, два из которых завершены полукругом, третьи украшены прямоугольной филенкой в карнизной части первого этажа. Оформляет входную группу широкий тосканский портик с десятью колоннами дорического ордера. К парадному входу под портиком ведут два пологих пандуса, с западной и восточной стороны постройки.

Таким образом, результатом предложенной концепции реставрации памятника является возрождение полного объема некогда утраченной постройки эпохи барокко, а также сохранение более позднего классицистического объема входной группы.

Рассматривая примеры реставрационных работ прошлых лет, можно отметить ряд построек, при реставрации которых был применен аналогичный прием реставрационной практики, позволивший

Рис. 7. Дворец митрополитов Крутицких. XVII в. Северный фасад до реставрационных работ середины XX в. Москва, ул. Крутицкая, д. 17, стр. 3. Фото 1900–1910 гг. (Крутицкий теремок)

Рис. 8. Дворец митрополитов Крутицких. XVII в. Южный фасад после реставрационных работ середины XX в. Москва, ул. Крутицкая, д. 17, стр. 3. (Крутицкое подворье)

раскрыть первоначальный облик здания, сохранив более поздние фрагменты архитектурных напластований. Ярким примером применения подобной концепции являются построенные при митрополите Павле III Митрополичьи палаты — дворец Крутицких митрополитов в Москве (*Московские шедевры*), которые, так же как и исследуемое здание, неоднократно перестраивались (*Одинцов*). В итоге таких

преобразований приобрели классицистический облик (*Найденев 1888*), сформированный в XIX столетии (*Мартынов 1852*) (рис. 7).

Возрождение подлинной архитектуры данного памятника началось в середине XX в. под руководством Петра Дмитриевича Барановского (*Барановский 1996*), в результате чего постройка получила свой первоначальный облик. А в качестве напо-

Рис. 9. Жилой дом А.В. Сухова-Кобылина, конец XVII – XVIII вв. Москва, Большой Харитоньевской пер., 17/13. Фото 1957 г. (Дом с палатами)

Рис. 10. Жилой дом А.В. Сухово-Кобылина, конец XVII – XVIII вв. Москва, Большой Харитоньевской пер., 17/13. Фото Т.В. Иванцыка, 2023 г.

минания о богатой строительной истории у южного фасада здания было сохранено крыльцо с ажурной парадной лестницей, представляющее более поздний период в истории сооружения и выполненное в середине XVIII в. в стиле барокко (*Одинцов*) (рис. 8).

Подобные архитектурные раскрытия более поздних напластований можно

видеть и в структуре других древних сооружений. Например, Жилого дома А.В. Сухово-Кобылина в Большом Харитоньевском переулке, в основе которого лежат палаты XVII столетия (*От старинных палат*). В судьбе данного сооружения также можно отметить глобальные преобразования, происходившие в эпоху классицизма (*Дом недели*) (рис. 9).

Рис. 11. Дом Долгоруковых. 1764 г. Москва, Колпачный пер., 6, стр. 2. Фото Т.В. Иванцыка, 2022 г.

Рис. 12. Жилой дом. XVIII век. Москва, Тверская ул., 5А. Фото Т.В. Иванцыка, 2024 г.

Однако впоследствии при выполнении ремонтно-реставрационных работ памятнику возвратили его исторический облик, оставив лишь небольшой фрагмент классицистической пристройки (рис. 10). Подобную картину можно видеть и на фасадах дома Долгоруковых в Колпачном переулке (рис. 11), и жилого дома XVIII в. на Тверской (рис. 12), а также на ряде других построек, в основе которых лежат древние памятники архитектурного искусства.

Несмотря на разнообразие раскрываемых форм и архитектурных стилей, выполненные на данных памятниках архитектурные раскрытия, наряду с возрождением первоначального подлинного объема, позволяют сохранить и фрагменты более поздних строительных периодов, раскрывающих образ различных эпох, в свое время отразившихся в судьбе самостоятельных построек и домовладений в целом. Подобного внимания достоин и главный дом усадьбы Безобразовых в селе Ивановское.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная концепция реставрации памятника позволяет в полной мере представить архитектурный облик по-

стройки 2-й половины XVIII в., тем самым выразить давно скрытый от глаз первоначальный облик главного здания усадьбы, раскрыть пластику объема эпохи барокко и возродить на своих исторических местах декоративно-художественное оформление фасадов главного дома. В то же время данной концепцией предусмотрено и сохранение более поздних напластований 1-й половины XIX столетия, рассказывающих классицистический этап в судьбе домовладения.

Вне всякого сомнения, предложенная концепция может иметь ряд поправок и допущений, однако, обладая значительным количеством артефактов архитектурной археологии, предложенный вариант можно рассматривать как основной, наиболее достоверно раскрывающий исторический облик сооружения и сохраняющий значимые элементы более поздних периодов.

По мнению автора, данное проектное решение позволит обогатить архитектурно-художественную составляющую как основного здания усадьбы, так и архитектурного ансамбля в целом. Подчеркнуть центр объемно-пространственной композиции и обозначить главенствующее положение постройки в структуре усадебного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- РГАДА. Ф. 1354. Оп. 249. Ч. 2. Д. 15 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1354. Оп. 249. Ч. 2. Д. 15.
- РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 8. Об. 9 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752.
- Барановский 1996 — Барановский П. Труды, воспоминания современников. М., 1996.
- Дом недели — Дом недели: палаты дьяка Адриана Ратманова в Большом Козловском переулке. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/dom-nedeli-palaty-dyaka-adriana-ratmanova-v-bolshom-kozlovskom-pereulke/>
- Дом с палатами — Дом с палатами XVII века по Большому Козловскому переулку. Фотографии прошлого. URL: <https://pastvu.com/p/1616321>
- Иванцык 2016 — Иванцык Т.В. Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации. Научно-исследовательская и проектная документация для прединвестиционной подготовки по объекту культурного наследия федерального значения «Усадьба Безобразовых, XVIII–XX вв.». М.: ООО АК-Проект, 2016.
- Иванцык 2024 — Иванцык Т.В. Главный дом усадьбы Ивановское-Безобразово, графическая реконструкция на вторую половину XVIII века // Вопросы всеобщей истории архитектуры. № 1 (22). 2024. С. 93–104. DOI: 10.22227/2500-0616.2024.22.97-108
- Иванцык, Салимов 2023 — Иванцык Т.В., Салимов А.М. Дом Д.А. Шепелева на Разгуляе в кругу сооружений эпохи барокко // Вестник МГСУ. Т. 18. Вып. 12. 2023. С. 1867–1879. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.12.1867-1879
- Крутицкий теремок — Крутицкий теремок со Святыми вратами. Фотографии прошлого. URL: <https://pastvu.com/p/1946182>
- Крутицкое подворье — Крутицкое подворье в Москве. URL: <https://moskultura.ru/church/kruticzkoie-podvorie>
- Мартынов, Снегирев 1852 — Мартынов А., Снегирев Н.М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1852.
- Московские шедевры — Московские шедевры. Архиерейское подворье на реке Саре. Крутицы // Бокман Г. Христианские святыни. История РПЦ. История России. Россия в красках. URL: ricolor.org
- Найденов 1888 — Найденов Н.А. Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений. Т. 5. М., 1888.
- Одинцов — Творческий сайт Григория Одинцова. «Теремок» в Крутицах. URL: odintsof.ru
- От старинных палат — От старинных палат до городского особняка: как под крышей дома Ратманова объединились эпохи // Новости города. Сайт Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/82554073/>
- Подъяпольская 1998 — Подъяпольская Е.Н. Памятники архитектуры Московской области. Каталог. Вып. 1. М.: Стройиздат, 1998.
- Салимов, Салимова 2016 — Салимов А.М., Салимова М.А. Историко-архивные и библиографические исследования. Научно-исследовательская и проектная документация для прединвестиционной подготовки по объекту культурного наследия федерального значения «Усадьба Безобразовых, XVIII–XX вв.». М.: ООО АК-Проект, 2016.
- Шармин — Шармин П.Н. Усадьба Ивановское-Безобразовых. Главный дом. 1979 г. // Министерство культуры Московской области. Паспорт на памятник. Оп. 03. № 98.

REFERENCES

- Ivantsyk T.V. Glavnyi dom usad'by Ivanovskoe-Bezobrazovykh, graficheskaiia rekonstruktsiia na vtoruiu polovinu XVIII veka (The main wing of the Ivanovskoye-Bezobrazovih estate. Graphical reconstruction for the middle XVIII century). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* (Questions of the History of World Architecture), no. 1 (22), 2024, pp. 97–108. DOI: 10.22227/2500-0616.2024.22.97-108 (in Russian).
- Ivantsyk T.V., Salimov A.M. Dom D.A. Shepeleva na Razgulyae v krugu sooruzhenii epokhi barokko (Shepelev's house in a range of baroque constructions). *Vestnik MGSU*, no. 18 (12), 2023, pp. 1867–1879. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.12.1867-1879 (in Russian).
- Pod'iapol'skaia E.N. Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti. Katalog (Architectural monuments of the Moscow region. Catalog), issue 1. Moscow: Stroizdat Publ., 1998 (in Russian).

С.В. Краус, Д.В. Тихонова

ОБЗОР КРУГОВЫХ ДЕПО НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию архитектурных особенностей и проблемам современного состояния круговых депо Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, соединяющей Москву и Санкт-Петербург и являющейся единым архитектурным комплексом. Многие из его ключевых элементов, представляя собой уникальные объекты промышленного и архитектурного наследия, сегодня находятся в аварийном состоянии. Авторы анализируют историю строительства депо, их роль в формировании архитектурного облика магистрали, а также предлагают возможные подходы к адаптации объектов. В работе представлен обзор успешных практик сохранения аналогичных сооружений, таких как Кругобайкальская железная дорога, лондонский Roundhouse (Круглый дом) и круговое депо в Санкт-Петербурге у Варшавского вокзала. Впервые объекты Николаевской железной дороги рассмотрены как целостный историко-культурный комплекс, обладающий значительным потенциалом для развития туристических маршрутов и приспособления к современным функциям.

Ключевые слова: круговое депо, круглое депо, Николаевская железная дорога, Октябрьская железная дорога, железная дорога Москва – Ленинград, железная дорога Москва – Санкт-Петербург, веерное депо

S.V. Kraus, D.V. Tikhonova

AN OVERVIEW OF THE CIRCULAR DEPOTS OF THE NIKOLAEV RAILWAY. PROSPECTS FOR CONSERVATION AND ADAPTATION

The article is devoted to the study of the architectural features and the issues of preservation of the current state of the circular depots along the Nikolaevskaya (currently Oktyabrskaya) Railway which connects Moscow and St. Petersburg and is a unified architectural complex. Many essential components of this ensemble, representing unique examples of industrial and architectural heritage, are now in critical condition. The authors examine the history of construction of these depots, their significance in forming the architectural appearance of the railway line, as well as propose possible approaches to the adaptation of these objects. The paper presents an overview of successful practices for preserving similar structures, such as the Circum-Baikal Railway, London Roundhouse and the circular depot at Varsavsky Station in St. Petersburg. For the first time, the objects of the Nikolaevskaya Railway are considered as an integral historical and cultural complex with significant potential for developing tourist routes.

Keywords: circular depot, round depot, Nikolaevskaya Railway, Oktyabrskaya Railway, Moscow – Leningrad Railway, Moscow – St. Petersburg Railway, fan-shaped depot

ВВЕДЕНИЕ

Формирование железнодорожной транспортной системы началось в XIX в. под влиянием комплекса факторов, включающих технологический прогресс, необходимость в экономической оптимизации, промышленную рево-

люцию и сопутствующие ей социальные изменения (Макаров, Озеров 2018: 29, 30; Курашов, Маслова 2014: 35–40). Переворот вследствие появления железной дороги сыграл важную роль в становлении облика современного общества.

Исторические железнодорожные сообщения между населенными пунктами и целыми странами с их неотъемлемой инфраструктурой, которая зачастую включает в себя ценные образцы промышленной архитектуры, сохранились по всему миру. Ввиду характера эксплуатации многие возведенные станционные объекты отличались монументальностью и долговечностью применяемых материалов, поэтому и сами сооружения, и коридоры прокладки путей являются свидетелями важнейших памятных событий, отражают культурную идентичность, направления развития и стремления общества и государства. Внедрение железнодорожной сети в градостроительную ткань регионов оказало существенное влияние не только на жизнь существующих, но и на возникновение и устройство новых поселений, во многом определив их экономические, социальные и политические перспективы. Поэтому железнодорожные сооружения нередко являлись градоформирующими объектами прилегающих населенных пунктов, также обеспечивая их жизнедеятельность. Актуальность исследования Николаевской железной дороги и данной инфраструктуры обусловлена степенью ее значимости для истории и культуры.

Сохранность архитектурного комплекса Николаевской железной дороги определяется состоянием его ключевых элементов, изначально обеспечивавших функциональную целостность системы и представляющих ценность в качестве памятников инженерного искусства XIX в. Особое значение имеют круговые депо, построенные на девяти станциях магистрали. Однако сегодня четыре из них находятся в аварийном состоянии. Причина тому — не только время, но и необходимость адаптации исторического наследия к современным социальным запросам и технологическим реалиям. Чтобы сохранить целостный облик Николаевской железной дороги, требуется комплексная реставрация депо и их приспособление к актуальным функциям.

Круговые депо кратко упоминаются в исторических трудах, посвященных Николаевской дороге и ее строению. Акцент в них сделан прежде всего на значении типового проекта К.А. Тона, сыгравшего роль в развитии железнодорожной магистрали между столицами (*Иллюстрированный путеводитель* 1914: 215; *Постройка 1842–1851–1901*: 64). Вопрос

сохранения принадлежащих ей памятников промышленной архитектуры активно поднимается в последние десятилетия из-за угрозы исчезновения в результате утраты первоначальной функции и давления научно-технического прогресса. В многочисленных исследованиях даются рекомендации по реставрации круглого депо, анализируются конструктивные решения здания (*Перунов, Кунин, Котов* 2013: 21–28) и предлагаются наиболее подходящие варианты перепрофилирования, учитывая необходимость сохранения аутентичности промышленного объекта (*Аксенова, Наумова, Гридюшко* 2016: 9–19; *Голова, Газизов* 2022: 146–149).

Цель исследования заключается в обосновании необходимости сохранения и адаптации круговых депо Николаевской железной дороги как части единого архитектурно-промышленного комплекса на основе анализа их общей историко-культурной ценности, современного состояния и опыта успешных практик приспособления подобных объектов промышленного наследия к современным функциям.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

В Российской империи в начале XIX в. мысль о возникновении железнодорожного сообщения считалась утопией из-за отсутствия подобного опыта проектирования и технологий, особенностей климатических условий, необходимости значительных финансовых вложений, продиктованных большими территориями страны (*Сакульева* 2015: 160–165). Однако, несмотря на сопротивление консервативных кругов, прогнозируемые трудности при строительстве рельсовой дороги и неизбежно последующие за ним коренные изменения всей системы социально-экономических отношений, «державная воля Николая I» сыграла решающую роль в преодолении этих препятствий (*Иллюстрированный путеводитель* 1914: 215). Император, трезво оценивая риски и степень ответственности правительства перед гражданами в случае неудачи, поддержал строительство, так как понимал стратегическое значение железной дороги, которое заключалось в укреплении единства огромной территории Российской империи и стимулировании экономического роста (*Шашкова* 2016: 74–97). Он осознавал, что страна, стремившаяся занять лидирующие пози-

ции, должна не отставать от ведущих европейских держав и идти в ногу с мировыми тенденциями.

Ключевой железнодорожный проект, связавший старую и новую столицы, Москву и Санкт-Петербург, был реализован в 1840-е гг. для обеспечения быстрой связи, улучшения логистики и торговли, олицетворяя символ прогресса и развития промышленности (Постройка 1842–

1851–1901: 64). Так, сооруженная железная дорога, названная в 1855 г. Николаевской в честь правителя Российской империи (Тархов 2015: 177–188), стала самым большим в мире единым историческим и архитектурным комплексом (Аксенова, Наумова, Гридюшко 2016: 9–19), целостность которого теперь находится под угрозой. Исследователи отмечают, что «прокладка высокоскоростных магистралей вблизи

Рис. 1. Схема Николаевской железной дороги (составлена авторами)

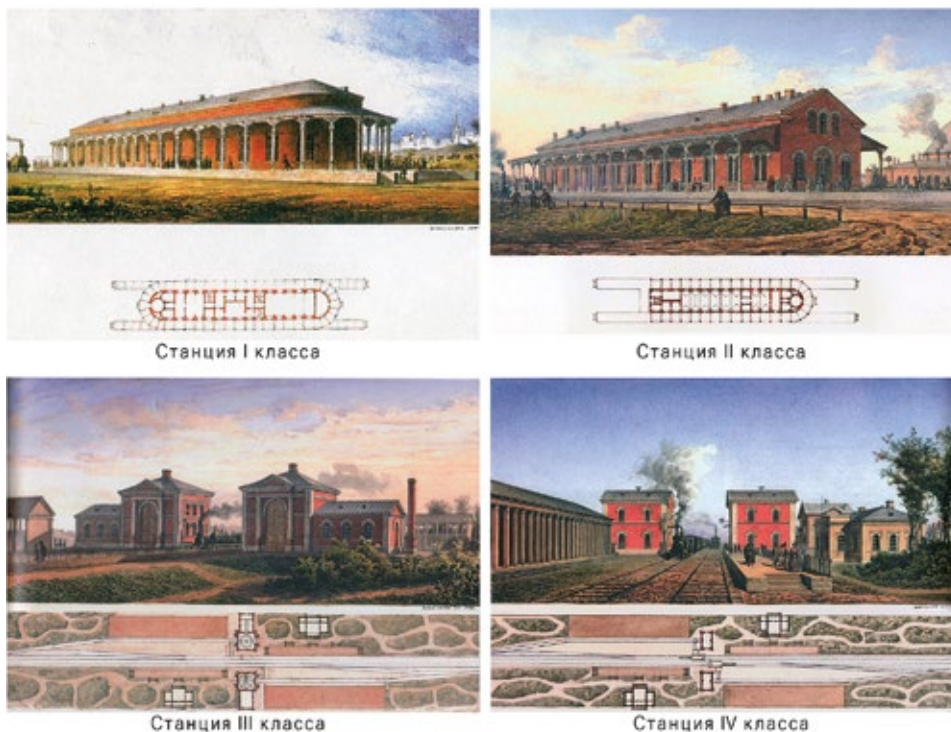

Рис. 2. Проектные предложения станций (акварельные работы А.Х. Кольба)

имеющихся железнодорожных путей может привести к полной потере объектов бывшей Николаевской железной дороги» ввиду необходимости внедрения «инновационных» технологий для скоростных перевозок (Курашов, Маслова 2014: 35–40).

Особого внимания заслуживает подход к проектированию и строительству Николаевской железной дороги, обеспечивший функциональную взаимосвязь и стилевое единство всех элементов структуры. Учитывая протяженность транспортной магистрали (604 версты = 644,3 км) и технологические особенности паровозов, было предусмотрено 34 станции (рис. 1, 2), которые подразделялись на четыре класса (Иллюстрированный путеводитель 1914: 215). К I классу относились пять станций, из которых две столичные и три промежуточные — Малая Вишера, Бологое, Тверь. II класс представляли четыре станции — Любань, Окуловка, Спирово и Клин. Мастерские при депо на этих станциях (II класса) были построены в сокращенном виде и совмещены с водонапорными башнями. Станции III и IV классов были выполнены в количестве 9 и 16 шт. соответственно.

Станции I и II классов чередовались каждые ~80 км. По проекту на них возводились большие островные вокзалы, где останавливались все поезда, а также были предусмотрены круговые паровозные депо, поделенные на основные (на станциях I кл.) и оборотные (II кл.). На первых выполнялся технический осмотр и ремонт локомотивов, а на вторых — экипировка и подготовка к следованию до основного депо. Между первыми двумя классами располагались поочередно станции III и IV классов, и итоговое расстояние между каждой остановкой составляло около 20 км. Станции IV класса предполагали исключительно дозаправку паровоза водой. Станции последних двух классов не предусматривали вокзалов и депо и вместо каменных платформ имели деревянные, однако они располагали парадным въездом, сформированным парой водонапорных башен по обеим сторонам от рельсовой дороги. На станциях III класса к ним дополнительно пристраивались дровяные сараи (Постройка и эксплуатация Николаевской железной дороги 1842–1851–1901: 64).

Формирование единой архитектурной концепции транспортной магистрали

КРУГЛОЕ ПАРОВОЗНОЕ ЗДАНИЕ.—ROTONDE POUR LOCOMOTIVES
Фасад. 1/200 Facade.

План. 1/200 Plan.

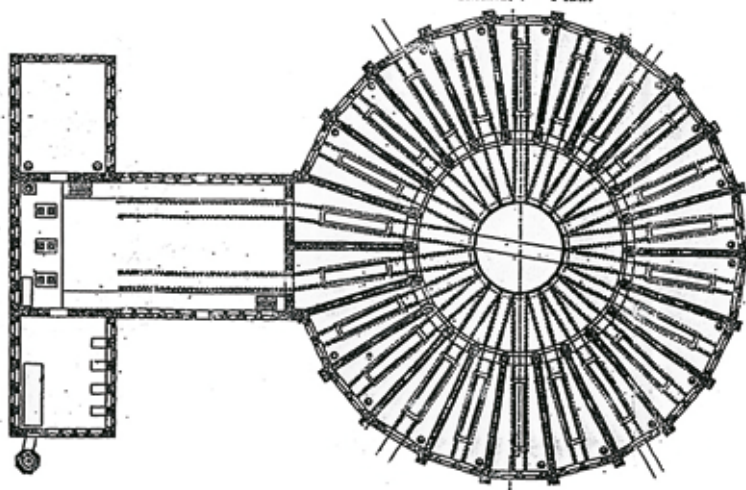

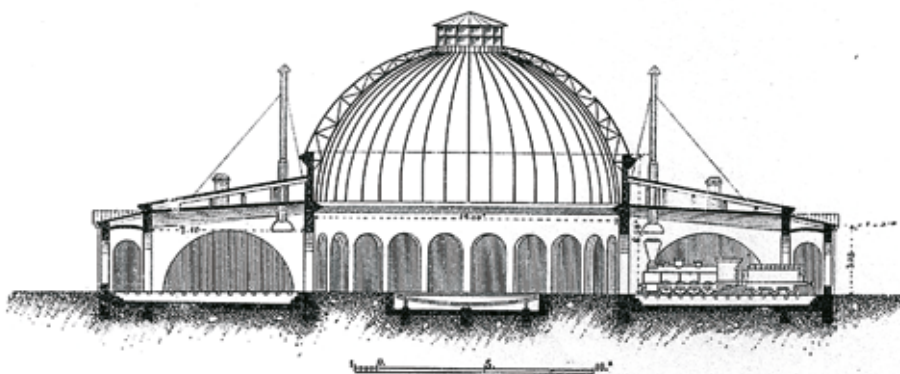
Рис. 3. Типовой чертеж депо (РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4062)

стало возможным благодаря системному проектированию, где все элементы дороги разрабатывались на основе типовых решений (Аксенова, Наумова, Гридюшко 2016: 9–19). Были созданы проекты вокзалов станций, круговых, веерных и прямоугольных депо, ремонтных мастерских, водокачек, нефтекачек, жилых домов для работников, домов отдыха локомотивных бригад, мостов, поворотных кругов. Последовательная взаимосвязь всего пути и его компонентов делает дорогу уникальным объектом, сочетающим в себе историко-архитектурную и художественную ценности.

Небольшие населенные пункты на пути Николаевской железной дороги, некоторые из которых обязаны своим возникновением строительству станций, «никак не могли конкурировать с обеими столицами, выполняя в первую очередь транспортно-транзитные функции» (Шашкова 2016: 74–97). Их история начинается со

станционных построек, комплекс которых стал центром жизнедеятельности района. Одним из важнейших зданий эксплуатационной инфраструктуры такого комплекса являлись паровозные депо, построенные для обеспечения надежного технического обслуживания и ремонта паровозов. Они были запроектированы по типовому проекту (рис. 3), разработанному Константином Андреевичем Тоном (1794–1881) по образцу американских (Постройка 1842–1851–1901: 24), и располагались на станциях первых двух классов.

Описание типового проекта депо: «Они представляли собой кольцеобразное строение из двух концентрических стен: наружной и внутренней. В центре такого строения помещался поворотный круг, и от него шли радиальные пути в паровозные стойла, помещавшиеся между наружной и внутренней стенами. Средняя часть была покрыта куполом, на вершине которого была надстройка для вентиляции

Черт. 125. Разрѣзъ круглаго паровознаго зданія послѣ удлиненія стойлъ.

Рис. 4. Типовой разрез реконструкции депо (РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4062)

с застекленным световым фонарем. Двойные окна в наружных стенах служили для освещения пространства вдоль каждого стойла, въездом в которые служила арка во внутренней кольцевой стене. Один или два пути в наружных стенах делались въездными с затворяющимися изнутри воротами. Число стойл достигало 18–22, длина их между внутренними стенами составляла 15 м, и такие здания строились как в основных, так и в оборотных депо» (Мокршицкий 1941: 24).

К круглой части депо на станциях I класса пристраивался Т-образный объем, состоящий из главной мастерской и двух флигелей: «Мастерская эта предназначена не для больших исправлений или коренных переделок паровозов, но только для ежедневного осмотра исправными все части паровоза и для мелких починок». Один из флигелей отводился под кузницу с земляным полом. Второй — для постоянной паровой машины, накачивающей воду и приводящей в движение колеса главной мастерской (РГИА. Ф. 219. ОП. 1. Д. 4049).

При всех достоинствах круглых депо, построенных для трехосных паровозов, они оказались короткими, когда стали выпускать четырехосные. «Круглые паровозные здания, ...вследствие изменения конструкции паровозов оказались вскоре недостаточно вместительными и новые длинные паровозы не помещались в коротких стойлах. В виду этого ...было приспособлено к удлинению стойл в круглых зданиях» (Материалы 2008) (рис. 4).

На всех девяти станциях до наших дней сохранились круговые депо с различной

степенью целостности. Эти сооружения с характерными купольными завершениями изначально выполняли роль архитектурных доминант, формируя силуэт станционных поселений и создавая их запоминающийся образ при подъезде по железной дороге.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРУГОВЫХ ДЕПО

Санкт-Петербург. Станция I класса. Целый объем здания депо зафиксирован на аэрофотосъемке 1941 г. (рис. 5, а). К настоящему времени утрачен металлический купол (эта конструкция отсутствует и у следующих 7 депо), утрачены Т-образные мастерские. Круглая часть здания сохранилась полностью, не считая демонтированного поворотного круга, и приспособлена для производственных целей РЖД. С южной стороны пристроен большой прямоугольный ремонтный цех. С западной и восточной сторон депо проложены многочисленные пути. Имеется подход по мосту с западной стороны от ул. Днепропетровской. Содержится в хорошем состоянии (рис. 5, b).

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 60 %.

Любань. Станция II класса. Утрачена половина (11 секторов) кольцевой части здания депо и мастерские (рис. 6, а, b). В оставшейся части сохранились удлиненные части стойл. По краям уцелевшей части выполнены двухэтажные пристройки на месте утраченных стойл. Рельсы на территории депо демонтированы, но в грунте виднеются деревянные шпалы. Все сводчатые перекрытия утрачены. Вместо них

Рис. 5. Санкт-Петербург. Станция I класса: а — аэрофотосъемка 1941 г.; б — фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

выполнены сборные железобетонные двускатные покрытия из мелкоразмерных плит типа ПРТ по металлическим балкам. Весной 2019 г. здание утеплено минераловатными плитами и обшито профилированными листами (рис. 6, с) (Чижов 2019). В настоящее время депо используется под склады и ремонтные мастерские.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 35 %.

Малая Вишера. Станция I класса. До 1998 г. использовалось как депо, в приписном парке были, в том числе, паровозы — это было одно из трех последних действующих паровозных депо на Октябрьской железной дороге (рис. 7, а). За время использования здание сильно обстроено и надстроено: вся кольцевая часть окружена поздними пристройками, изменен корпус механических мастерских. Практически нигде не сохранились фасады XIX в., только фрагментарно во внутренней части здания. Сохранился поворотный круг с клепаным пролетным строением. Металлический купол демонтирован во время Великой Отечественной войны, но в верхней части здания частично уцелели фермы от купола. Большепролетные стальные конструкции (фермы) над мастерскими заменены поздними сварными. Все сводчатые перекрытия утрачены. Вместо них выполнены сборные железобетонные покрытия из ребристых плит мелко- и крупноразмерных по металлическим балкам. Покрытие выполнено также из плит типа ПРТ. Также во время войны был разрушен значительный фрагмент круговой части, который впоследствии был восстановлен с изменением формы. В некоторых стойлах сохранились первоначальные ремонтные «ямы». Их стенки выполнены из кир-

а

б

с

Рис. 6. Любань. Станция II класса: а — открытка 1880–1910-е гг. (Госкаталог.РФ); б — общий вид до обшивки; с — общий вид после обшивки. Фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

а

б

Рис. 7. Малая Вишера. Станция I класса: а — фото 1900–1910 гг. (URL: <https://pastvu.com/p/206913>); б — фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

а

б

с

Рис. 8. Окуловка. Станция II класса: а — фото 1864 г. (URL: <https://pastvu.com/p/141784>); б, с — фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

пичной кладки на известковом растворе, а в верхних частях уложены гранитные блоки с некоторым шагом. В арочном проеме в одном из стойл имелась станковая живопись советского периода.

С 2001 г. здание полностью заброшено и постепенно разрушается. Состояние аварийное. После 2023 г. утрачены деревянные въездные ворота второй концентрической стены.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 80 % (рис. 7, б).

Окуловка. Станция II класса. Из всех девяти депо это является наиболее сохранившимся (рис. 8). Имеет минимум перестроек и искажений, сохранились как круглая часть здания, так и объем мастерских, где располагались водяные баки, и который существенно надстроен (он надстраивался дважды — в 1870-е гг. и в советское время). Имеются небольшие по размерам пристройки к круглой части здания.

Углубление для поворотного круга сохранено, но сильно заросло растительностью. Сохранились сводчатые перекрытия стойл. Перекрытия удлиненных частей также выполнены сводчатыми из кирпичной кладки.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 80 %.

Бологое. Станция I класса. Здание кругового депо (рис. 9) не является объектом культурного наследия, включенным в реестр, выявленным объектом культурного наследия, объектом, обладающим признаками объектов культурного наследия. Оно выкуплено у РЖД в собственность ТРОО «Возрождение Верхневолжья».

Большая часть кольцевой конструкции депо подверглась разрушению в годы Великой Отечественной войны вследствие немецких бомбардировок. Пово-

ротный круг утрачен. Обрушение купола произошло в 1944 г. Сохранившаяся часть (6 стоек) с удлиненными частями заброшена и не используется. Все своды утрачены. Заменены на деревянное покрытие по деревянным или стальным балкам. В одном месте сохранился небольшой коробовый свод из кирпичной кладки, выполненный во время удлинения. В некоторых стойлах сохранились первоначальные ремонтные «ямы». В верхних частях их стенок с некоторой периодичностью уложены гранитные блоки, так же как в депо в Малой Вишере.

Почти полностью сохранился Т-образный корпус мастерских (рис. 9, с). Используется как котельная и административные помещения. В административных помещениях выполнена обшивка всех стен и перекрытий.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 50 %.

Спирово. Станция II класса. Круговая часть депо утрачена более чем на половину — сохранилось 9 секций из 22 (рис. 10). В стойлах сохранились сводчатые перекрытия, некоторые из которых усилены балками из использованных рельсов. Также утрачен поворотный круг. Объем водонапорной башни с мастерскими сохранился, но утрачен переход в нее из круглой части, о чем свидетельствуют остатки внутрстенных связей и разрушения порядовки в плоскости стен депо. Эта часть надстроена в 1870-е гг.

Здание используется для размещения служб РЖД в складских и ремонтных целях, поддерживается в удовлетворительном состоянии, оштукатурено, окрашено. Имеются разновременные пристройки с разных сторон депо.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 45 %.

Тверь. Станция I класса. Это единственное из всех зданий депо, сохранившее близкую к исторической функцию. До настоящего времени используется целиком как ремонтные мастерские. Купол депо демонтирован в 1948 г. (рис. 11). Полностью сохранилось круглое здание с удлиненными частями по всему периметру, частично механические мастерские. Сохранились рельсовые пути как вокруг здания, так и внутри него, поворотный круг, хоть и не первоначальный, но действующий. Здание поддерживается в удовлетворительном состоянии.

Архитектурный облик сооружения подвергся существенным изменениям.

а

б

с

Рис. 9. Бологое. Станция II класса: а — фото 1905–1910 гг. (URL: <https://pastvu.com/p/483061>); б, с — фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

а

б

Рис. 10. Спиридово. Станция II класса: а — фото 1864 г. (URL: <https://pastvu.com/p/141561>); б — фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

а

б

Рис. 11. Тверь. Станция I класса. Фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

а

б

Рис. 12. Клин. Станция II класса. Фото Д.В. Тихоновой, 2025 г.

Приблизительно треть фасадов с северо-западной стороны (со стороны Санкт-Петербурга) имеют поздние пристройки из силикатного кирпича.

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 95 %.

Клин. Станция II класса. В годы войны утрачена половина (11 секторов) круглой части здания депо (рис. 12). Оставшаяся используется, как и корпус с мастерскими. Утрачен поворотный круг, рельсовые пути демонтированы. Сохранились сводчатые перекрытия стоек, в одном из которых — декоративный уступчатый трехчастный

карниз по контуру заложенного арочного проема, украшенный зубцами — «сухари́ками».

По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 50 %.

Москва. Станция I класса. Депо было построено без мастерских из-за особенностей рельефа (рис. 13, а). Они располагались отдельно. За время существования здание было обстроено, уровень стоек разделен на 2 этажа поздними перекрытиями, надстроен 3-й этаж, внутренние пространства разбиты на множество помещений. Купол, так же как у остальных

а

б

Рис. 13. Москва. Станция I класса: а — фото 1864 г. (URL: <https://pastvu.com/p/27528>); б — фото С.В. Крайса, 2024 г.

депо, был утрачен, демонтированы пути и поворотный круг.

В 2000-е гг. депо эксплуатировалось как рынок, где продавались преимущественно книги и одежда. В 2011 г. здание перестало эксплуатироваться. В 2012 г. были выполнены обмеры и инженерно-технические исследования, в которых один из авторов данной статьи (С.В. Краус) принимал непосредственное участие в роли ведущего инженера-реставратора.

Владельцем (РЖД) было принято решение о демонтаже 9 секций из 22, одна из которых являлась проездом. Такое решение было обусловлено развитием Октябрьского направления железной дороги с увеличением платформ и путей, для которых нужно было место. Все секции (стойла и проезды) со сводами сохранялись до начала 2013 г. Удалось сохранить центральную часть и воссоздать купол (рис. 13, б).

В настоящее время это единственное круговое депо, на котором были проведены работы по реконструкции и реставрации, и единственное, где был воссоздан купол. По результатам визуального анализа сохранность объекта составляет 70 %.

Проведенное визуальное исследование выявило, что современное состояние указанных депо в целом не коррелирует с их охранным статусом (табл.). При этом значительная дифференциация их сохранности обусловлена как историческими обстоятельствами, так и особенностями эксплуатации в XX–XXI в.

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ЗДАНИЙ-АНАЛОГОВ И ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Для разработки стратегии сохранения круговых депо Николаевской железной дороги принципиально важным представляется анализ успешного опыта

сохранения железнодорожного наследия. Вопрос определения железнодорожных сооружений и магистралей как наследия поднимается в разных странах по всему миру. Зброшенная инфраструктура и пути, проходящие сквозь исторические поселения, формируя части планировочной структуры, являются неотъемлемыми их составляющими, следовательно, представляют собой потенциальные возможности для восстановления местной идентичности и окружающей среды (Boente, Romero-Macías, Delgado-Domínguez, Sierra 2024: 14), а также экономического стимулирования всего региона.

И отечественный, и зарубежный опыт насыщен примерами сохранения ранних железных дорог и прилегающей к ним инфраструктуры, идея которых заключается в стремлении запечатлеть свидетельство технической и инженерной мысли, признавая их историческую ценность и вклад в развитие общества.

Такой опыт уже имеется в современной России. В Восточной Сибири расположена Кругобайкальская железная дорога рубежа XIX–XX вв., которая является «уникальным историко-культурным комплексом, включающим памятники истории, техники, ... природы и неповторимые ландшафты», — как указано в исторической справке исследования (Захарова, Захаров, Верхотуров 2010: 61–66) (рис. 14). Байкальская линия была частью Транссибирской магистрали. Ее участок вдоль северного берега оз. Байкал впоследствии оказался выведен из состава Транссиба и стал самостоятельным туристическим маршрутом. Учитывая неповторимость этого пути, дорогу и все прилегающие строения отремонтировали после нескольких лет отсутствия эксплуатации, создав привлекательный туристический

Сводная таблица состояния всех круговых депо Николаевской железной дороги (составлена авторами)

Станции	Параметры						
	План-схема сохранившихся частей, %	Статус объекта	Название объекта	Предмет охраны	Вид	Номер в реестре ОКН	Адрес
Санкт-Петербург Станция I класса	 60 %	ОКН Регионального значения (Приказ КГИОП № 143-р от 22.07.2019)	«Депо Николаевской железной дороги», 1845–1847 гг., 1870-е гг., 1896–1897 гг.	+	Ансамбль	781921326700005	Невский проспект, 85 ДД
Любань Станция II класса	 35 %	ОКН Регионального значения (Приказ КГИОП № 01-03/19-517 от 16.12.2019)	«Паровозное депо с поворотным кругом»	+	Памятник	Не найден	Ленинградская область, Тосненский район, г. Любань, ж/д станция
Малая Вишера Станция I класса	 80 %	ОКН Регионального значения (Приказ Комитета государственной охраны культурного наследия Новгородской области № 669 от 21.12.2011)	«Здание круглого паровозного депо»	+	Памятник	531410356140005	Новгородская область, г. Малая Вишера, ул. Революции, 16
Окуловка Станция II класса	 80 %	ОКН Регионального значения (Приказ Комитета государственной охраны культурного наследия Новгородской области № 70 от 27.08.2015)	«Комплекс железнодорожной станции. Поворотное депо», 1850–1860-е гг., – начало XX в.	+	Ансамбль	531620664330005	Не присвоен (Новгородская обл., г. Окуловка)
Бологое Станция I класса	 50 %	–	Зданию кругового депо не присвоен статус ОКН. Выкуплено у РЖД в собственность ТРОО «Возрождение Верхневолжья»	–	–	–	Тверская обл., г. Бологое. По данным Яндекс. Карт адрес присвоен корпусу мастерских: Вокзальный переулок, 56
Спирово Станция II класса	 45 %	ВОКН (Приказ Комитета по охране историко-культурного наследия Тверской обл. № 8-нп от 16.08.2010)	«Здание локомотивного депо», 1850 г.	–	–	–	Тверская область, ст. Спирово. По данным Яндекс.Карт адрес присвоен надстройке части: Железнодорожная ул., 5
Тверь Станция I класса	 95 %	ВОКН (Приказ Комитета по охране историко-культурного наследия Тверской обл. № 68 от 30.12.1999)	«Здание локомотивного депо», 1850 г.	–	–	–	Тверская область, ст. Тверь. По данным Яндекс. Карт адрес присвоен: ул. Железнодорожная, 88
Клин Станция II класса	 50 %	ВОКН (Распоряжение Министерства культуры Московской области № 334-р от 01.11.2005)	Комплекс зданий железнодорожной станции «Клин»: круглое депо, 1870 г.	–	–	–	Московская область, городской округ Клин, г. Клин, ул. Трудовая. По данным Яндекс.Карт: д. 10
Москва Станция I класса	 70 %	ОКН Регионального значения (Приказ ДКН № 567 от 15.07.2016)	«Круговое депо, 1851 г., архитекторы К.А. Тон, Р.А. Желязевич, 1860-е гг., 1850–1860-е гг., начало XX в.»	+	Памятник	771610657920015 (Идентификатор в АИС Мосгорнаследия: a5e956c7-56f9-11e2-965f-005056806bb6)	Москва, Комсомольская пл., д. 3/30, стр. 1

объект. Кругобайкальская дорога — «грандиозное сооружение, вобравшее в себя все технические достижения того времени» (Хобта 2005: 267) — также хранит память об отечественных строителях, профессионализм и сила которых воплотились в исключительных инженерных сооружениях и конструктивных решениях, представляя собой материальное свидетельство эпохи.

Изучая европейскую практику, следует отметить комплексный подход к сохранению железнодорожного наследия. Горная железная дорога Рио Тинто, строительство которой началось в 1873 г., и относящиеся к ней депо и станции трансформировались в туристический парк на юге Испании. Исследователи подчеркивают стремление продемонстрировать важность восстановления промышленного наследия и окружающей его среды (Boente, Romero-Macías, Delgado-Domínguez, Sierra 2024: 14). Необходимость данного проекта продиктована как значением дороги в истории экономики страны, ценностью инфраструктуры для культурного ландшафта региона, так и людьми, жизнь которых на протяжении нескольких поколений была связана с работой магистрали.

Отдельно взятые депо также являются успешными примерами поддержания исторического наследия в городской среде через переосмысление исторической функции. Такой подход можно наблюдать в Лондоне — Roundhouse или в Москве —

Круговое депо Николаевской железной дороги, рассмотренное выше, а также в Санкт-Петербурге.

Круглое депо в Лондоне — Roundhouse выстроено в 1846–1847 гг. Причины запустения здания идентичны причинам разрушения его аналогов — локомотивных депо магистрали Москва – Петербург. Это быстрый технический прогресс, обусловивший увеличение паровозных машин, для обслуживания которых предназначались после уже не подходящие по размерам круглые депо. Восстановление Roundhouse — вдохновляющий пример внедрения исторического железнодорожного строения в современную жизнь. После нескольких проектов приспособления в 2006 г., учитывая историю индустриального памятника, компания британского архитектора трансформировала объект в драматический культурный зал (John McAslan 2006). Проект собрал множество наград, доказав возможность успешной реализации перепрофилирования депо (рис. 15).

Круговое депо Николаевской железной дороги в Москве используется эпизодически для проведения различных мероприятий. В ноябре 2024 г. там была проведена выставка ПРОРЕСТАВРАЦИЮ.

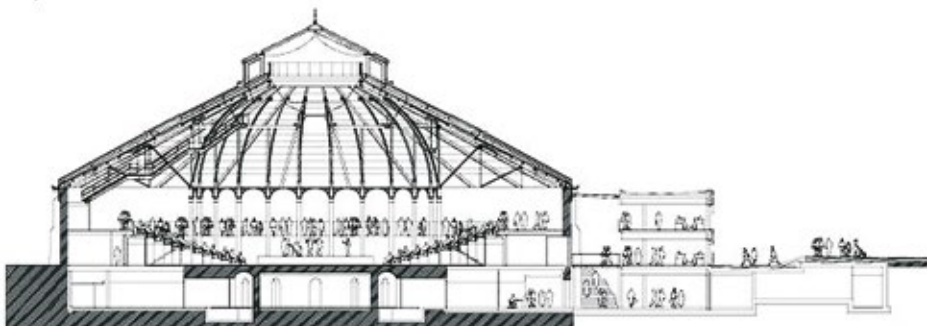
Еще один отечественный пример — депо в Санкт-Петербурге у Варшавского вокзала (рис. 16), состоящее из корпусов мастерских и круглого здания и построенное в середине XIX в. по проекту ар-

Рис. 14. Примеры сохранения железных дорог. Кругобайкальская железная дорога. Фото С. Волкова

a

b

Рис. 15. Roundhouse, Лондон. Бюро John McAslan + Partners, 2006: a — фото проведения мероприятия; b — проектный разрез

хитектора П.О. Сальмановича. Первым было реконструировано круглое здание депо. С 2016 г. здесь функционирует бизнес-центр, для которого были созданы перекрытия, разделившие внутреннее пространство на два этажа, а также конусообразный стеклянный купол. В 2021 г. депо рассматривалось как лучший опыт в сфере современной архитектуры и редевелопмента городской среды.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Все комплексы станций выдержаны в едином архитектурном стиле и объединены общей концепцией, образуя неразрывный комплекс. Соответственно, даже

в контексте восстановления круговых депо уровень такого объекта не позволяет обойтись лишь «механической» реставрацией отдельно взятых локомотивных зданий.

Необходимо возродить также их единое восприятие, которое опирается на замысел автора. В этом заключается особенность круговых депо Николаевской железной дороги — каждое из них, по отдельности являясь уникальным промышленным объектом, одновременно находится в структуре комплекса единого памятника, представляя его часть. Подобный аспект в первую очередь важно учитывать, говоря о приспособлении депо, которое может быть выполнено под различные функции, являющиеся частями одного целого туристического круиза.

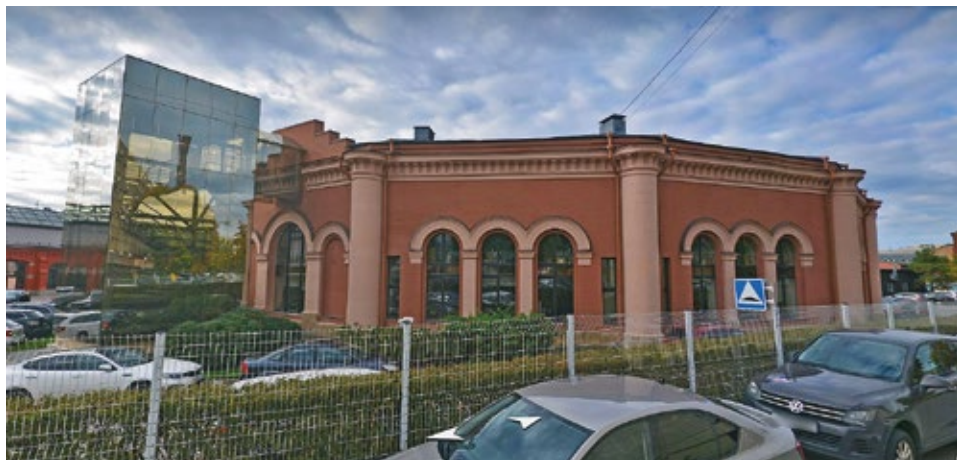

Рис. 16. Круговое депо в Санкт-Петербурге у Варшавского вокзала. Фото 2024 г. (Яндекс Карты)

Поскольку связь объектов подкрепляется не только типовой планировкой и общим архитектурным стилем, но и духом того времени, когда началась эпоха грандиозной железнодорожной сети Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современного состояния круговых депо демонстрирует значительную дифференциацию их сохранности — от 35 до 95 %, что обусловлено как военными разрушениями, так и особенностями эксплуатации в Новейшее время. Поэтому данные объекты нуждаются в индивидуальной концепции реставрации из-за разной степени сохранности аутентичных элементов и потенциала приспособления к новой функции. Однако, очевидно, что они требуют не точечных реставрационных вмешательств,

а системного подхода, учитывающего их ценность как памятников инженерного искусства и как важных элементов исторической инфраструктуры. Их сохранение и адаптация могут стать значимым примером бережного отношения к промышленному наследию России.

Перспективами дальнейших исследований должна стать разработка программы сохранения всего комплекса Николаевской железной дороги и экономических моделей эксплуатации объектов. Анализ международного опыта доказывает возможность успешной интеграции подобных объектов в современную среду через организацию туристических маршрутов, приспособление под multifunctional общественные пространства или сохранение транспортных функций в адаптированном виде.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОКН — объект культурного наследия

РЗ — регионального значения

ВОКН — выявленный объект культурного наследия

ЕГРОКН — единый государственный реестр объектов культурного наследия

КГИОП — комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, Санкт-Петербург и Ленинградская область

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4049 — Российский государственный исторический архив. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4049 «О подробном проекте мастерских для починки локомотивов при локомотивных зданиях станций I разряда», 1846–1847 гг.

РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4062 — Российский государственный исторический архив. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4062 «О проекте здания для локомотивов при Московской пассажирской станции», 1846–1849 гг.

- Аксенова, Наумова, Гридюшко 2016 — Аксенова И.В., Наумова Ю.И., Гридюшко В.В. Перспективы современного использования зданий круговых паровозных депо // Вестник МГСУ. № 2. 2016. С. 9–19.
- Голова, Газизов 2022 — Голова М.А., Газизов Т.Х. Отечественный опыт современного использования зданий железнодорожных депо и водонапорных башен. Инновации и инвестиции. М.: «Русайн», 2022.
- Захарова, Захаров, Верхотуров 2010 — Захарова Е.С., Захаров С.В., Верхотуров В.В. Хронология геоэкологических процессов и явлений в районе эксплуатации Кругобайкальской железной дороги // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 6 (46). 2010. С. 61–66.
- Иллюстрированный путеводитель 1914 — Иллюстрированный путеводитель по Николаевской ж. д. / предисл. инж. п. с. В. Ададунова. Петроград: Издание Управления Николаевской железной дороги, 1914.
- Курашов, Маслова 2014 — Курашов Ю.Ю., Маслова Е.А. Проблемы сохранения и использования объектов культурного наследия железных дорог // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1. 2014. С. 35–40.
- Макаров, Озеров 2018 — Макаров А.В., Озеров М.С. Первый шаг в создании транспортной системы России // Инновационная наука. № 11. 2018. С. 29–30.
- Материалы 2008 — Общество с ограниченной ответственностью «Центр историко-градостроительных исследований» (ООО «ЦИГИ»). Материалы реставрационного обследования, выявленный объект культурного наследия, здание «Круговое депо», 2008.
- Мокршицкий 1941 — Мокршицкий Е.И. История паровозостроения СССР 1846–1940 гг. М.: Трансжелдориздат, 1941.
- Перунов, Кунин, Котов 2013 — Перунов А.С., Кунин Ю.С., Котов В.И. Реставрация памятника архитектуры — здания кругового паровозного депо // Вестник МГСУ. № 5. 2013. С. 21–28.
- Постройка 1842–1851–1901 — Постройка и эксплуатация Николаевской железной дороги: краткий исторический очерк / сост. Управлением Николаевской железной дороги. Санкт-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1901.
- Сакульева 2015 — Сакульева Т.Н. Строительство железных дорог в Царской России // Вестник университета. № 11. 2015. С. 160–165.
- Тархов 2015 — Тархов С.А. Эволюция транспортных сообщений между Москвой и Санкт-Петербургом // Экономический журнал. № 1 (37). 2015. С. 177–188.
- Хобта 2005 — Хобта А.В. История строительства Кругобайкальской железной дороги 1887–1915 гг.: дис. ... канд. ист. наук., 2005.
- Чижов 2019 — Чижов М. РЖД облицевали металлопрофилем старинное паровозное депо. Фонд Внимания, 2019. URL: <https://fondvnimanie.ru/news/222/rzhd-oblicevali-metalloprofilem-starinnoe-parovoznoe-depo?ysclid=mc43hsce5876060207> (дата обращения: 01.07.2025).
- Шашкова 2016 — Шашкова Н.О. Управленческий и экономический аспекты формирования железнодорожной политики России в 1820–1850-е годы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 2. 2016. С. 74–97.
- Boente, Romero-Macías, Delgado-Domínguez, Sierra 2024 — Boente C., Romero-Macías E., Delgado-Domínguez A., Sierra C. Unveiling the Legacy of the Nineteenth Century Riotinto Mining Railway: From Historic Heritage to Thriving Tourist Attraction. *Geoheritage*, 2024.
- John McAslan 2006 — John McAslan + Partners. Project of Roundhouse. URL: <https://www.mcaslan.co.uk/projects/roundhouse> (дата обращения: 01.07.2025).

REFERENCES

- Aksenova I.V., Naumova Iu.I., Gridiushko V.V. Perspektivy sovremenno-go ispol'zovaniia zdanii krugovykh parovoznykh depo (Perspectives of the contemporary usage of circular locomotive depot buildings). *Vestnik MGSU*, no. 2, 2016, pp. 9–19 (in Russian).
- Golova M.A., Gazizov T.Kh. Otechestvennyi opyt sovremennogo ispol'zovaniia zdanii zheleznodorozhnykh depo i vodonapornykh bashen. *Innovatsii i investitsii* (Domestic experience of modern use of railway depot buildings and water towers. *Innovation and investment*). Moscow: Rusain Publ., 2022 (in Russian).

- Zakharova E.S., Zakharov S.V., Verkhoturov V.V. Khronologiya geoekologicheskikh protsessov i yavlenii v raione eksploatatsii Krugobaika'skoi zheleznoi dorogi (Chronology of geoecological processes and phenomena in the area of operation of the Circum-Baikal Railway). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State Technical University)*, no. 6 (46), 2010, pp. 61–66 (in Russian).
- Kurashov Iu.Iu., Maslova E.A. Problemy sokhraneniia i ispol'zovaniia ob"ektov kul'turnogo nasledii zheleznykh dorog (The problems of preservation and maintenance of the railway heritage). *Akademicheskii vestnik Ural-NIIproekt RAASN (Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN)*, no. 1, 2014, pp. 35–40 (in Russian).
- Makarov A.V., Ozerov M.S. Pervyi shag v sozdaniie transportnoi sistemy Rossii (The First Step in Creating Russia's Transport System). *Innovatsionnaia nauka (Innovative science)*, no. 11, 2018, pp. 29–30 (in Russian).
- Perunov A.S., Kunin Iu.S., Kotov V.I. Restavratsiia pamiatnika arkhitektury — zdaniia krugovogo parovoznogo depo (Restoration of the round locomotive depot, a Moscow landmark). *Vestnik MGSU*, no. 5, 2013, pp. 21–28 (in Russian).
- Sakul'eva T.N. Stroitel'stvo zheleznykh dorog v Tsarskoi Rossii (Railway Construction in Imperial Russia). *Vestnik universiteta*, no. 11, 2015, pp. 160–165 (in Russian).
- Tarkhov S.A. Evoliutsiia transportnykh soobshchenii mezhdu Moskvoi i Sankt-Peterburgom (The evolution of transport messages between Moscow and St. Petersburg). *Ekonomicheskii zhurnal (Economic Journal)*, no. 1 (37), 2015, pp. 177–188 (in Russian).
- Shashkova, N.O. Upravlencheskii i ekonomicheskii aspekty formirovaniia zheleznodorozhnoi politiki Rossii v 1820–1850-e gody (Managerial and Economic Aspects of Formulating Russian Railway Policy in the 1820–1850s). *ETAP: ekonomicheskaya teoriia, analiz, praktika (ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice)*, no. 2, 2016, pp. 74–97 (in Russian).
- Boente C., Romero-Macías E., Delgado-Domínguez A., Sierra C. *Unveiling the Legacy of the Nineteenth Century Riotinto Mining Railway: From Historic Heritage to Thriving Tourist Attraction*. Geoheritage Publ., 2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

About the authors

Баева Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, советник РААСН, профессор кафедры «Основы архитектуры и художественных коммуникаций» Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ), ведущий научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя РФ» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ). Автор более 50 научных публикаций, в том числе 3 научных монографий.

Бондаренко Игорь Андреевич, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, член Президиума РААСН, почетный архитектор России, лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства (1999), консультант кафедры «Основы архитектуры и художественных коммуникаций», Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), главный научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ). С 2000 г. возглавляет периодическое издание «Архитектурное наследство», является составителем сборников научных трудов и коллективных монографий, организатором конференций. Изучает традиции русского градостроительства, творческое мышление архитекторов, а также архаическую картину мира, запечатленную в универсальных традициях архитектурного формообразования.

Казарян Армен Юрьевич, доктор искусствоведения, академик РААСН, почетный член РАХ, иностранный член НАН Армении, директор Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). Лауреат Премии за сохранение европейского культурного наследия Europa Nostra (2014), Макарьевской премии и Премии Тороса Тораманяна (2016). Автор многочисленных статей, книг и глав монографий, в том числе 4-томника «Церковная архитектура стран Закавказья

VII века. Формирование и развитие традиции» (Москва, 2012–2013). Руководит исследовательскими проектами по грантам европейских и российских научных фондов. Последний из них направлен на изучение архитектуры Ани, средневековой столицы Армении.

Карушкина Наталья Викторовна, соискатель для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (направление «История»), Санкт-Петербургский государственный университет.

Коновалова Нина Анатольевна, кандидат искусствоведения, советник РААСН, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (НИИ РАХ). Главный редактор журнала «Современная архитектура мира». Лауреат профессиональных наград, в том числе Медали «За преданность содружеству зодчих» (2024), диплома Форума Международного союза архитекторов (2011), дипломов фестиваля «Зодчество» (2011, 2014, 2023). Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографии «Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства» (М.; СПб., 2017). Научные интересы: архитектура Японии, сохранение традиций в современной архитектуре, архитектурные эксперименты на Всемирных выставках.

Кайе Жан-Пьер, Dr. по археологии, профессор, член-корреспондент Папской Римской археологической академии, Парижский университет Нантера (Франция). Основная область исследований — история искусства и архитектуры поздней Античности и Средних веков, с углублением в проблему контактов западного и восточного христианских миров. Его основные публикации — *L'antiquité classique, le haut moyen âge et Byzance au musée de Cluny* (1985); *La vie d'éternité. La sculpture funéraire dans l'Antiquité chrétienne* (1990); *L'évergétisme monumental chrétien en Italie et à ses marges* (1993); "Architecture et décor monumental" in *L'Europe de l'an mil* (dir. P. Riché) (2001); *L'art carolingien* (2005); *Les manuscrits carolingiens* (co-dir. with M.-P. Laffitte) (2009); *Orient et*

Occident méditerranéens au XIIIe siècle: les programmes picturaux (codir. with F. Joubert) (2012); Des domus ecclesiae aux palais épiscopaux (codir. with S. Balcon-Berry, F. Baratte and D. Sandron) (2012); Art et mémoire: sauvegarde, illustration et inspiration du passé (2020). Он является членом научных советов и редколлегии европейских и российских периодических изданий. В его честь издан сборник статей "Ars auro gemmisque prior" (ed. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Boucherat, P. Volti) (2012).

Кушелев Илья Евгеньевич, соискатель ученой степени в Московском архитектурном институте (академия) МАРХИ, научный руководитель — ч.-к. РААСН, доктор архитектуры, профессор А.С. Щенков. Лауреат Макариевской академической премии III степени 2020 г. Лауреат Премии им. А.И. Комеча 2022 г. Член Ассоциации искусствоведов (АИС, г. Москва).

Краус Сергей Валерьевич, главный инженер проектов ООО «Русская архитектура», преподаватель кафедры «Основы архитектуры и художественных коммуникаций» Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). Является аттестованным специалистом в области сохранения объектов культурного наследия, инженером в области реставрации иных культурных ценностей по третьей категории. Состоит в техническом комитете по стандартизации 082 «Культурное наследие» при Министерстве промышленности и торговли РФ, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Член Союза реставраторов России, национального объединения изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ), национального объединения строителей (НОСТРОЙ).

Носов Константин Сергеевич, доктор исторических наук, директор Центра изучения истории фортификации (ЦИИФ), ведущий научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя РФ» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ); старший научный

сотрудник музея «Нижегородский кремль» ГБУК НО НГИАМЗ. Область научных интересов: история фортификации, в первую очередь история русского оборонительного зодчества XV–XVII вв. Автор 125 публикаций по этой теме, включая ряд монографий.

Рыжко Ольга Валентиновна, соискатель для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (направление «Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности»), архитектор-реставратор, член Федерального научно-методического совета при Минкультуры России, главный архитектор проектов в ООО «Проектное бюро «ГрандВилль».

Стоянов Роман Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Центра античной и восточной археологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). Профессиональная специализация — классическая археология. Научные интересы связаны с вопросами античной ордерной архитектуры, пространственной организации и межкультурных коммуникаций античного времени.

Терентьева Мария Павловна, магистрант, Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, Государственный музей Востока, экскурсовод.

Тихонова Дарья Вячеславовна, магистрант Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) по направлению подготовки «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия»; архитектор-реставратор ООО «Русская архитектура».

Иванцык Тимур Викторович, архитектор-реставратор I категории, член союза реставраторов России, главный архитектор отдела реставрации НИИП НИУ МГСУ, преподаватель кафедры «Основы архитектуры и художественных коммуникаций» Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ).

Шесторкина Анна Стоянова, аспирант кафедры «Основы архитектуры и художественных коммуникаций» Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского

государственного строительного университета (НИУ МГСУ) (направление «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия»).

Baeva Olga Vladimirovna, Dr. in the History of Arts, Professor of the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG). She is an author of more than 50 publications, including 3 scientific monographs.

Address: Vernadskogo pr., 29, 119331, Moscow, Russian Federation

Contact: olabaeva@mail.ru

Bondarenko Igor Andreevich, Dr. in the Architecture, Professor, RAASN academician, member of the Presidium of RAASN, Honored architect of Russia, winner of the State Prize of the Russian Federation in the field of literature and art (1999), Consultant of the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University); chief researcher of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning – branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG). Since 2000, he is a managing editor of the periodical “Architectural heritage”. He compiled the collections of papers and collective monographs; he organized the conferences. He studied Russian traditions of urban development, the creative thinking of architects, as well as the archaic picture of the world, captured in the universal tradition of the architectural shaping.

Address: Vernadskogo pr., 29, 119331, Moscow, Russian Federation

Contact: igor.bondarenko.54@mail.ru

Kazaryan Armen Yur'ievich, Dr. in the History of Arts, academician of RAASN,

honorary academician of the Russian Academy of Arts, and the member of the Armenian Academy of Sciences, Director of the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University). His four-volume study “Church Architecture of the Seventh Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition” (Moscow, 2012–2013, in Russian) was honored with the Europa Nostra Award (2014) and with the Toros Tormanian Award (2016). He is an author of numeral articles, books and chapters. He is a head of several Russian and European grants, the last of which focused on a large study of the architecture of Ani, the medieval capital of Armenia.

Address: Yaroslavskoe Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation

Contact: armenkazaryan@yahoo.com

Caillet Jean-Pierre, Prof. Dr., Corresponding member of the Pontifical Roman Academy of Archaeology, Université Paris Nanterre (France). His main research fields are history of art and architecture of the Late Antiquity and Middle Ages, with particular focalization on contacts between Western and Eastern Christian worlds. His main publications are *L'antiquité classique, le haut moyen âge et Byzance au musée de Cluny* (1985); *La vie d'éternité. La sculpture funéraire dans l'Antiquité chrétienne* (1990); *L'évergétisme monumental chrétien en Italie et à ses marges* (1993); “Architecture et décor monumental” in *L'Europe de l'an mil* (dir. P. Riché) (2001); *L'art carolingien* (2005); *Les manuscrits carolingiens* (co-dir. with M.-P. Laffitte) (2009); *Orient et Occident méditerranéens au XIIIe siècle: les programmes picturaux* (co-dir. with F. Joubert) (2012); *Des domus ecclesiae aux palais épiscopaux* (co-dir. with S. Balcon Berry, F. Baratte and D. Sandron) (2012); *Art et mémoire. Sauvegarde, illustration et inspiration du passé* (2020). He is a member of scientific

ccouncils and editorial boards of several European and Russian periodicals. A volume of «Mélanges» has been dedicated to him: *Ars auro gemmisque prior* (ed. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Boucherat, P. Volti) (2012).

Address: avenue Foch, 77, 77590, Bois-le-Roi, France

Contact: fjpc2@wanadoo.fr

Karushkina Natalia Viktorovna, an applicant for the preparation of a dissertation for the degree of Candidate of Sciences (direction «History»), St. Petersburg University.

Address: Universitetskaya emb., 7-9, 199034, St. Petersburg, Russian Federation

Contact: natakakarushkina@yandex.ru

Konovalova Nina Anatol'evna, Candidate in the History of Arts, Leading Researcher at the Research Institute of the Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts. She is a managing editor of the periodical "Contemporary World Architecture". Konovalova was honored with the Medals of loyalty to the Community of Architects, Diplomas of the World Congress of International Union of Architects, of the festival "Zodchestvo" (2011, 2014, 2023). She is an author of the book "Contemporary Architecture of Japan: Tradition of the Space's Perception" (Moscow, 2017) and about 100 scientific publications. Research interests: architecture of Japan, traditions in the contemporary architecture, architectural experiments in the World exhibitions.

Address: Prechistenka street, 21, 119034, Moscow, Russian Federation

Contact: phuekirjuko@mail.ru

Kushelev Ilya Evgen'evich, Moscow Institute of Architecture (Academy) Moscow Institute of Architecture, a candidate for an academic degree, scientific supervisor — Ch.-K. RAASN, Doctor of Architecture, Professor A.S. Shchenkov. Laureate of the Makariyev Academic Prize III degree 2020. Laureate of the A.I. Komech Prize 2022. Member of the Association of Art Critics (AIS, Moscow).

Address: Rozhdestvenka Street, 11/4, build. 1, build. 4, 107031, Moscow, Russian Federation

Contact: cushelewilja@yandex.ru

Kraus Sergej Valer'evich, restoration engineer of the III category. Chief Project Engineer of the Russian Archi-

itecture LLC, teacher of the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University). He is certified as a specialist in the field of preservation of cultural heritage sites, and he is an engineer in the field of restoration of other cultural values in the third category. He is a member of the Technical Committee for Standardization 082 "Cultural Heritage" under the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation, the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. Member of the Union of Restorers of Russia, of the National Association of Prospectors and Designers, and of the National Association of Builders.

Address: Yaroslavskoe Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation

Contact: KrausSV@mgsu.ru

Nossov Konstantin Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, director of the History of Fortification Study Centre (HFSC), leading research fellow of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG), senior researcher of the "Nizhny Novgorod Kremlin" Museum. Research interests: history of fortification, primarily the history of Russian defensive architecture of the 15th–17th centuries. Author of 125 publications on this topic, including a number of monographs.

Address: Vernadskogo pr., 29, 119331, Moscow, Russian Federation

Contact: ksnosov@yandex.ru

Ryzhko Olga Valentinovna, an applicant for the preparation of a dissertation for the degree of Candidate of Sciences (direction "Architecture of buildings and structures. Creative concepts of architectural activity"). Architect-restorer, member of the Federal Scientific and Methodological Council under the Ministry of Culture of Russia, chief architect of projects at "Proekt-noe buro «GrandVille»".

Address: Plekhanov st., 7, 111142, Moscow, Russian Federation

Contact: olga-and-alex@mail.ru

Stoyanov Roman Vladimirovich, PhD, As-

sociate Professor at National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Professional specialisation: Classical archaeology. Research interests focus on the design and spatial organisation of the ancient built environment, with particular attention to the development and significance of the classical architectural orders.

Address: Staraya Basmannaya st., 21/4, bd.3-L, L-109, Moscow, 105066, Russian Federation

Contact: rstoyanov@hse.ru

Terenteva Maria Pavlovna, Moscow State Academic Art Institute named after V.I. Surikov, magister, State Museum of Oriental Art, guide.

Address: Nikitsky blvd., 12A, bd. 1, Moscow, 119019, Russian Federation

Contact: mariiii.tere@yandex.ru

Tikhonova Dar'ya Vyacheslavovna, Master's degree student in the direction "Reconstruction and restoration of architectural heritage" of the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), architect-

restorer of the Russian Architecture LLC.

Address: Yaroslavskoe Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation

Contact: tikhonovadari@mail.ru

Ivantsyk Timur Viktorovich, Class I architect and restorer, member of the Union of Restorers of Russia, chief project architect of the restoration department of Research Institute of Design, lecturer at the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University).

Address: Yaroslavskoe Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation

Contact: timurahc@yandex.ru

Shestorkina Anna Stoyanova, PhD student at the Institute of Architecture and Urban Planning of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), specialization: Theory and History of Architecture, Restoration and Reconstruction of Historical and Architectural Heritage.

Address: Yaroslavskoe Shosse, 26, 129337, Moscow, Russian Federation

Contact: a.shestorkina@mail.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ

To the authors of articles

Редакционная или издательская этика — это система правил, которые регулируют взаимоотношения автора, редактора и рецензента. При составлении правил мы руководствовались рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE, Committee on Publication Ethics) и Кодексом этики научных публикаций, подготовленным в Комитете по этике научных публикаций.

К публикации в журнале «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (далее — ВВИА) принимаются только оригинальные, ранее неопубликованные научные статьи. Обращаем внимание, что автор несет персональную ответственность за предоставляемый в редакцию текст. Авторы обязуются гарантировать точное цитирование источников, используемых в процессе работы над рукописью статьи. Если авторы использовали работу и/или фрагменты текста других авторов, обязательны соответствующие ссылки на опубликованные работы.

Редакция ВВИА принимает статьи как на русском, так и на английском языке.

ПОРЯДОК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Статьи, поступившие в редакцию и удовлетворяющие предъявляемым к рукописям объемам и правилам оформления, проходят рецензирование и редактирование (научное, техническое, стилистическое). Рецензирование и научное редактирование осуществляют специалисты НИУ МГСУ или других учреждений, имеющие квалификацию в соответствующих отраслях науки и ученую степень доктора или кандидата наук, а также члены редколлегии периодического издания ВВИА в соответствии с требованиями к изданию научной литературы. Рецензенты должны быть признанными специалистами по тематике рецензируемых публикаций и иметь за последние три года научные публикации по той же тематике. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет. Редколлегия оставляет

за собой право отклонить статью или вернуть ее на доработку.

Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса. Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации.

С авторов взносы за публикацию не взимаются, авторское вознаграждение не выплачивается. Плата с аспирантов за публикации рукописей не взимается. Статьи аспирантов при их подаче в редакцию издания должны сопровождаться отзывом (рекомендацией) научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы для публикации статей передаются в редакцию издания в электронном виде с соблюдением требований, установленных редакцией ВВИА, публикуются в печатном виде. Аннотации и тексты опубликованных статей доступны на странице журнала в интернете, а также на его странице на портале eLibrary.ru (РИНЦ). Рукописи должны соответствовать требованиям оформления, обладать научной новизной, актуальностью, четкостью структуры, логикой изложения материала, обоснованностью выводов, отражать знания автора последней современной литературы по тема-

тике исследования. Во введении статьи должны быть четко сформулированы цель и задачи исследования; в заключении должны быть отображены краткие выводы проведенного исследования. При наличии иллюстраций, они должны быть надлежащего качества со ссылкой на источник. Объем статьи вместе с аннотацией, библиографическим списком и референсами (References) не должен превышать 30 000 знаков с пробелами. Текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ И КОМПЛЕКТАЦИЯ СТАТЬИ

Материалы статьи должны быть представлены в виде текстового файла под названием «Family.doc» (например, «Ivanov.doc», исключительно латиницей) и файлов иллюстраций. Текстовый файл должен содержать следующую информацию, в последовательном порядке:

- код УДК, его необходимо самостоятельно присвоить в соответствии со справочником УДК по ссылке <http://teacode.com/online/udc>
- Ф.И.О. автора;
- название статьи;
- краткая аннотация статьи (от 200 до 250 слов — строго!);
- ключевые слова к статье (не более 5–7 слов и словосочетаний);
- фамилия, имя автора на английском языке;
- название статьи на английском языке;
- краткая аннотация статьи (от 200 до 250 слов — строго!) на английском языке;
- ключевые слова к статье на английском языке.
- текст статьи;
- библиографический список;
- список использованных в тексте сокращений (РГИА, ДОР и т.д.) с их расшифровкой;
- references;
- список иллюстраций, и в этом списке можно указать пожелания автора по расположению иллюстраций (на ширину колонки, на ширину полосы и т. д.);
- сведения об авторе в виде небольшого рассказа в объеме не более 700 знаков с пробелами, содержащем в начале в строгом порядке, через запятую, без сокращений: Ф.И.О. полностью, ученую степень, научное звание, место работы и должность в именительном падеже. В конце текста указывается почтовый адрес места работы и контактная информация — e-mail, телефон;
- аналогичные сведения об авторе в переводе на английский язык (обязательно).

Ссылки в тексте на источники и литературу (затекстовые) оформляются следующим образом: в круглых скобках курсивом указывается фамилия автора книги или статьи, далее через пробел год издания, после двоеточия — номер страницы(ы), на которую идет ссылка; например: (Грaбapь 1912: 68–96), (Paul 1963: 127–133).

Постраничные примечания оформляются в автоматическом режиме редактора Word и используются только для сведений, которые по каким-то причинам не могут быть помещены в основной текст публикации, а также для переводов иноязычных слов. В тексте примечания в скобках могут помещаться ссылки на литературу.

Иллюстрации принимаются с разрешением не ниже 300 dpi в форматах jpeg или tiff; чертежи должны содержать масштабную линейку, за редкими исключениями.

Количество иллюстраций равняется количеству страниц текста статьи, но не более 15.

Иллюстрации записываются в отдельные файлы, которые должны быть пронумерованы в соответствии со Списком иллюстраций и только цифрой, например: «5.jpeg»; в тексте статьи обязательны ссылки на номера иллюстраций, например: (ил. 5).

Уважаемые авторы ВВИА, при использовании архивных изображений, пожалуйста, убедитесь в том, что у вас есть право на публикацию материалов (договор с правом публикации или разрешение на публикацию на безвозмездной основе).

Лицензионный договор. После того как очередной номер ВВИА будет сформирован, авторам высылается шаблон лицензионного договора, который заключается в том числе для размещения полных текстов статей на сайте НЭБ (Научной электронной библиотеки, РИНЦ — Российский индекс научного цитирования). Его необходимо заполнить, передать в редакцию или выслать по почте на адрес редакции в НИУ МГСУ.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПИСКОВ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Списки литературы — основной и второй, именуемый «References», — нужны для индексирования публикаций в РИНЦ и других международных наукометрических базах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

В начале списка по алфавиту располагаются источники. Ниже помещается литература (также по алфавиту): в начале русскоязычные публикации и на других языках, пользующихся кириллицей, затем публикации с использованием латиницы. Список не нумеруется.

Перед каждой позицией списка выносятся фамилия автора (курсивом) и год издания. Эта выноска, используемая в ссылках в тексте статьи, отделяется от полного названия публикации длинным тире. Публикации на языках других алфавитов (араб., арм., греч., груз. и др.) вносятся в список с сокращенной выноской на русском языке, и их место согласуется с алфавитным порядком в русскоязычном списке.

В общий библиографический список должны попасть все архивы, откуда пу-

бликуются иллюстрации, тогда в подписанных подписях ссылка будет на номер из списка (см. ниже рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям).

В библиографическом описании книг и сборников статей указывается место, название издательства и год издания; для журналов и серийных сборников статей — номер выпуска и год издания. Статьи в списке должны сопровождаться указанием их страниц. Для не периодически издаваемых сборников необходимо указывать редактора (Ред. ... или ред.-сост. ...; Ed. by ...).

Ответственность за точность библиографических описаний несет автор публикации. Использование неточных сведений затрудняет подсчет индекса цитируемости системой РИНЦ.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Асратян 2000 — Асратян М.М. Армянская архитектура раннего христианства. М.: Инкомбук, 2000.

Григорян 1982 — Григорян В. Малые центричные памятники Армении раннего средневековья. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1982.

Завадская — Завадская И.А. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 9. 2002. С. 251–272.

Казарян 2005 — Казарян А.Ю. Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О.И. Подобедовой : сб. ст. / отв. ред. М.А. Орлова. М.: Северный паломник, 2005. С. 13–30.

Казарян 2012–2013 — Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. В 4 т. Т. 1–4. М.: Локус Станди, 2012–2013.

Мальцева 2018 — Мальцева С.В. Триконхи в архитектуре Балкан IV–XII веков // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 32. 2018. С. 34–58.

Мнацаканян 1960 — Մնացականյան Ս.Խ. Հայկական ճարտարապետության Սյունիքի դիրքը (Мнацаканян С.Х. Сюникская школа армянского зодчества). Ереван: изд. Академия наук Армянской ССР, 1960.

Токарский 1946 — Токарский Н.М. Архитектура древней Армении. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1946.

Токарский 1959 — Токарский Н.М. Джржеж I. Результаты работ Джржежской археологической экспедиции 1957 г. // Археологические раскопки в Армении. № 8. Ереван: изд. Академия наук Армянской ССР, 1959.

Bell 1910 — Bell G. The Churches and Monasteries of the Tur Abdin // Amida / eds. M. Van Berchem, J. Strjigowsky. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1910. P. 224–261.

REFERENCES

Этот, второй, библиографический список является списком литературы с транслитерацией не «латиноязычных» описаний на латинский алфавит и указанием перевода на английский язык (помещается в скобках вслед за транслитерацией). При транслитерации пользуйтесь сайтом «Транслит по-русски» <https://translit.ru/ru/lc/> (строго по ссылке!).

Порядок публикаций в References должен повторять порядок основного списка, за исключением не используемых в данном случае ссылок на источники. Позиции публикаций не сопровождаются условной краткой формой, как в пер-

вом списке. В References курсивом показываются не авторы, а основные названия публикаций: названия книг, сборников, журналов. После места издания указывается издательство (латиницей — оригинальное название или транслитерация) и ставится слово Publ. Название статьи отделяется от названия журнала точкой; после названия журнала через запятые идут номер выпуска и (или) тома (с обозначениями vol. и no., вне зависимости от языка оригинала), а также страницы (с обозначениями pp., независимо от языка оригинала).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА REFERENCES

- Hasratian M.M. *Armianskaia arkhitektura rannego khristianstva (Armenian architecture of Early Christianity)*. Moscow: Inkombuk Publ., 2000 (in Russian).
- Grigoryan V. *Malye tsentricheskie pamiatniki Armenii rannego srednevekov'ia (Small centric monuments of Armenia of the Early Middle Ages)*. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1982 (in Russian and Armenian).
- Zavadskaja I.A. *Baptisterii Khersonesa (k istorii kreschal'nogo obriada v rannevizantiiskii period) (Baptisteries of Chersonesos (on the History of the Baptismal Rite in the Early Byzantine Period))*. *Materialy po arkheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria)*, vol. 9, 2002, pp. 251–272 (in Russian).
- Kazaryan A.Yu. *Trikonkhovye krestovokupol'nye tserkvi v zodchestve Zakavkaz'ia i Vizantii (Triconch Cross-Domed Churches in the Architecture of Transcaucasia and Byzantium)*. *Vizantiyskiy mir: iskusstvo Konstantinopolia i natsional'nye traditsii. Pamiati O.I. Podobedovoi (The Byzantine World: The Art of Constantinople and National Traditions. In memory of O.I. Podobedova)*. Moscow: Severnyi polomnik Publ., 2005, pp. 13–30 (in Russian).
- Kazaryan A.Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: Formirovanie i razvitie traditsii (Church Architecture of the 7th Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition)*, vol. 1–4. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Mal'tseva S.V. *Trikonkhi v architecture Balkan IV–XII vekov (Thiconchs in the Architecture of the Balkans from the 4th to the 6th Centuries)*. *Vestnik PSTGU. Series 5: Questions of the History and Theory of Christian art*, no. 32, 2018, pp. 34–58 (in Russian).
- Mnatsakanian S.Kh. *Haikakan Tchartarapetutian Siuniki dprotse (Syunik School of Armenian Architecture)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1960 (in Armenian).
- Nalbandian G.A. *Kompleks rannesrednevekovykh arkhitekturnykh pamiatnikov Pemzashena (The Complex of Early Medieval Architectural Monuments of Pemzashen)*. *Voprosy istorii i teorii arkhitektury (Questions of the History and Theory of Architecture)*. Yerevan: Khorurdai grokh Publ., 1985, pp. 9–17 (in Russian).
- Tokarskii N.M. *Dzhhrvezh I. Rezul'taty rabot Dzhhrvezhskoi arkheolodicheskoi jekspeditsii 1957 g. (Jrvesh I. Results of the Work of the Jrvezhsky Archaeological Expedition 1957)*. *Arkheologicheskoe raskopki v Armenii (Archaeological Excavations in Armenia)*, no. 8. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1959 (in Russian).
- Bell G. *The Churches and Monasteries of the Tur Abdin. Amida*. Eds. M. Van Berchem, J. Strjigowsky. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung Publ., 1910, pp. 224–261.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ ПОДПИСЕЙ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1) для фотографий

Название объекта, месторасположение (если нужно). Архитектор(ы). Дата постройки. Автор, дата съемки/источник изображения/место хранения

Если съемка архивная или музейная, то обязательно указать место хранения. Если это копия изображения из издания, то это издание указывается в библиографическом списке, и за подписью под иллюстрацией в круглых скобках следует ссылка на публикацию.

Пример:

- *Qingdao, Sankt Michaels Katedrale, SaintMichael's Cathedral, 1931-1934 (photo of the author)*
- *Здание Купеческого банка на Невском проспекте. Архитектор Л. Н. Бенуа. 1901-1902. Фотография А. Вознесенского, 2009 г.*

- *Роминтен. Охотничий дом. Архитектор Х.Х. Мунте (совм. со Сверре и П. Ольсеном)*

- *1891. Фотография 1945 г. РГА КФД*

2) для чертежей

Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т.д.). Место хранения/источник изображения

Пример:

- *Херсонес. Уваровская базилика. План (Уваров 1854)*

Если известен автор и дата создания конкретного чертежа, обязательно их указывать:

Автор. Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т.д.). Место хранения/источник изображения

Пример:

- *К. Ф. Шинкель. Театр в Берлине. Рисунок пером, 1919 г. (Schinkel 1821: Tafel 1)*

РЕЦЕНЗЕНТАМ СТАТЕЙ

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции. Рецензент обязан давать объективную и аргу-

ментированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора неприемлема. Рецензент не должен использовать неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, для личных целей.